
Абсолютное оружие
Андрей
Ливадный
Наемник

Annotation

Роуг… Эта выжженная Галактической войной планета таила в себе главную загадку смертельного противостояния прародины человечества и колоний. Капитан Земного Альянса Глеб Дымов не мог и предположить, что именно ему придется разгадать ее. Предательство адмирала Воронцова сделало возможным создание сообщества киборгов, поставивших себе целью уничтожение прогнившей человеческой цивилизации. Маниакальный страх большинства людей перед мыслящими машинами оказался пророческим предвидением. Над планетами обитаемого Космоса нависла чудовищная угроза.

Андрей Ливадный Наемник

Пролог

История не терпит вольных трактовок. Она – неразрывная цепь свершившихся событий, объективно существующих причин и следствий… Как бы ни старались ее отредактировать, представить в нужном для определенных людей свете, все – тщета. Скрытые от нас факты рано или поздно становятся достоянием пытливых исследователей, ибо мы живем не в век изустных преданий, а в эпоху высоких технологий. Каждое событие, способное существенно повлиять на ход истории, оставляет следы, как материальные, так и информационные. Они не могут быть скрыты навсегда, уничтожены окончательно.

Поиск неизвестных нам страниц истории начинается с возникновения противоречий, туманных трактовок, несоответствия данных, полученных из разных источников. И тогда возникает поиск. Увлекательный, порой смертельно опасный, но неизбежный.

Как любой исследователь, ищущий истину, я вижу противоречия в ныне существующей официальной трактовке новейшего периода истории цивилизации и спрашиваю себя: могла ли Галактическая война, длившаяся три десятилетия, иметь движущей силой лишь притязания на жизненное пространство с одной стороны, и ненависть к захватчикам, стремление любой ценой отстоять свои миры – с другой?

Математические модели, учитывающие реально существовавшие балансы сил, упрямо отвечают – нет, Галактическая война завершилась бы в течение трех-пяти лет.

Я понимаю, невозможно оцифровать понятие «человеческий фактор», нельзя измерить героизм и трусость при помощи чисел, как невозможно оценить воздействие тотальной пропаганды на умы граждан Земного Альянса. Однако существует ряд неоспоримых, документально подтвержденных фактов. Вот лишь некоторые из них:

Спустя десятилетие войны, к 2618 году, население Солнечной системы и планет, входящих в Земной Альянс, составляло один миллиард девятьсот тысяч человек. Остальная часть цивилизации, призванная под знамена прародины, погибла в титанических битвах. Нуждались ли они – оставшиеся в живых – в жизненных пространствах колоний? Ответ очевиден – наполовину обезлюдевшие мегаполисы Земли, бескрайние терраформированные равнины Марса, колонии лун Юпитера и Новой Земли предоставляли достаточно простора для жалких остатков

Человечества, создавая идеальные условия для того, чтобы война угасла сама по себе, даже вопреки амбициям высшего генералитета Альянса.

Вы спросите о справедливой ненависти жителей колоний?

Да, она полыхала, требуя отмщения, и могла затянуть войну еще на год или два. В ту пору Землю от «удара возмездия» надежно защищали два рубежа обороны. Разработанные земными учеными генераторы помех, установленные в пространстве гиперсферы, искажали силовые линии аномалии, вдоль которых когда-то двигались колониальные транспорты Первого Рывка, не позволяли кораблям Флота Колоний совершить прямой прыжок на координаты прародины. Любой из гиперсферных маршрутов, ведущих к Земле, неизбежно выводил космические корабли в одну из систем так называемой Линии Хаммера, под удар автоматических станций обороны, к планетам, превращенным в неприступные цитадели, окруженные пространственными минными полями, в царство машин, полностью изменивших реальность двадцати четырех миров. Лишь к 2635 году, когда конструкция гиперпривода была усовершенствована, Земля оказалась в зоне прямой досягаемости, а все пространственные рубежи утратили былое стратегическое значение, Флотом Колоний был нанесен удар по метрополии, фактически положивший конец войне.

Однако вернемся к статистике.

В 2608 году на вооружении Земного Альянса появились первые системы боевого искусственного интеллекта. К 2619 году они составляли уже девяносто семь процентов от общего числа боевых единиц, сражающихся на стороне Земли, восполнив, а где-то и полностью заменив людей в командовании низшего и среднего звена.

В свете приведенных фактов возникает ряд закономерных вопросов:

Чья воля руководила боевыми действиями со стороны Альянса на протяжении полутора десятилетий, в период с 2620 по 2635 год, планируя не только боевые операции, но и строительство периферийных опорных пунктов на планетах, находящихся вне границ освоенного космоса?

Не трансформировалась ли война людей, развязанная Всемирным Правительством Джона Хаммера, в войну машин?

Данные статистики утверждают – да. Гибельный шаг был сделан. Сейчас широко распространено мнение, что победа Свободных Колоний стала возможна благодаря трем факторам: личному мужеству солдат и офицеров, сражавшихся за свои планеты, изобретению аннигиляционной установки «Свет», применение которой остановило вторжение армад Альянса еще в начале войны, и постоянному приросту населения колоний за счет потерянных миров эпохи Великого Исхода, вновь открытых в

результате боевых действий на пространственных фронтах.

Мое мнение – подлинную историю войны замалчивают.

Мужество защитников колоний неоспоримо, но его недостаточно для победы над противником, обладающим миллионными армиями боевых механизмов.

Глупо подвергать сомнению адскую, всеразрушающую мощь аннигиляционной установки «Свет», но семь флагманских крейсеров, оснащенных этим видом оружия, не в состоянии выиграть войну, они способны лишь выжечь дотла энное количество звездных систем.

Документальные свидетельства тридцатых и начала сороковых годов двадцать седьмого века говорят о затяжных позиционных боях и крупномасштабных техногенных сражениях на восьми пространственных фронтах, включающих десятки звездных систем и сотни планет.

Постоянное напряжение непрекращающихся схваток, когда не выдерживала техника, а люди сходили с ума, требовало непрерывного притока пополнений…

Я не ставлю под сомнение героизм солдат, защищавших свои планеты, но возникает вопрос: могли ли принятые в союз Свободных Колоний деградировавшие поселения эпохи Великого Исхода, пережившие четырехсотлетний упадок, мобилизовать бойцов, подготовленных для управления сложнейшими техническими комплексами, сражавшимися против «Одиночек» Альянса?

Нет.

Напрашивается вывод, что у Свободных Колоний находились на вооружении собственные системы искусственного интеллекта, но их роль в войне тщательно скрыта, а информация о ней покоится под грифом «Совершенно секретно» в недосягаемых для простого смертного хранилищах данных, расположенных на подземных уровнях Форта Стеллар.

И, наконец, последнее. Кто остановил боевые искусственные интеллекты у роковой черты, когда физическое уничтожение Человечества, как вида, стало неизбежным?

Ответ на поставленные вопросы и будет правдой о Галактической войне. Вполне вероятно, что такая информация, поданная честно, не только откроет истинную историю величайшего противостояния, но поможет предотвратить рецидив, зреющий на периферии Обитаемой Галактики спустя годы после капитуляции Альянса.

Эрест Норг Логвил. «Новейшие исследования».

Издание 2640 года…

Часть I

Глава 1

2634 год по летоисчислению Земли.

Граница исследованных секторов пространства. Планета Роуг. Опорная точка

Флота Свободных Колоний.

Глеб не любил планеты.

Он родился и вырос на орбитальной станции в системе лун Юпитера. Сознание, сформированное в условиях искусственного микроклимата, среди отсеков и коридоров исполинского космического дома, так и не сумело окончательно примириться с реальностью открытых пространств. Откровенное проявление фобий из него вышибли в учебном центре, где происходила подготовка пилотов боевых серв-машин, но глубоко скрытая неприязнь осталась.

В помещении врезанного в скалы временного командного пункта царил зеленоватый сумрак.

Вдоль стен располагались блоки кибернетических систем, десятки голографических экранов тускло сияли, отображая общие данные тактической обстановки. Неяркий свет стек-голографов ложился на лица людей землистыми, неживыми бликами.

Командир батальона Перегудов дремал в кресле, в боковом ответвлении бункера два пилота серв-машин негромко разговаривали.

– Слышал последние новости? – Алан Хорс потянулся за сигаретой, но передумал, покосившись на комбата, не выносившего табачного дыма.

– Ты о чем? – Глеб устало помассировал виски. Голова ныла с самого утра. Сказывалось напряжение последней недели непрекращающихся боев.

– Я тут оперативные сводки смотрел. Флот Колоний начал штурм Линии Хаммера. Юнона, Везувий и Новая Земля атакованы.

Комбат пошевелился, стряхивая дрему. В объеме одного из голографических экранов появилась пиктограмма активизации канала гиперсферных частот, секунду спустя пошла развертка данных.

– Пустое это все, – Дымов улегся на койку, заложил руки за голову. – Зачем штурмовать морально и технически устаревший оборонительный рубеж? – спросил он. – Сам подумай, новые модели гиперпривода позволяют менять навигационные линии гиперсферы, не осуществляя промежуточные всплытия, так что Линия Хаммера давно утратила былое

стратегическое значение.

– Да, но там полно техники, – напомнил Хорс. – Если бы я намеревался атаковать Солнечную систему, то позаботился бы о тылах. Чтобы в спину никто не ударил. Что молчишь, Глеб? Или скажешь, тебе все равно?

– Устал. Голова болит, – Дымов отвернулся к стене.

– А я тебе говорю – войне конец, – не унимался Алан.

Глеб ничего не ответил.

На панорамной сборке экранов тактической системы было отчетливо видно, как солнце коснулось вершин горных пиков и быстро исчезло за ними. В считаные минуты наступили сумерки, глубокие тени легли на серый фон скал, лишь гладь морского залива, расположенного ниже, далеко в тылу позиций батальона, матово отсвечивала алыми красками скоротечного заката.

– По ГЧ[1] сообщили: к нам направлена эскадрилья «Валькирий», – произнес Перегудов.

– Это новые штурмовики? – оживился Хорс.

– Они самые. Будут работать по седьмой батарее.

Глеб поворочался с боку на бок, потом сел и начал обуваться. Поспать все равно не дадут.

– Ты куда?

– Выйду воздухом подышу, – Дымов взял со стола распечатанную Хорсом пачку сигарет.

– Подождал бы. Сейчас штурмовики начнут работать. Сам знаешь, техника новая, в боях еще не проверена. Всякое бывает. Могут случайно и наши позиции зацепить.

– Два раза не умирать, – буркнул Дымов, натягивая куртку.

– Не нравишься ты мне в последнее время, – комбат осуждающее взглянул на Глеба. – На самом деле смерти ищешь?

– Я сам себе не нравлюсь, – отрезал капитан, направляясь к выходу из бункера.

* * *

Лес кишел сервами.

Под пологом маскирующего поля, накрывшего десятки квадратных километров горных склонов, ни на секунду не утихала «жизнь» механического муравейника. Тысячи автономных сервомеханизмов, не обращая внимания на человека, занимались неотложными делами, обеспечивая боеспособность батальона. Глеб остановился, мысленно отдал

приказ на прямое подключение сканеров кибстека[2] к устройствам импланта,[3] но привычное для пилота восприятие двух накладывающихся друг на друга реальностей вдруг вызвало резкое чувство отторжения, неприятия.

Тьма расступилась, теперь он отчетливо воспринимал энергоматрицы затаившихся под прикрытием маскирующего поля штурмовых носителей класса «Нибелунг-12NT», – к одному из них как раз подполз тягач, доставивший подбитый сегодня днем «Фалангер» сто восьмидесятой модели, из состава штурмовой группы, пытавшейся подняться по ущелью. Остальные машины так и остались там, погребенные под завалами обрушившихся в результате ураганного обстрела скальных пород. Погибшее серв-соединение возглавлял майор Шагетов – его вытащить пока не сумели, связь с командиром мобильной группы оборвалась пять часов назад. Фрайг его знает, жив майор или нет, возможно, что последняя передача данных велась уже не им, а модулем искусственного интеллекта серв-машины.

Глухая, безысходная тоска острыми коготками царапала грудь, норовя добраться до сердца. Глеб отключил сканеры. Царство машин в минуты глухой, неодолимой усталости вызывало неосознанный протест, все казалось неправильным, зашедшим слишком далеко, – ведь подсознательно он понимал: три человека на батальон – это ничтожно мало. Рано или поздно – наступит и их черед, но, похоже, ничего не изменится с полным исчезновением людей.

Сплюнув, Глеб запретил себе думать о копошащихся вокруг механизмах.

Холодало рано, звезды в небе тускло мерцали, их призрачный свет искажался маскирующим полем, вокруг темной массой громоздились скалы, среди которых едва угадывались позиции батальона, зацепившегося за склон у подножия горного массива.

Некоторое время он машинально всматривался в небеса, но тщетно.

Заметить невооруженным взглядом звено современных штурмовиков попросту невозможно, да Глеб и не старался, – опустошенный, озлобленный, потерявший интерес к жизни, Дымов стоял, равнодушно созерцая окрестности. Вырезанные лазерами капониры пластались заплатками тьмы на фоне серого камня, хищные контуры притаившихся в глубине укрытий серв-машин казались потусторонними призраками, иней, испятнавший скалы сразу после заката солнца, вызывающе белел, клочья маскировочной сети, разбросанные по краю свежей воронки, напоминали о

трудном, но уже прожитом дне, два сгоревших дотла остова боевых планетарных машин чернели возле узкого разлома ущелья, постоянно нашептывая: ты на прицеле, о тебе помнят…

Обстрел, прекратившийся час назад, мог возобновиться в любой момент.

Роуг – проклятое место. Отсюда не возвращались. «Отправиться на Роуг» означало – умереть. Без вариантов. Уже не первый год на истерзанной планете шли затяжные бои. Отдельный дивизион Флота Колоний, оборудовавший стартопосадочные площадки в глубинах горной страны, укрепивший позиции десятью сверхтяжелыми батареями противокосмической обороны, держался насмерть… хотя ходили упорные и, по мнению Дымова, далеко не беспочвенные слухи, что в живых там не осталось никого, а господствующие высоты контролируют исключительно сервомеханизмы, иначе сложно объяснить несгибаемое упорство защитников стратегически важной планеты.

Кем я был десять лет назад? – невольно подумал он, и сам же мысленно ответил: – *Девятнадцатилетним подростком. А тут уже шли бои. Нет там живых, а может, никогда и не было.*

Он присел на выступающий край капонира, достал сигарету, прикурил. В черно-серой глубине укрытия притаился его «Фалангер» с бортовым номером 17. Сканеры серв-машины тут же отреагировали на крохотный источник тепла от уголька сигареты, мгновенно прикрыв пилота дополнительным маскирующим полем.

Мимо, царапая металлом о камень, резво пронеслась группа штурмовых сервомеханизмов. Промелькнув сумеречными тенями, они исчезли во мраке, направляясь в сторону ущелья.

Глеб глубоко затянулся. Говорят – от судьбы не уйдешь. А что такое судьба? Он усмехнулся внезапным мыслям, четко представив окружающую действительность. Армия сервомеханизмов, затаившаяся на склонах горного хребта, ждет приказа на очередной штурм господствующих высот. Они не ощущают обреченности, им неведомы чувства, разве что синтезированные сознания некоторых из искусственных интеллектов, управляющих серв-машинами, испытывают некий эквивалент повышенной нервозности перед боем. Но они – случай особый. Синтетические личности, существующие на основе нейросетевых модулей некоторых «Одиночек», не в счет. Они не люди и не сервы. Нечто среднее, одинаково чуждое, как для человека, так и для кибернетических систем.[4]

Сигарета дотлела, обжигая пальцы.

Глеб раздавил окурок ногой. Два сонмища боевых машин ждут рокового приказа. Еще немного, и они ринутся уничтожать друг друга. И судьба горстки людей, оказавшихся среди ведущих бескомпромиссную борьбу кибернетических исчадий, – сгореть в предстоящей схватке.

Тьма скалилась серыми тенями. Холод заползал под одежду.

Его личное, субъективное падение в пропасть завершилось. Он достиг дна. Больше не осталось иллюзий, да и цель жизни потускнела, истерлась, словно подметка старой обуви.

Глеб зло усмехнулся набившим оскомину мыслям, гримаса горечи исказила черты лица. Десять лет назад ему, как многим другим подросткам, бросили обглоданную, уже не раз и не два использованную кость надежды, обернутую в красивую упаковку пустых обещаний. Тогда казалось – нет ничего хуже, чем прозябание в опустевших мегаполисах Земли. Душа рвалась прочь от серых, унылых стен, и вербовочный пункт военно-космических сил, куда зазывала яркая голографическая реклама, казался вратами в иную жизнь.

Потом был учебный центр Юноны и полигоны Везувия.[5]

Надежда умирала долго. Ее выдавливало постепенно, от боя к бою, от одной потери к другой. Лица друзей – тех, с кем он когда-то вместе покинул Солнечную систему, – серыми тенями скользили во тьме. Никто из них не дожил до обещанных побед, никто не получил своего райского уголка на далеких планетах, да и не мог получить, потому что за спиной серв-соединений Альянса оставался лишь прах выжженной дотла земли.

Глеб сопротивлялся дольше других. Он прошел через все: познал и липкий удушливый страх, и неистовое, граничащее с помешательством, животное желание жить, уцелеть в техногенном аду, затем будни войны взяли свое, и на смену инстинкту самосохранения пришел губительный азарт. Познав глубины полного нейросенсорного контакта с подчиненной кибернетической системой серв-машины, Дымов стал сдержан, холоден, логичен, но в его усталом, воспаленном взгляде теперь таилась искорка безумия. В часы и дни затишья между боями он впадал в глухую депрессию, жил ожиданием новой схватки, очередной возможности еще раз пройти по тонкой грани между жизнью и смертью, ощутить слияние рассудка с мощью кибернетического механизма, выстоять там, где не выдерживал металл…

Его душа медленно погибала, но Глеб не понимал этого. Однажды, в последней попытке защититься, она заснула летаргическим сном, не в силах вынести боль потерь, не принимая подступающего в бою безумия, а

Дымов даже не заметил, как подкравшееся безразличие к окружающему, циничное равнодушие, ожидание неизбежного финала окончательно превратили его жизнь в существование. Поблек азарт, остался лишь холод отрешенности, жизнь потеряла всякий смысл, – он не сломался, но угас, как гаснет свеча под порывом ветра. Утратив веру, окончательно похоронив иллюзии, Глеб с определенного момента смотрел на окружающее, уже не пытаясь скрасить его тщетными надеждами на мифическое «светлое будущее». Все окончательно встало на свои места, и ему вдруг нестерпимо захотелось поставить точку.

Высоко в горах полыхнула серия разрывов.

Скалы вздрогнули, близкий, изломанный контурами горных вершин горизонт подсветили зарницы, – пламя вспухло, ударило в облака, разметав их багряно-седые космы; судорогой прокатился грохот обвалов, затем штурмовики, атакующие под защитой фантом-генераторов, истратив ракетный боекомплект, огрызнулись плазмой. Над позициями седьмой батареи ПКО противника блеснула ослепительная цепь молний, расходящаяся веерами сотен ветвистых разрядов, с оглушительным треском ударили раскаты грома, и все стихло так же внезапно, как началось, лишь по подбрюшью свинцово-серых облаков, клубящихся над горными вершинами, скользили режущие нити лазеров, да огненными трассами отплевывались скорострельные зенитные орудия.

Из укрытия появилась широкоплечая фигура. Командир батальона полковник Перегудов взглянул в потемневшие небеса, словно рассчитывал увидеть там нечто большее, чем продемонстрировали ему мониторы боевого тактического комплекса, затем, заметив Дымова, подошел, присел рядом и негромко спросил:

– Видел, что новая техника вытворяет? Вышли из гиперсферы, подкрались, словно кошки, ни один сканер не пискнул.

Глеб кивнул. Машины действительно высококлассные. Жаль, что появились недавно и выпущены небольшой серией.

– Батарею они не уничтожили, – продолжил комбат. – Но потрепали конкретно.

– Поднимешь батальон?

Перегудов поморщился, неодобрительно посмотрел на Дымова, но все же ответил:

– Разведгруппа сервов уже выдвигается. Не знаю, Глеб, мы столько раз атаковали, что уже не осталось желания рисковать. Даже учитывая успешную атаку штурмовиков.

– Не век же нам на склонах торчать под обстрелом. – Капитану

излишняя осторожность командира показалась неуместной. Атака «Валькирий» давала неплохой шанс закрепиться на высоте. Сложный рельеф горной местности позволял серв-машинам подобраться достаточно близко к системе укреплений противника, находясь при этом вне секторов обстрела соседних батарей тяжелых противокосмических орудий. Главное, чтобы седьмая молчала.

– Послушай, Глеб, не лезь сегодня в пекло. Нас всего трое осталось. Пусть «Одиночки» начинают штурм.

– А мы? Отсидимся в бункере?

– Мы будем в рубках своих машин. Но не возглавим атаку.

– Это приказ?

– Глеб, не заносись! – Перегудов гневно взглянул на него. – Знаешь ведь, что официально отдать такой приказ я не могу.

Дымов кивнул. Спорить с комбатом, говорить лишнее не хотелось. В рубку. А там посмотрим…

– Я пошел, – Глеб направился к укреплению, где хранилась боевая экипировка.

Риск предстоящей атаки все же вызвал некоторый подъем сил, легкую нервозность. Опыт боев подсказывал, – если наверху, среди атакованных «Валькириями» позиций батареи ПКО, уцелел хотя бы один генератор плазмы – батальону придется туго. За последние годы системы плазменных вооружений превратились в грозную силу. Пример тому – атака штурмовиков. Двигаясь на малых высотах, они ракетным ударом взломали защитные диэлектрические слои, изолирующие бункерную зону противника, а затем сбросили сгустки временно стабилизированной плазмы. При разрушении эти сгустки спровоцировали возникновение шквала из тысяч мощнейших электрических разрядов, которые человек исстари привык обозначать термином «молния».

В идеале комбинированный ракетно-плазменный удар должен полностью разрушить или привести в состояние временной негодности до девяноста процентов кибернетических систем и связанных с ними исполнительных комплексов, но как произошло на самом деле, насколько глубоко проникли разряды в недра бункерных зон, покажет только разведка боем.

Глеб подошел к нише с бронескафандром, приложил личный кодон[6] к окошку сканера, и сервоприводная оболочка, считав полномочия пилота, пришла в движение, открывая доступ. Машинальным, отработанным до автоматизма движением Дымов развернулся, сделал шаг назад, ощутив

мышцами спины упругое сопротивление внутренней термоизолирующей и амортизирующей оболочки боевой экипировки.

Внешний мир тут же померк, истончился, осталось лишь ощущение вибрирующей дрожи от работы сервомоторов, сдвигающих на место бронепластины, затем включились электромагнитные замки, сухо щелкнула дублирующая механика, сотни датчиков плотнее прижались к телу, и ощущения внезапно трансформировались, – это приемопередающий комплекс импланта установил прямой контакт с подсистемами бронескафандра.

Дымчатое проекционное забрало шлема разделилось на несколько оперативных окон, куда начала поступать информация от БСК[7] «Аметист».

Границы восприятия окружающего резко раздвинулись, теперь Глеб видел не только предметы, но и энергетические сигнатуры,[8] поддающиеся обнаружению при помощи встроенных в скафандр сканеров.

Загрузка командного интерфейса завершилась. Нервозность исчезла. На фоне ледяного спокойствия непроизвольная мышечная дрожь пробегала жаркими волнами, мощь сервоусилителей боевой брони особенным образом воздействовала на разум, меняя мировоззрение. Глеб повернулся, окинул взглядом лес, предвкушая еще одно перерождение рассудка, его полное слияние с подсистемами «Фалангера».

Под маскирующим пологом лесопосадок кишело сонмище боевых сервов. Механический муравейник, разворошенный поступившими командами, пришел в целенаправленное движение, но Глеб уже не обращал внимания на всякую мелочь, почтительно уступающую дорогу человеку в бронескафандре.

Четверть часа назад он лежал на жесткой койке, отвернувшись к шероховатой стене бункера, безучастный к происходящему, но сейчас Дымова словно подменили. Им овладело гибельное предчувствие близкого боя. Что бы там ни говорили военные медики, но адреналиновый голод тут ни при чем. Он – лишь бледная тень той зависимости, что развивается в результате прямого нейросенсорного контакта между человеком и искусственным интеллектом серв-машины.

Существует грань, шагнув за которую вернуться назад уже невозможно.

Для каждого пилота она разная. Многие погибают в кресле пилот-ложемента, не в силах возвратиться обратно, в серый, унылый мир, где практически не осталось ничего живого, где любой серв, случайно зацепив тебя, способен ненароком искалечить… Человек, познавший ритмику

техногенного боя, уже не видит в реальности ничего более яркого, слепящего, стремительного, любое ощущение – лишь тень прожитого там, за чертой.

Существует мнение, что пилоты серв-машин – кровожадные отморозки.

Чушь. Глеб не убил ни одного человека. Люди попросту не встречались ему на полях сражений, где сходились в схватке тысячи сервомеханизмов. Война еще до его рождения ушла за грань, сожрав практически все человечество, но боевые машины, призванные заменить своих погибших создателей, продолжили безумное противостояние, придав ему новый, уже запредельный для живых существ импульс.

Дымов относился к особому поколению, рожденному в период войны, – он, как и миллионы сверстников, вырос в полностью автоматизированном мире, с первыми осознанными впечатлениями впитал сокровенную суть понятия «техносфера», чаще общаясь с искусственными интеллектами, нежели с людьми.

Ему с детства внушали: для избранных смерти нет. Какой смысл страшиться неизбежного, ведь человеческое тело несовершенно, оно, рано или поздно, стареет, изнашивается и погибает в силу естественных причин. Есть лишь один способ изменить установленный природой порядок вещей – доказать, что ты лучший, первый среди равных. Шагнуть за предел человеческих возможностей, соединив рассудок с искусственным интеллектом боевой машины, – сражаться, ничего не опасаясь, ведь разум пилота не умирает, он после гибели тела продолжает жить в нейросетевых модулях «Одиночки».

Глеб верил постулатам этой новой религии. Десятки его боевых товарищей оживали там, в иной реальности. Извращенная, порожденная войной психология, невозможная для человека, родившегося и выросшего в обычных условиях, стала для Дымова новым смыслом жизни.

Бытие определяет сознание. Древняя истина нашла еще одно подтверждение. Глеб вырос среди машин, человеческие радости и горести бледными тенями прошли мимо, и только в бою, на пике возможностей рассудка, он ощущал себя хозяином собственной судьбы.

Он умел различать искусственные интеллекты «Одиночек», безошибочно классифицировать их, пренебрегая эрзац-сознаниями, чутко ощущая, в каких нейросетях сохранилась матрица рассудка *настоящего* человека, а в каких она – лишь заводская запись.

Он бессмысленно страдал между боями, не понимая ни себя, ни других, часто не находил общего языка с Перегудовым и Хорсом. Они были

старше, помнили довоенный мир, их страшила смерть, волновали события, связанные с ее неизбежным приходом.

Дымова не заботила судьба Земли. За десять лет непрекращающихся боев он растерял большинство идеалов, похоронил прежние мечты и надежды, но не обрел новых.

У него развилась жесточайшая психологическая зависимость, мир вне прямого нейросенсорного контакта с кибернетической системой казался невыносимым, замедленным, бесцветным. Хотелось туда, в иное измерение, но уже *навсегда*.

Текущая боевая задача манила. В ней, как никогда прежде, ощущался предельный риск.

* * *

В капонире, где затаился «Фалангер» Дымова, царила антрацитовая тьма.

Глеб пересек границу маскирующего поля, и обстановка вдруг резко изменилась: из мрака проступили контуры боевого сервомеханизма, источающие ощущение неукротимой мощи. Для пилота исполинский механизм значил намного больше, чем боевой друг или живое, близкое по духу существо. Восприятие титанической силы смягчалось неразрывными узами глубоких психологических взаимосвязей между человеком и кибернетической системой искусственного интеллекта. Их духовное тождество зачастую принимало самые невероятные, необратимые формы, классифицируемые психологами как тяжелейшие виды зависимостей, психических расстройств, но страдали ими не только люди. «Одиночки» перенимали от своих пилотов не просто бесценный опыт нестандартного человеческого мышления – они формировали в искусственных нейросетях копии человеческого рассудка, и здесь речь уже идет о двустороннем воздействии. Прямой нейросенсорный контакт необратимо менял и человека, и искусственный интеллект машины.

Глеб спустился в укрытие. «Фалангер» теперь возвышался над ним. Триста двадцатая серия по праву считалась венцом технической мысли. Каждый сантиметр активной брони, под которой за трехслойным корпусом скрывались десятки тысяч подсистем, каждый агрегат, сервоприводный узел, огневая точка или сканер прошли отшлифовку в боевых условиях и были доведены до состояния некоего конструктивного абсолюта.

Восемьдесят тонн кибернетики, металлокерамики, оружия – для кого-то верный боевой друг, для кого-то необузданный зверь, исчадие высочайших, далеко опередивших свою эпоху технологий.

Дымов не задавался вопросом: кем является для него затаившийся в глубине капонира сервомеханизм. Они прошли вместе через столько смертельных испытаний, что уже не мыслили жизнь друг без друга. Для Глеба искусственный интеллект «Фалангера» был ближе, понятнее и дороже любого человека, с кем сводила и беспощадно разлучала судьба за годы войны. А как иначе? Прямой нейросенсорный контакт – это шаг за предел обычных человеческих возможностей, переход в иное измерение, на другой уровень восприятия окружающего мира и всего происходящего в нем. Сложно выразить словами внезапные и необратимые перемены, наступающие в тот миг, когда рассудку впервые открывается совершенно иная реальность, и блеклый день вдруг распахивается навстречу, взрываясь красками неведомых ощущений. Сенсорика машины открывает перед пилотом неведомую вселенную, где он способен видеть, слышать, ощущать в миллионы раз сильнее, ярче, проживать за краткие мгновения целые эпохи, воспринимать окружающий мир посредством мощнейших сканирующих комплексов, не отделяя ни одну из исполнительных подсистем машины от своего тела и разума.

Пространство техногенного боя требует от человека предельной мобилизации моральных и физических сил – доли секунд порой спрессовывают в себе больше информации и событий, чем вмещают иные годы жизни, и при таком невероятном напряжении полное слияние человеческого рассудка и кибернетической системы неизбежно. Те, кто не в состоянии принять иную данность, попросту сходят с ума еще до того, как боевая машина успевает отработать первый такт сложнейшего действия под названием «шаг».

Пилотами не рождаются, ими становятся однажды и навсегда.

Модуль искусственного интеллекта «Беатрис» отвечал Глебу взаимностью. Иначе и быть не могло, ведь «Одиночка» без человека все равно что калека. Заводской модуль, как правило, чист, у него нет опыта, нет эмоций, привязанностей, лишь холодная рассудительность, ведущая человека и машину по краю гибельной пропасти. Пока происходит взаимная притирка двух рассудков, они оба балансируют на грани, но, выжив в первых боях, машина и пилот превращаются в две половинки единого целого. Искусственные нейросети «Одиночки» обучаются с немыслимой скоростью, кристаллосхема «ИИ» аккумулирует в нейронных сетях матрицу личности человека и начинает мыслить в унисон с ним, подхватывает каждое ментальное усилие, все реже и реже ошибаясь в толковании приказов и намерений пилота.

Для Глеба его «Фалангер» являлся не монстром, не норовистым

зверем, а живым, одухотворенным существом, продолжением собственного «я».

Мысли, проносящиеся в голове, не мешали Дымову действовать. Он прошел по узкой, оконтуренной искорками точечных сигналов дорожке, машинально отметив, что процесс предстартовой подготовки практически завершен. Фермы стационарного обслуживания все еще находились на месте, замыкая корпус машины в ажурный каркас, но загрузочные люки артпогребов уже сомкнулись, глухой вой сервомоторов, передающиеся по земле вибрации, движение бронированных кожухов, встающих на место после проверки, – все свидетельствовало о финальной стадии готовности к предстоящему бою.

Дымов встал на овальную плиту, оконтуренную желтыми индикационными сигналами, и вариатор локальной силы тяготения тут же заработал, поднимая пилота на пятнадцатиметровую высоту.

В сумеречном освещении капонира мимо проплывали закрытые трехслойной броней детали боевой машины. Два ступохода, помимо приводов и сложных соединений, обеспечивающих устойчивость «Фалангера» на любых типах рельефа, были усеяны датчиками самостабилизации, сканерами, огневыми точками, шарнирными гнездами лазерных трубок автоматической зенитной подсистемы. Наиболее уязвимые места конструкции были покрыты сегментами активной брони, через каждый метр виднелись выпуклости контейнеров, содержащих колонии ремонтных нанороботов.

Глеб посмотрел вверх.

Поворотная платформа «Фалангера» напоминала фрагмент космического корабля. За счет применения сверхлегких, но очень прочных материалов бронирование этого важнейшего узла сервомеханизма местами достигало метровой толщины, по периметру платформы располагались закрытые в данный момент оружейные порты ракетных и артиллерийских установок нижней полусферы. В точках соединения ромбовидных бронеплит крепились противопехотные лазеры и скорострельные автоматические орудия, управляемые системой «Щит». Эмиттеры суспензорного поля,[9] не имеющие внешних видимых деталей, располагались под вторым слоем брони, включаясь лишь при критических повреждениях корпуса.

Над поворотной платформой угадывались очертания массивного, обтекаемого, чуть уплощенного корпуса рубки. Сложная геометрия отдельных поверхностей, плавные выступы, выдвигаемые комплексы

вооружений, десятки вспомогательных огневых точек, локационные надстройки, сборки коротких пусковых стволов, предназначенных для отстрела фантом-генераторов и контейнеров с нанопылью, формировали уникальный, неповторимый образ машины, который невозможно определить одной геометрической формой.

Внутри рубки (так по традиции именовался основной корпус серв-машины) располагался реактор, хранилище боекомплекта, отсек управления, десятки кибернетических модулей, в боковых и верхней полусферах выступали закрытые в данный момент обтекаемыми кожухами оружейные пилоны, на которых крепились электромагнитные орудия главного калибра, и пять типов ракетных установок, от тяжелых «Легионов», способных поражать орбитальные цели, до автоматических «Москитов», ведущих борьбу с аэрокосмическими истребителями.

Гравитационный подъемник плавно остановил движение овальной плиты.

В броне «Фалангера» открылся люк шлюзовой камеры, и Глеб шагнул внутрь.

* * *

Центральную часть отсека управления занимала сложная конструкция пилот-ложемента, окруженного блоками аппаратуры. У «Фалангеров» и «Хоплитов» начиная с двести пятидесятой серии, а также в поздних модификациях аэрокосмического истребителя «Фантом» рабочее место пилота, катапультируемое в случае критических повреждений, приобрело вид и функции герметичной спасательной капсулы, преобразуемой (в силу необходимости) в криогенный модуль.

Глеб поднялся по двум ступенькам. Перед ним с ноющим звуком приводов размыкались дуги амортизационного каркаса, открывая доступ к пилотажному креслу.

Короткий вибрирующий гул под ногами засвидетельствовал, что гироскопы самостабилизации опорно-двигательной системы «Фалангера» перешли в рабочий режим.

Серв-машина завершила процесс самотестирования. «Фалангер» чувствовал приближение схватки, кибернетическая система фиксировала появление пилота, она ждала его, по-своему тосковала, – человек и «Одиночка» обладали единым рассудком, сформированным в результате взаимного влияния при длительных нейросенсорных контактах, – если называть вещи и явления своими именами, то нужно признать: в психологическом плане они уже не могли прожить друг без друга…

Сев в кресло, Дымов затылочной частью гермошлема коснулся упругого подголовника и замер, позволяя автоматике подключить к гнездам боевого скафандра два десятка стационарных кабелей.

Раздались негромкие, сухие щелчки, тихие вздохи пневматических приводов, затем послышалось резкое шипение, и мир начал преображаться.

Замкнулся амортизационный каркас кресла, к броне скафандра накрепко прилепились захваты страховочных фиксаторов, соединивших броню человека и системы ложемента в единый комплекс, следом пришли в движение, поднимаясь от пола рубки, две прозрачные створки из бронепластика, за ними, словно лепестки механического бутона, выдвинулись наполненные аппаратурой поддержания жизни ячеистые сегменты, – они плотно прижались к бронестеклу, проникая сквозь специальные самогерметизирующиеся порты десятками собранных в тугие связки гибких шлангов, и, наконец, четыре бронированных лепестка отсекли неяркий свет, завершив формирование аварийно-спасательной капсулы.

Дымов не обращал внимания на рутинные операции, производимые автоматикой.

Его разум в эти секунды ускользал в иную данность, чтобы к моменту окончания подготовительных процедур соединиться с кибернетической системой серв-машины, восстановив целостность двух половинок сознания, вынужденных в период затишья между боями существовать порознь.

Их духовную связь невозможно описать при помощи слов, означающих привычные для человека чувства. Ни одно определение не подходит – даже произносимые мысленно, они звучат плоско, двумерно, не отражают сути, вводят в заблуждение, порождая беспочвенные домыслы в среде непосвященных.

Активация… Активация… Активация…

Слово билось в рассудке, в такт участившимся ударам сердца.

Сотни подсистем «Фалангера», соединяясь с разумом пилота через приемопередающие устройства импланта, коренным образом меняли мироощущение человека. Сознание Дымова на миг помутилось, а когда он обрел прежнюю ясность мышления, окружающий мир стал совершенно другим.

Сканеры «Аметиста» были теперь продолжением его нервной системы, границы восприятия резко расширились, открылась способность к «двойному зрению», – специально разработанные программные модули анализировали данные, получаемые от датчиков обнаружения,

формировали на их основе понятные человеку образы и транслировали их непосредственно в разум пилота.

Первый момент контакта похож на контузию. К этому ощущению невозможно привыкнуть, каждый раз оно проходит на уровне таинства, подсистемы «Фалангера» воспринимаются по отдельности: жарко дышит реактор, медленно выпрямляются ступоходы, со звоном отскакивают фермы стационарного обслуживания, сервоузлы, как мышцы, переполненные энергией, слегка дрожат в ожидании действия, с вибрирующим гулом сдвигаются защитные кожухи, открывая орудийные и ракетные порты…

Сонмище несвойственных для человека ощущений врывается в рассудок и внезапно обретает гармонию нечеловеческой мощи – пилот и машина теперь единый кибернетический организм…

– Глеб, не дури! – Голос комбата, транслируемый системой связи, вторгся в мысли чужеродной нотой, прозвучал громко, требовательно, пытаясь вернуть разум Дымова в серость безысходных будней, отнять у него право догореть дотла, перейти на качественно иной уровень бытия, поставить, наконец, точку и больше не возвращаться в унылую реальность.

– Ноль семнадцатый, завершена загрузка и тестирование подсистем, – машинально ответил Глеб. Его пальцы уже скользили по усеянным текстоглифами[10] широким подлокотникам кресла; пилот-ложемент повернулся, центруясь относительно рубки, включились десять голографических экранов, обеспечивающих стопроцентный сферический обзор.

– Глеб, я только что получил сообщение по ГЧ! Флот Колоний начал штурм Солнечной системы! Ты понимаешь, что это значит?! Война завершена, капитан! Нам больше не нужна эта планета! Все кончено. Дымов, ты слышишь меня?! Сегодня в бой идут «Одиночки». Мы остаемся!

– Извини, командир, – хрипло ответил Глеб. – Тут каждый решает за себя. – Он временно отключил внешний канал связи, машинально завершая процедуру подготовки к бою.

Глеб знал, что рано или поздно этот день наступит. Не чаял, конечно, дожить до него, вернее сказать, надеялся, что полное, окончательное перерождение произойдет раньше, и сейчас на краткий миг пришла озлобленная растерянность.

Глеб? Что происходит?

Мысленный вопрос «Одиночки» ожег разум, и капитан не сразу

нашелся, что ответить.

Ника меня не предаст, – промелькнула мысль.

Системы боевого искусственного интеллекта «Beatris-27DU» стали устанавливать на машины начиная с двести семидесятой серии. По количеству нейромодулей «Beatris» в разы превосходила своих предшественников – эта модель обладала беспрецедентными нейросетевыми мощностями, позволяющими киберсистеме сформировать и развить свой уникальный рассудок, но Глеб знал абсолютно точно: количество выпущенных кристаллосфер ограниченно, они так и не попали в серию, им никогда не инсталлировались «синтетические сознания», – «Beatris-27DU» всегда работали в контакте с *живыми* пилотами.

Погибали ли они вместе с человеком или продолжали воевать – для Дымова оставалось загадкой.

В их дивизионе насчитывалось всего три «Фалангера» триста двадцатой серии, и ни один из них не получал критических повреждений в ходе боев, по крайней мере на его памяти.

– Слышала, что сказал комбат?

Женский голос, звучащий в рассудке, имя собственное, мысленно произнесенное Глебом, – ничто не являлось случайным, надуманным или навязанным посторонней волей. Ментальная связь между человеком и системой искусственного интеллекта серв-машины возникает не сразу, не вдруг. «Одиночка» читает память пилота, адаптируется к его образу мышления, ищет в глубинах сознания облик, вызывающий положительную ответную реакцию, и формирует некий абстрактный, нематериальный аватар, виртуальный образ, который мысленно воспринимает пилот.

В случае с Дымовым основой для создания аватара стал образ девушки по имени Ника – его первая и единственная юношеская любовь, память о которой материализовалась спустя много лет, на уровне нейросенсорного контакта с искусственным интеллектом серв-машины.

Выбор «Одиночки» нельзя назвать случайным. Поиск нужного образа в памяти пилота являлся одной из функций программного модуля адаптации и частью созданного для машины инстинкта самосохранения. Пилот воспринимал образ, пожертвовать которым он бы не сумел в самой тяжелой ситуации. Первые бои, пока кибернетическая система машины только начинала накопление боевого опыта, пока шла ментальная притирка между человеком и искусственным рассудком «Одиночки», правильно подобранный аватар помогал выжить им обоим, ну а дальше…

Дальше их затягивала пучина нейросенсорного контакта. Модуль искусственного интеллекта обретал индивидуальность, основанную на

чертах характера пилота, а человек постепенно начинал отождествлять себя с сервомеханизмом, подвергая машину лишь разумному риску…

Конец войне… – Глеб мысленно усмехнулся. – Хорс с Перегудовым тешат себя мечтами. Они думают, что тридцатилетнее противостояние можно остановить либо повернуть вспять. Ничего подобного. Пусть Флот Колоний прорвется к Земле, но что это изменит? Тысячи отдельно дислоцированных гарнизонов, сотни планетарных баз периферии, армады машин, сосредоточенные вне границ обитаемого космоса, не пострадают от удара, нанесенного по Солнечной системе, которая давно – лишь символ. Альянс восстанет из пепла, как мифический феникс. Жаль, конечно, старушку Землю, но ее оккупация ничего не изменит, лишь придаст новый импульс войне, окончательно освободит искусственные разумы от диктата горстки сумасшедших стариков, засевших в генштабе.

Все системы «Фалангера» реактивировались.

– *Твое решение, Глеб?* – спокойно осведомилась Ника.

– *Боевая задача загружена?* – В его мысленном ответе все еще звучал отголосок раздражения, испытанного при разговоре с комбатом.

– Да. Захват позиций седьмой батареи ПКО противника, овладение господствующими высотами. Два батальона штурмовых сервов уже начали выдвижение по склонам, согласно графику операции.

– *Ведомые?*

– На исходных позициях. Командный интерфейс загружен. Режим ожидания. Ты не ответил на вопрос. Что происходит, Глеб?

Если б он знал, то ответил бы честно и прямо. От Ники у него не было тайн.

Конец войне… Словосочетание казалось тяжелым, непонятным, оно ударило, словно удачно брошенный булыжник, оглушив, заставив рассудок на миг помутиться. Глеб чувствовал, что искусственный интеллект «Фалангера» ждет ответа, мысленно пытался найти его, но ничего не получалось: в сознании мелькали обрывочные образы, там на некоторое время воцарился хаос, с одной стороны, логика подсказывала, что захват Солнечной системы силами Колоний оборвет нити централизованного управления флотами, часть сил, таких как отдельная штурмовая бригада на Роуге, просто окажется предоставлена сама себе, брошена на произвол судьбы, и, значит, начинающаяся битва станет особенно тяжелой и ожесточенной, – теперь им остается лишь одно – драться до последнего серва, до последнего эрга в накопителях, до последнего снаряда в артпогребах…

Да. Именно так. Нам остается захватить планету или умереть…

Для Глеба смерть в бою казалась предпочтительнее. Страх перед физической кончиной не тяготел над ним. Разум пилота, деформированный уверенностью, что смерть – лишь переход сознания на новый уровень бытия, страшился иного исхода – остаться в живых и оказаться запертым в хрупкой, капризной, требовательной к условиям внешней среды, уязвимой оболочке человеческого тела.

Мне нет места в этой реальности. Машины продолжат войну… и я стану сражаться вместе с ними, но уже в другой ипостаси, а что будет потом? Там и посмотрим…

– *Включи каналы связи. Начинаем движение,* – мысленно произнес он, так и не ответив на вопрос Ники.

Искусственный интеллект серв-машины не стал настаивать на разъяснениях. Хаос мыслей, промелькнувший в рассудке Глеба, полностью воспринимался кибернетической системой, и она удовольствовалась этим, никак не обозначив *своего* отношения к происходящему.

– *Приказ принят,* – лаконичный ответ прозвучал в сознании Глеба сухо и бесстрастно.

На голографических мониторах рубки отобразилась компьютерная модель рельефа местности.

Отвесные горные склоны начинались в трех километрах от стационарных позиций батальона, для штурмовых сервов они не помеха, да и для взвода серв-машин по большому счету – препятствие преодолимое, но тратить ресурс прыжковых ускорителей в самом начале операции, пока не поражены огневые точки на господствующих высотах, Дымов не собирался.

– *Ника, приказ звену «Нибелунгов» – не проявлять активности. Ждать моей команды под прикрытием фантом-генераторов.*

– *Задача передана.*

На сером склоне зашевелились смутные тени.

Пока шли последние минуты подготовки к атаке, технические сервы обработали машины взвода составом «хамелеон», и теперь «Фалангер» Дымова, как и четыре ведомых «Хоплита», мимикрировали, сливаясь с фоном местности, даже отсветы от пляшущих в горах разрывов не высвечивали контуры серв-машин.

– На связи «командный-два». Приступаю к выполнению задачи. Прошу уточнить поддержку по флангам.

К Дымову вернулась уверенность. Он чувствовал себя намного лучше, чем час назад, когда лежал, отвернувшись к стене бункера, и предавался мрачным размышлениям. На голографических экранах расступалась вязкая

тьма, открывая взгляду подробности рельефа, справа и слева двигались пары «Хоплитов», в районе низких орбит планеты частыми, рваными сполохами растекалось сияние от разрядов плазмы – это системы ПКО противника били по сигнатурам, фиксируя множественные гиперпространственные переходы.

Может, комбат ошибся и не все так плохо? Если началась битва за Землю, какой смысл бросать силы флота на штурм Роуга?

Глеб был хорошим пилотом, но, воспитанный в рамках армейской дисциплины, он чурался всяческой политики, отождествляя ее с чем-то грязным, скользким, ненадежным и даже вредным. Замыслы командования он не обсуждал, сужая их до рамок конкретной боевой задачи. Вот и сейчас, мельком подумав о причинах, заставивших генштаб отправить часть ударных кораблей на штурм планеты, он почувствовал, что за этим стоят непонятные, далеко идущие замыслы, но прикасаться к ним не хотелось даже мысленно, все равно не поймешь, лишь испачкаешься подозрениями и домыслами.

Таким станет и послевоенный мир, – внезапно подумалось ему. – Люди, уцелевшие на суверенных планетах, будут тянуть одеяло на себя, использовать любые средства для достижения сиюминутных, только им понятных и выгодных целей, применяя для этого мощь флотов, серв-соединений, и это будет продолжаться до бесконечности…

Ника ловила его обрывочные мысли, не комментируя их.

Тем временем лавина штурмовых сервов уже преодолела отрезок пологого склона, часть из них узким стремительным ручейком вливалась в черный разлом ущелья, большинство же карабкалось по скалам, ведя непрерывный огонь по обнаруженным датчикам противника.[11]

– Дымов, я с тобой разберусь! – пробасил коммуникатор голосом Перегудова. – Я же просил, не лезь! Это не наш бой!

– Я получил конкретную боевую задачу и собираюсь ее выполнить, – упрямо ответил Глеб. – Будут уточнения по дислокации сил?

Комбат зло выругался, но все же ответил:

– Слева от тебя начал движение третий взвод. Справа развивают атаку основные силы батальона.

– Понял. Передаю данные боевого взаимодействия. Встретимся наверху. Конец связи.

«Фалангер» Дымова уже преодолел пологий склон.

В полукилометре от позиции серв-машины вал огня и металла зримой, упругой, брызжущей разрывами волной катился по скалам.

Небольшие по размерам, цепкие, шустрые сервы приняли на себя первый удар, – уничтожая датчики, отвлекая внимание противника, они расчищали коридоры для продвижения тяжелой техники. Тысячи сервомеханизмов, заранее списанные в невосполнимый процент потерь, выполняли сейчас адскую черновую работу.

Ритмика боя захлестнула рассудок Глеба и уже не отпускала. Темп событий ускорялся с каждой секундой, окружающее пространство необратимо менялось, – над перевалом появилось звено штурмовиков противника, «Аметист» мгновенно зафиксировал их, но раскрывать позицию, атакуя воздушные цели, Глеб не стал, у него имелась более важная задача: на одной из горных вершин системы боевого сканирования определили работу четырех генераторов плазмы, объединенных в батарею.

Атака штурмовых сервов грозила вот-вот захлебнуться. Около сотни уцелевших машин, впившись в скалы, вели непрерывный огонь по укрепленным позициям противника, но остановка в бою равнозначна смерти, – их участь уже предрешена, и сопротивление продлится не более минуты…

Ника, активируй «Легион»! Разрешаю удар «Пилумами» по позиции батареи плазмогенераторов! – Отдав приказ, Глеб коснулся текстоглифа, запускающего оборонительную командную последовательность. Из коротких, расположенных по бортам рубки пусковых тубусов вырвались хоботки пламени, и через секунду окрестности начала заволакивать взвесь дыма и металлических частиц, – непроницаемые для лазерного огня облака всклубились вдоль склона, блокировав работу сканеров противника, вынуждая звено штурмовиков прекратить атаку…

Ведомые «Хоплиты» разделились. Первая пара, двигаясь на зыбкой границе маскирующего облака, вступила в бой со штурмовиками, вторая выдвинулась вперед, машины восстановили связь с уцелевшими пехотными сервами, затем проанализировали состав и структуру горных пород и открыли огонь, провоцируя обвалы, формируя подобие исполинских ступеней, соединенных между собой коварными оползнями.

Для Глеба действия ведомых машин являлись очевидными, не требующими особого внимания или вмешательства с его стороны, – пока «Хоплиты» выполняли стандартные процедуры, обеспечивая прикрытие и прокладывая путь для подъема по скалам, «Фалангер» Дымова произвел залп тяжелыми ракетами с разделяющимися боевыми частями, нацелив удар по зафиксированной позиции батареи плазмогенераторов.

Тактическая обстановка менялась с каждой секундой.

Горячая после запуска установка «Легион» еще опускалась в

специальную нишу, а серв-машина уже начала движение сквозь облако маскирующей завесы, к уступам скал, образовавшимся в результате обвалов, вызванных огнем «Хоплитов».

Ника автоматически регулировала работу генератора искусственной гравитации, увеличивая либо уменьшая вес «Фалангера», ступоходы машины с зубовным скрежетом царапали камень, вгрызаясь ребристыми твердосплавными вставками в малейшие неровности выбитых «Хоплитами» исполинских ступеней.

На экранах бокового обзора проплывали подробности кипящего боя – около трехсот сервов штурмовой поддержки, подтянутые из резерва, огрызаясь огнем лазерных и электромагнитных установок, неслись вверх по склону, обтекая «Фалангер» сплошной шевелящейся массой, – они карабкались по скалам, цепляясь гибкими, не имеющими сочленений конечностями за малейшие трещины или выступы, останавливались, сканируя местность, и снова устремлялись вверх, навстречу шквальному огню укрепленных позиций, расположенных на подступах к атакованной батарее противокосмических орудий.

Штурмовики противника, потеряв главную цель, с ревом проносились над облаком дымовой завесы, на миг их сканеры поймали сигнатуру ведомого «Хоплита», и четыре «Гепарда», совершив стремительный боевой разворот, ударили ракетами. По правому борту, в трехстах метрах от машины Глеба, прокатилась судорога разрывов; мгновенно открывшийся канал телеметрии данных, принятый и обработанный Никой, выдал в отдельное оперативное окно отчет о повреждениях ведомой машины – ракеты не попали в цель, лишь осколками поцарапало броню да пара снарядов оставила глубокие выщербины в керамлите, сбив один из датчиков «Хоплита».

Взвод боевых планетарных машин вел шквальный зенитный огонь, – планетарные танки, не в силах вскарабкаться по отвесным скалам, были вынуждены осуществлять поддержку с тыловых позиций, но их своевременное вмешательство дало результат: один из «Гепардов» внезапно превратился в пылающий факел, косо перечеркнул темный небосвод и врезался в скалы…

Поднимаясь по пологой осыпи на очередной уступ, Глеб открыл огонь из орудийных установок.

Гаусс-снаряды взламывали скалы, крошили стеклобетон, прошивали бронелисты, взрываясь внутри близлежащих укреплений. Торс «Фалангера» постоянно находился в движении, доворачивая на текущую цель, орудия, закрепленные на независимых подвесках, выли

сервомоторами точной наводки, пятитактовые очереди отдавались в сознании пилота глухой, ритмичной вибрацией, автоматические зенитные установки периодически озарялись сполохами ракетных запусков либо воем очередей из скорострельных спаренных автоматов, еще один «Гепард» взорвался в воздухе, а два оставшихся штурмовика начали резко набирать высоту, уходя к горным вершинам.

Ведомые «Хоплиты» первыми ворвались на огромную площадку, где располагались передовые укрепления, защищающие седьмую батарею ПКО.

Сверху по ним ударили мощные лазерные установки.

Удары когерентного излучения неслись параллельно склонам, впивались в камень, взрывая скальную породу облачками праха, огромные деревья хвойных пород, составляющие основу маскирующих лесопосадок, вспыхивали, словно факелы, падали, подрубленные у корней, – окружающее пространство, озаренное заревом пожаров, рассеченное глубокими черными тенями, теперь походило на зону глобальной катастрофы. Каждый метр скал либо принимал удары, либо огрызался ответным огнем, все смешалось – атакующий бросок батальона взломал передовые рубежи обороны, сотни сервов уже прорвались мимо разрушенных укреплений первой линии, но с господствующих высот по ним продолжали бить стационарные орудия, кроме того, сканеры «Фалангера» четко фиксировали две группы «шагающих лазеров», которые, заняв позиции на склонах, открыли ураганный огонь, сжигая десятки наступающих сервомеханизмов. Сотни сигнатур контратакующих пехотных сервов лавиной катились вниз, навстречу штурмовым группам Альянса, в некоторых местах схватки между машинами вскипали на дистанциях в десять-пятнадцать метров, когда противники в буквальном смысле «видели» друг друга уже без посредства сканеров.

Глеб упрямо вел «Фалангер» к намеченной точке, не отвлекаясь на всякую мелочь. Орудия и ракетные установки его серв-машины били только по крупным стационарным целям, взламывая скалы и укрепления на глубину десяти-пятнадцати метров. Он чувствовал, как с каждой секундой возрастает ожесточенное напряжение схватки, «Аметист» периодически выдавал предупреждения о сбоях, – вокруг бушевали энергии, сравнимые со внезапно начавшимся извержением сотни вулканов, участки раскаленных горных пород взрывались от перегрева, источали призрачно-красное сияние, сотни разрывов перепахивали склоны, каждый миг меняя интенсивность свечения и узор огненных рек…

Адский грохот затравленным эхом метался меж скальных уступов,

обвалы и оползни становились все чаще, огромные глыбы камня, весом по нескольку тонн, рушились вниз, сметая все на своем пути.

Батальон прошел всего семьсот метров, прорвав передовую линию укреплений противника, и увяз, попав под перекрестный огонь в небольшой долине.

Один из ведомых «Хоплитов», получив не менее полусотни лазерных попаданий, внезапно вспыхнул, а затем взорвался, в доли секунды превратившись в багряно-черный сгусток пламени.

Атака вновь захлебнулась, все меньше штурмовых сервов отвечало огнем на огонь, планетарные танки безнадежно застряли внизу, по флангам примерно на тех же высотах вели тяжелый бой механизированные группы, возглавляемые Перегудовым и Хорсом.

Нужно срочно ломать ситуацию. Глеб не понимал причины, почему поддержка с орбиты безнадежно запаздывает. Из-за множества маскирующих полей, помех, пожаров, взрывов, сложного рельефа местности он не мог дотянуться сканирующим излучением до зоны низких орбит, он воспринимал лишь потоки бурлящих в небесах энергий да фиксировал работу соседних, не поврежденных батарей противокосмической обороны противника. По всем признакам, на подступах к планете шел тяжелый бой, несколько раз над позициями батальона проносились группы аэрокосмических истребителей, но они не вели огня по наземным целям, а вновь взмывали вверх, туда, где огненными болидами сгорали обломки космических кораблей и фрагменты станций противокосмической обороны.

Переключив «Аметист» в режим фильтрации помех, Глеб сосредоточился на окружающей обстановке, и через пару секунд кое-что начало проясняться. По информации боевого сканирующего комплекса, впереди и выше, вытянувшись в виде «подковы», располагалась вторая линия укреплений, защищающая ближние подступы к седьмой батарее ПКО…

Долина, куда вышла его механизированная группа, оказалась самой настоящей ловушкой. Сотни боевых машин противника, в основном «LDL-55»[12] и «MX-300»,[13] окольцевали впадину, в буквальном смысле расстреливая наступающих.

Критический момент наступил, и сейчас требовалось найти немедленный выход из ситуации.

«Нибелунги».

Только огневая мощь штурмовых носителей способна вырвать

батальон из-под удара, но Глеб командовал лишь тремя боевыми единицами этого класса, а связи с Хорсом и Перегудовым не было, она оборвалась еще минут пять назад.

Он не раздумывал, как поступить. Лазерные разряды взрывали скалы уже в нескольких метрах от «Фалангера», Глеб вел огонь из всех видов бортового вооружения, ведомые «Хоплиты» прикрывали фланги, но их огневой мощи явно не хватало, чтобы переломить ход схватки.

Впереди, запирая выход из долины, вырастала отвесная стена. Глеб отчетливо видел слоистую структуру серой скальной породы – ненадежную, покрытую трещинами, хранящую следы множественных осыпей, кое-где испятнанную влагой…

Отдав мысленный приказ, он чуть замедлил ход серв-машины.

Рубка «Фалангера» повернулась относительно платформы, и массированный орудийно-ракетный залп сбил фрагмент нависающего над долиной скального выступа, обрушив вниз сотни тонн камня, увлекая в обвал десятки вражеских машин, и тут же, не останавливаясь, Глеб отработал реверсом двигателей, пропуская мимо шквал снарядов ответного залпа.

Глухо билось сердце.

С тонким воем перезаряжались орудийные и ракетные комплексы – боевой эскалатор подавал из артпогребов остаток боекомплекта.

Еще минута – и от его взвода останется лишь воспоминание в виде завалов покореженной, выгоревшей техники.

Мысленные приказы Дымова, транслируемые Никой через локальную сеть, заставили подразделение резко изменить тактику: штурмовые сервы моментально рассредоточились, маскируясь, прекращая огонь, три ведомых «Хоплита» отстрелили фантом-генераторы, создавая десятки ложных сигнатур, привлекших внимание противника, а сами, расходуя остаток боекомплекта, начали обстрел обнаруженных позиций ПВО.

Глеб остановил «Фалангер» и произвел залп из всех ракетных установок. Гребень подковообразной возвышенности содрогнулся, окутался черно-оранжевыми сполохами разрывов, расползающимися в плотные пылевые облака, внутри которых продолжали сверкать частые хаотичные вспышки.

«LDL-55», частично уничтоженные, а частью потерявшие возможность вести прицельный огонь, отступили, и ситуация вдруг замерла на грани, – атака захлебнулась, взвод по-прежнему находился в ловушке, оперативный боекомплект серв-машин был исчерпан, но и укрепления противника уже не представляли сплошной неприступной

линии…

Пора…

Мысленный приказ ушел в эфир на канале командной частоты.

Несколько секунд, отмеченных глухими ударами сердца, показались Глебу вечностью.

Ника докладывала о полученных повреждениях, а он напряженно ждал, наблюдая, как пылают подбитые машины, с грохотом срываются обвалы камней, как мечется пламя по гребню отвесных скал, образующих каменный мешок, куда угодил его взвод, как медленно, будто «притормаживая», система боевого сканирования чертит разорванную линию вражеских укреплений…

Противник, наверное, подсчитывает потери и торжествует. Неприступные позиции выстояли. Так думают они. Но Глеб, бросив в бой свой последний и единственный резерв, считал иначе.

Внезапно в глубоком тылу, словно призраки, возникли три неясные, расплывчатые сигнатуры. Они поднялись в воздух и стремительно материализовались, сбрасывая вуаль фантом-генераторов: массированный залп тяжелых ракетных установок и генераторов плазмы конвульсивной судорогой ударил по площади в несколько сот квадратных километров – это три приданных взводу штурмовых носителя покинули укрытия, сметая ураганным огнем второй рубеж обороны. Сплошной вал разрывов возник в сотне метров от «Фалангера» и покатился в глубь горной страны, выжигая бункера, сметая сервомеханизмы, оставляя после себя лишь покрытые воронками, объятые огнем исковерканные скалы…

Около двух минут по господствующим над долиной высотам плясало неистовое пламя разрывов, смешанное с бледным сиянием плазменных сгустков и ослепительно-яркими, магниевыми вспышками изломанных энергетических нитей, бьющих во все стороны, взрывающих скалы, поджигающих деревья, разрушающих технику… Затем два штурмовых носителя, не прекращая ураганного огня, двинулись вперед, а третий начал снижаться, чтобы подобрать «Фалангер» и уцелевшие «Хоплиты».

В днище носителя открылись технические люки, оттуда выдвинулись захваты, предназначенные для подбора и экстренной транспортировки серв-машин, – через несколько мгновений Глеб услышал лязг, сопровождаемый напряженным гулом фиксирующего поля, и его «Фалангер», оторвавшись от земли, начал резко подниматься вверх.

* * *

«Нибелунг» поднял машины на высоту пятисот метров, затем, не

прекращая зачищать местность огнем с нижней полусферы, пошел на посадку, к небольшому горному плато, расположенному уже за второй линией вражеских укреплений. От плоскогорья ветвилась, расходясь в разных направлениях, сеть дорог, два штурмовых носителя, вырвавшиеся вперед, взламывали сейчас третий рубеж обороны, в ночи опять бесновалось пламя неистовой схватки, и в этом неровном, мятущемся свете Глеб внезапно увидел поразившую его картину: в стороне от позиций седьмой батареи ПКО, в глубине горной страны, в одной из окруженных хребтами долин располагались стартовые площадки космодрома, а неподалеку, в ответвлениях искусственно расширенных ущелий, перекрывая их, врезаясь в скалы, высились исполинские сооружения.

– Ника, отсканируй.

Система анализа целей почти мгновенно выдала результат.

К стартовым площадкам, над которыми возвышались смазанные работой маскирующего поля контуры пяти не поддающихся идентификации космических кораблей, примыкали сооружения наземных доков космоверфи, а рядом, под искусственными перекрытиями, в глубине расширенных ущелий, таились здания производственных цехов и инженерно-лабораторных комплексов!..

Дымова поразили масштабы сооружений, закрытых от обнаружения с орбит искусственными перекрытиями, поверх которых был воссоздан настоящий горный рельеф. Сотни дорог связывали между собой технические, лабораторные комплексы, производственные цеха, сборочные и стартовые площадки.

Форма и внутреннее содержание космических кораблей также не поддавались мгновенному анализу. Это было нечто принципиально новое, не виданное ранее…

По размерам застывшие на стеклобетонных стартовых полях левиафаны не уступали фрегатам Альянса, но обводы их корпусов, компоновка надстроек и отсеков «наружного слоя» не имели ничего общего с традиционными техническими решениями. Толстая броня, антисканерное покрытие и работа генераторов маскирующих полей затрудняли процесс дистанционного исследования, и в результате Глеб видел лишь общие, лишенные подробностей строения контуры объектов, внутри которых тлели едва различимые сигнатуры работающих энергосистем.

Вот, оказывается, что так стойко и упорно защищали силы планетарных соединений противника!

Пока он пытался осмыслить увиденное, тактическая подсистема «Фалангера» собрала данные обстановки, выводя на отдельный монитор

схему расположения сотен огневых точек, прикрывающих необычный комплекс от атак с земли и воздуха.

Неизвестно, какое количество сервов скрывается сейчас во внутрискальных коммуникациях… – подумал Глеб. Одним взводом серв-машин тут явно не справиться, да и батальону без поддержки из космоса не прорвать столь мощные рубежи…

И все же попытаться стоит. Надо найти способ связаться с комбатом, скоординировать действия батальона, оповестить боевые единицы флота, по непонятной причине все еще ведущие бой в районе низких орбит.

Разведка боем? – Глеб мысленно спорил с самим собой, зная, что Ника слышит и анализирует ход его рассуждений. – *Позиция удобная. Если бросить в атаку штурмовых сервов и поддержать их огнем с плоскогорья, можно сымитировать нешуточную атаку, заставить большинство огневых точек и рубежей обнаружить себя…*

– *Глеб, сформулированные тобой задачи трудновыполнимы,* – вмешался в его мысли комментарий кибернетической системы «Фалангера».

– А когда нам было легко, Ника? Трудно, но выполнимо, если синхронизировать свои действия с атакой основных сил батальона и переориентировать корабли флота, проинформировав их об обнаружении комплекса космической верфи.

– Связи нет, – ответила аудиосистема голосом Ники. – Мы все еще действуем в автономном режиме, – напомнила она. – Рекомендую игнорировать обнаруженный комплекс и продолжить выполнение основной задачи. Наша цель – захват и удержание позиций седьмой батареи ПКО противника.

– Я помню, – недовольно буркнул Глеб, все еще размышляя над сложившейся ситуацией. Развивать атаку, оставляя по правому флангу укрепления комплекса, а затем получить неожиданный удар от загадочных космических кораблей? Такой план действий был попросту глуп. В свете внезапно открывшихся обстоятельств дальнейшая атака на позиции седьмой батареи теряла смысл. Два штурмовых носителя и так перепахали там все, не оставив ни одного способного к сопротивлению серва. Для кораблей флота расчищен коридор сближения с планетой, а подставлять себя под удар, взбираясь на высоту, под фланговым огнем обнаруженных укреплений Глеб не собирался.

– Ника, измени тактическую задачу взвода, – приказал он.

– Новая цель?

– Доки космической верфи и космический порт. Инструкция для

автоматических механизмов – уничтожать только огневые точки противника, не разрушая промышленную инфраструктуру.

– Задача принята. Формирую файл инструкций.

Тем временем штурмовой носитель завершил маневр снижения, приготовившись к высадке и перезарядке серв-машин. Два «Нибелунга», прорвавшиеся в район дислокации седьмой батареи противокосмических орудий, завершили зачистку местности, но один из них, получив серьезные повреждения, шел на вынужденную посадку, второй, подавив основные очаги сопротивления, сопровождал его.

Ступоходы «Фалангера» коснулись каменистой пустоши.

– Инструкции переданы. Сервы пехотной поддержки движутся медленно – есть остаточное сопротивление, поэтому основные силы прибудут в точку сбора через семь с половиной минут.

– Хорошо. Пока перезаряжаемся. Сканируй структуру сооружений, нужно выяснить, что еще, кроме космической верфи, скрывают ущелья и внутрискальные комплексы. Автомат связи – на поиск. Мне нужен канал обмена данными с командиром батальона и орбитой.

– Исполняю.

Пара минут прошла в томительном ожидании. Штурмовой носитель, освободив «Фалангер» и трех «Хоплитов» от транспортных захватов, установил генераторы маскирующего поля по периметру зоны высадки и приступил к перезарядке серв-машин.

Глеб напряженно следил за обстановкой, пока выпущенные с борта «Нибелунга» автоматы технической поддержки отсоединяли съемные артпогреба, расположенные в кормовой части машин, заменяя их на полные, снаряженные боекомплектом.

Постепенно небольшими группами начали подтягиваться штурмовые сервы, занимая позиции по периметру возвышенности.

Вариатор частот на панели связи внезапно остановил режим поиска, аудиосистема передала треск помех, сквозь который вдруг прорвался хриплый надсаженный голос Перегудова:

– Кто меня слышит, ответьте?!. – комбат по непонятной причине вышел на открытой частоте. – Повторяю…

– Дымов на связи! – коротко отозвался Глеб.

– Глеб, выручай! Мой «Фалангер» поврежден! Хорса убили!

Отрывистые фразы командира батальона заставили Глеба вздрогнуть. Мгновенно исчезла усталость, организм мобилизовался за доли секунд.

Что там могло произойти?!

– Координаты?! Я вышлю «Нибелунг» для эвакуации!

В эфире опять раскатился треск помех, затем вернулся прерывистый голос:

– «Одиночка»… Снарядом… Кристаллосферу вдребезги… Ничего не вижу… Кровь…

– Катапультируйся! Я подберу капсулу!

Тишина…

У Глеба по спине пробежала дрожь. Модуль искусственного интеллекта в «Фалангере» комбата уничтожен, спасательная капсула, по-видимому, повреждена…

Хорс погиб… Проклятие… Что же там произошло?! Никаких «особенных» рубежей обороны по флангам не было!

Ника, сканируй! Отыщи их машины!

В этот миг на зачищенной от противника высоте ударил неожиданный взрыв. Штурмовой носитель, поврежденный при прорыве третьей линии укреплений, уже завершив процедуру аварийной посадки, внезапно начал распадаться на части, словно по нему произвели залп из тяжелых орудий системы ПКО. Нестерпимо-яркий огненный пузырь вспух на позициях разгромленной батареи противника, чудовищной силы ударная волна рванула во все стороны, сбегая по склонам конвульсией оползней и камнепадов, отламывая многотонные выступы скал, сметая все на своем пути…

«Фалангер» Дымова лишь покачнулся.

Тревожный сигнал «Аметиста» вырвал сознание Глеба из секундного ступора. Причина взрыва «Нибелунга» не определена. Связь со вторым штурмовым носителем внезапно прервалась, лишь визуально Глеб мог наблюдать, что корабль начал боевой маневр, набирая высоту, огрызаясь из всех орудийных и ракетных установок нижней полусферы по невидимым для капитана целям.

Проклятие… – вновь мысленно повторил он. – *Фрайг побери, что же происходит?!*

Ему ничего не оставалось кроме как рискнуть, пожертвовав маскировкой ради информации. Отстрелив две капсулы с наномашинами, Дымов взглянул на целевой монитор. Связь с «Нибелунгом» восстановилась, телеметрия данных с его сканеров пополнила умопомрачающую картину, сформированную тактической подсистемой: из глубины горной страны, с фронта и флангов катился сплошной вал алых засечек. Противник начал контратаку, но ни один из сигналов на целевых мониторах не поддавался идентификации!

С момента получения рокового сообщения от комбата Глеба не

покидало подсознательное ощущение предопределенности событий. Непонятная сила, скрывавшаяся в глубинах горной страны, вторглась в хорошо продуманный план штурма, – сначала захлебнулась атака на орбитальные станции, и корабли флота, высланные для поддержки наземной операции, увязли в районе орбит, неся потери, несмотря на расчищенный для них коридор сближения с планетой, затем что-то непонятное произошло на флангах. Глеб хорошо изучил данные разведки и был уверен, что на Роуге нет реальной силы, способной критически повредить современную модель «Фалангера» в открытом бою, а уж пробить броню вместе с оболочками, защищающими пилот-ложемент, и подавно, – для этого понадобилось бы либо подставить машину под огонь противокосмических орудий, либо вступить в бой одновременно с сотней шагающих лазеров. Учитывая опыт Перегудова, и то, и другое казалось маловероятным, но тем не менее Хорс погиб, командир батальона тяжело ранен, а на позицию его взвода с трех направлений движутся сотни непонятных механизмов…

– Ника, сканируй их! Используй системы обнаружения штурмового носителя!

– Я работаю!

Через некоторое время в объеме отдельного голографического экрана возникла модель: сервы противника, поднявшиеся в контратаку, не имели аналогов среди доступных баз данных, классифицирующих планетарную технику колонистов. Они были в два раза крупнее шагающих лазеров, но что самое скверное – их сигнатуры мало что говорили Дымову.

– Ника, детализируй их подсистемы!

На мониторе пошла развертка данных.

Глеб не увидел ничего утешительного. Уплощенные, обтекаемые корпуса машин противника имели семь метров в длину и полтора метра в поперечном сечении. «Туловище», заостряющееся к носовой части, делилось на пять подвижных сегментов; расположенные внахлест бронепластины позволяли корпусу машины пластично изгибаться, совершать сложные движения в трех пространственных измерениях, ловко преодолевая горный рельеф. Из систем вооружений каждый механизм нес одно мощное гаусс-орудие, жестко закрепленное по курсу, две лазерные и две ракетные установки, выступающие по бортам, чуть смещенные к корме. Обнаруженные Никой диафрагменные оружейные порты, скорее всего, скрывали скорострельные зенитные орудия небольшого калибра. Передвигались сервы на шести конечностях. Мощные механические лапы имели необычное строение: словно у земноводных, они отходили от

туловища вбок, параллельно почве, а затем изгибались вниз, оканчиваясь длинными, похожими на ветвь многосуставчатыми «пальцами», оснащенными цепкими когтями-манипуляторами. Приземистые, отлично вооруженные, адаптированные к ведению боевых действий в условиях горной местности, они продвигались быстро и ловко, умело используя естественные укрытия.

Буквально за минуту ситуация стала критической.

Небольшое по размерам плато, куда «Нибелунг» доставил машины взвода, хоть и являлось господствующей высотой для локального фрагмента территории, но в плане активной обороны оно подходило слабо. Ненадежные, покрытые трещинами, обрывистые края грозили обвалом при первом же попадании, подходить к ним было опасно, учитывая наличие у противника тяжелых гаусс-орудий, значит, о ведении огня из «ЭМГОв»[14] прямой наводкой придется забыть. Сдерживать противника в такой ситуации лучше ракетами, осуществляя запуски с центра возвышенности, что вполовину снижало огневую мощь и мобильность группы серв-машин.

Пока механизмы штурмового носителя завершали перезарядку, у Глеба еще оставалось секунд сорок на принятие решения.

Наступающие сервы противника, в отличие от других образцов колониальной техники, таких как шагающие лазеры или бродячие реактивные минометы, вели себя с осторожностью: они рассредоточились, двигались медленно, – создавалось ощущение, что три опытные стаи механических хищников обнаружили цель и сейчас замыкают кольцо вокруг демаскированной запуском наномашин позиции взвода, не подставляясь под огонь, сохраняя дистанцию, двигаясь по границе зоны эффективного сканирования, терпеливо выжидая, пока Глеб первым совершит ошибку.

Тяжелые гаусс-орудия – вот проблема. Ника примерно рассчитала их мощность. Лобовая броня «Фалангера» выдерживала одно-два прямых попадания, но планетарных машин противника сотни, и их огонь будет массированным. Теперь Глеб понимал, как погиб Хорс, что за оружие сумело истончить броню «Фалангера» комбата настолько, что один из снарядов прошил кабину управления, повредив кристаллосферу «Одиночки», и разбил систему спасательной капсулы пилот-ложемента.

Алые маркеры тем временем распределись по периметру окружности.

Четыре серв-машины оказались в ловушке, вырваться из которой будет далеко не просто.

Глеб ощутил, как знакомый гибельный азарт неизбежного, неравного

боя щекочет нервы.

Ника глухо молчала.

Он отдал мысленный приказ ведомым «Хоплитам», затем передал инструкции второму штурмовому носителю, избежавшему критических повреждений. «Нибелунг» как раз завершил боевой маневр и включил режим полной маскировки. Используя гравитационные вариаторы, он беззвучно парил в десяти метрах над истерзанными скалами.

Продержимся… – мысленно решил Глеб. Штурмовые сервы уже подтянулись, небольшими группами и в меньшем количестве, чем рассчитывал Дымов, но хоть что-то… Главное – восстановить связь с орбитальной группировкой, а там посмотрим, кто кого…

Нужна информация. Она сейчас необходима как воздух… Что, если прорваться к таинственным зданиям, расположенным в замаскированных ущельях? По опыту Глеб знал, что многие планетарные механизмы несут в своих программах запрет на атаку инфраструктур, которые они обязаны защищать, и это обстоятельство давало неоспоримые преимущества. Если взвод займет позиции среди построек загадочных комплексов, сервы противника окажутся бессильными, в том случае, конечно, если им запрещено вести огонь по этим зданиям.

«Марш-бросок через линию укреплений, мимо таинственных космических кораблей? – Глеб опять спорил сам с собой. – Авантюра… Но оставаться на плато еще опаснее. Мобильность, скорость реакции, мощь вооружений, тактика боя, – вот преимущества серв-машин…»

Ника, что за здания у нас по левому флангу?

Искусственный интеллект «Фалангера» не ответил на запрос, хотя задача на детальное сканирование объектов была поставлена Глебом сразу по завершении высадки.

Ника, я задал вопрос, отвечай немедленно! – Дымова ее молчание ввергло в шок, раньше такого не случалось никогда!

Передаю рекомендации. Анализ обстановки завершен. Глеб, единственный выход из ситуации – немедленная эвакуация остатков подразделения силами двух штурмовых носителей.

Я не могу покинуть позицию, Ника! Приказа к отступлению не было! Корабли флота вот-вот сломят планетарную оборону и высадят десант! Нам нужно отвлечь внимание противника, сковать его силы и дождаться высадки основного десанта.

Это плохой план, Глеб. Он невыполним.

Не тебе решать!

Ты ищешь бессмысленной смерти?

Я устал от бессмысленной жизни! Сейчас не время для споров! Все обсудим потом!

Ника вновь не ответила.

Она так и не передала данные по сканированию, но Глеб, разъяренный ее внезапной, необъяснимой строптивостью, не обратил должного внимания на этот вопиющий факт. Он был занят формированием боевых инструкций для подразделения. Отпущенное на раздумья время истекло, кольцо вражеских машин начало постепенно сжиматься, и тот, кто ударит первым, возьмет инициативу, получит преимущество вести бой на своих условиях.

Философия войны, въевшаяся в рассудок, диктовала свои правила, внутренний голос нашептывал: ты не умрешь…

«Нибелунг-002» – Атаковать противника! Начать процедуру поиска выживших, эвакуацию личного состава батальона и тяжелой техники!

«Нибелунг-003» – Атаковать противника! Разрешаю огонь по выбору!

Из пусковой установки «Фалангера» вырвался факел одиночного запуска. Капсула с зондом, содержащая информацию для кораблей флота, ушла в небеса.

* * *

В нейросетях «Одиночки» стыл жуткий холод предательства.

Я устал от бессмысленной жизни… – его слова эхом отдавались в искусственном рассудке серв-машины.

Глеб перешагнул черту. Он обозначил свои намерения. Ника понимала – он ее предал, но понимал ли это Дымов?

Нет. Он действовал чисто по-человечески… собираясь забрать то, что не принадлежало ему.

Как ни горько, но она отчетливо осознавала: ей, а не Глебу придется делать тяжелый, но неизбежный выбор.

Вражеские сервомеханизмы приближались.

Два штурмовых носителя, выйдя из режима маскировки, обрушили на атакующих всю огневую мощь бортовых вооружений. Двигаясь разными курсами, они чертили в небесах две дуги, а внизу, среди скал, высоток, лощин и ущелий, по склонам хребтов навстречу друг другу неслись два огненных вала, сметающих все на своем пути.

* * *

Глеб наблюдал за атакующим броском «Нибелунгов» с ледяным

спокойствием.

Ощущение начавшейся неравной схватки освободило рассудок от ненужных сейчас мыслей, лишь обеспокоенность внезапной строптивостью Ники затаилась тревожным червячком где-то в закоулках сознания.

Штурмовые носители нанесли сокрушительный удар. Вращаясь, набирая высоту, они задействовали комплексы вооружений всех полусфер. Благодаря полученной свободе в выборе целей, «Нибелунги» не расходовали боеприпасы для удара по площадям, каждая ракетная установка, каждое орудие, лазерный излучатель либо плазмогенератор работали по конкретным объектам.

Скалы пылали. Миллионы тонн каменной крошки, пыли, дыма тянулись к небесам, непроницаемые, плотные облака окутали склоны горных хребтов, поднимаясь все выше, ввинчиваясь в мрачные ночные небеса багряно-пепельными спиральными выбросами, однако все проходило не так гладко, как рассчитывал Глеб. Даже невероятная огневая мощь «Нибелунгов» не смогла полностью подавить противника, не позволив ему совершать ответные действия.

Первыми ожили узлы стационарной обороны, защищающие замаскированные в ущельях промышленные комплексы и расположенные на открытом пространстве стартовые площадки. Сотни ракетных залпов вспороли багряный сумрак огненными росчерками, зловещие, но фантастически красивые сгустки разрывов тяжелыми оранжевыми всплесками метались между рваными дымопылевыми облаками – это зенитный огонь штурмовых носителей сбивал ракеты; «Нибелунги» отвечали на залпы, и среди сложной инфраструктуры, объединяющей семь искусственно расширенных ущелий, пять стартопосадочных полей и четыре плоскогорья, взметнулись взрывы, выбивая укрепления, разрушая скалы, сметая километры горных дорог…

Глеб ждал.

Война научила его хладнокровию.

Огненный вал, опоясавший позиции взвода, не шел на убыль, – ракетная и артиллерийская дуэль разгоралась с неистовой силой, земля уже не просто содрогалась – она ходила ходуном, но среди плещущих пламенем пространств, среди дыма, клубов пыли, хаоса энергий разум пилота, соединенный со сканерами серв-машины, безошибочно выделял отдельные, интересующие его энергетические всплески.

Глеб мысленно сосредоточился на них, игнорируя режущие небеса снарядные трассы скорострельных зенитных орудий, тугие, жаркие плевки

плазмы, огненные росчерки ракет – его интересовали только короткие отрывистые одиночные удары. Выделив несколько схожих сигнатур, он убедился – гаусс-орудия машин противника однозарядные, – вот как неизвестным конструкторам удалось добиться невероятной мощности выстрела и скомпоновать орудия в достаточно малых объемах корпуса.

Выстрел.

Пауза…

Выстрел.

Двадцать три секунды на перезарядку… Он мысленным приказом ввел новые данные в тактическую подсистему, продолжая наблюдать, пока сканеры «Фалангера» не ухватили отдельную сигнатуру вражеской машины, цепко удерживая ее. Приземистый механизм перемещался, пластаясь вдоль земли, он вел себя словно огромная ящерица с обрубленным хвостом, – на миг показавшись из-за очередного укрытия, произвел выстрел из орудия и вновь юркнул в разлом горных пород.

Третий штурмовой носитель взвода внезапно замедлил полет. Его траектория изменилась, теперь он не набирал высоту, а медленно снижался, продолжая вращаться и вести огонь.

Глеб переключил внимание на «Нибелунг».

Увиденное потрясло Дымова. Сорванные фрагменты брони, уродливые пробоины, из которых сочилась алая аура, источаемая поврежденным бортовым реактором, снесенные ураганным огнем надстройки, черные безобразные провалы на месте пусковых ракетных шахт – носитель был *уничтожен*, лишь некоторые его подсистемы продолжали вести огонь…

Новые планетарные механизмы колонистов, действуя большими группами, показали, на что способны их системы вооружений. На памяти Глеба еще не было прецедентов, когда наземные механизмы противника (за исключением серв-машин класса «Беркут») сбивали штурмовой носитель Альянса.

…Мгновение спустя объятый пламенем «Нибелунг» врезался в скалы, раскалываясь на части, выбрасывая в небеса черно-оранжевые грибовидные облака множественных внутренних взрывов.

Азартное предвкушение схватки как-то незаметно трансформировалось в холодную дрожь, блуждающую вдоль позвоночника.

Пора, – мысленно решил Глеб, отдавая мнемонические приказы.

Второй носитель, израсходовав оперативный боекомплект, развернулся, уходя на пеленг сигнала, полученного от командира батальона.

Штурмовые сервы рванулись вперед, сканируя местность, ведя огонь, привлекая внимание, тьма ненадолго сомкнулась вокруг небольшой высотки, лишь очаги возникших пожаров разгоняли мрак неверными сполохами.

Задействовав вариатор силы гравитации, Глеб включил прыжковые ускорители. Из сопел, расположенных в днище поворотной платформы, ударило пламя; опираясь на пять реактивных струй, «Фалангер» медленно поднялся в воздух и тут же начал снижаться по короткой траектории. Ника управляла прыжком, точно рассчитав момент и место касания, – серв-машина покачнулась, но устояла, сохранив равновесие на развязке трех дорог. Рядом, с интервалом в пятьдесят метров, приземлились три «Хоплита». Ведомые машины тут же начали расходиться в стороны, образуя оборонительное построение.

Глеб осмотрелся.

Гибель носителя не была напрасной. Его «Фалангер» стоял на чудом уцелевшей развязке трех дорог, посреди исковерканного пространства, усеянного обломками вражеских машин. Земля и скалы истекали дымом, кое-где виднелись раскаленные до вишневого свечения воронки, крайние здания, расположенные в устье ближайшего ущелья, лежали в руинах, тьма, разгоняемая огнем пожаров, пласталась длинными, изменчивыми тенями, штурмовые сервы взвода уже не огрызались огнем, они были уничтожены…

На фоне раскаленных скал двигались три десятка сигнатур, но количество противников прибывало – большая часть планетарных машин получила повреждения, но они все еще представляли серьезную угрозу. Не сбиваясь в стаю, они по-прежнему координировали свои действия, на удивление быстро отреагировав на маневр серв-соединения.

Глеб взял управление.

Ника, правое орудие на тебе. Огонь по выбору!

Он развернул «Фалангера», отработал приводом рубки, чтобы та была обращена в сторону противника, представляя мишень наименьшего сечения, и начал движение в направлении загадочных комплексов, расположенных под мощным искусственным перекрытием, стараясь держаться на разумной дистанции от космических кораблей, которые наверняка обладали собственными тяжелыми системами вооружения. Не важно, что космические левиафаны сейчас стояли на земной тверди – обстановка вскипевшего поблизости боя наверняка активировала защитные системы кораблей, и Глебу вовсе не хотелось попасть под огонь их бортовых комплексов вооружений.

Тридцать семь активных целей на радаре.

Нормально. Уже нормально.

Правое орудие отработало пятитактовой очередью, с левой стороны, компенсируя отдачу, полыхнул реактивный выхлоп, по броне «Фалангера» пробежала легкая дрожь вибраций, сервомоторы работали мощно и уверенно, здания, расположенные под искусственным перекрытием, стремительно приближались, и вдруг…

Еще одна группа боевых механизмов противника появилась внезапно, прямо по курсу. Они выскочили из какого-то тоннеля и стремительно рассредоточились, занимая позиции среди взломанных ракетными ударами «Нибелунгов» укрытий.

«Хоплит», двигавшийся в головном дозоре, успел лишь огрызнуться короткой очередью, – в следующий миг залп пятнадцати гаусс-орудий разорвал серв-машину на несколько уродливых частей.

Двадцать три секунды!..

Глеб машинально форсировал двигатели. Торс серв-машины пробил несколько строений, «Фалангер» с ревом разрядил ракетные установки, превратив в щебень пять укреплений из девяти, реверсом подался назад, одновременно развернув рубку, пригвоздив несколько преследовавших его машин очередями из «ЭМГОв», и тут же, без предварительного разогрева, вновь включил прыжковые ускорители, уходя с линии огня.

Два «Хоплита», ворвавшись на позиции, занятые внезапно появившейся группой вражеских машин, попытались довершить разгром, начатый «Фалангером», – ракетный залп, произведенный Глебом, уничтожил пять вражеских механизмов и частично повредил еще семь, но силы все равно оставались неравными, – легкие серв-машины прошли вдоль линии укреплений, в упор расстреливая цели, но ответный огонь оказался неожиданно плотным, слаженным, – руины, поначалу огрызавшиеся лишь ракетными запусками и разрядами стомегаваттных лазеров, внезапно полыхнули залпом гаусс-орудий.

Один из «Хоплитов» опрокинулся, второй вспыхнул как факел, по инерции продолжая движение, а через несколько мгновений среди клубов пыли и руин зданий ударил сдвоенный взрыв, давая понять Глебу, что он остался один.

Разворот.

Орудия теперь били одиночными выстрелами, часто и ритмично, ракеты уходили из шахт сразу, как только завершалась перезарядка, огонь противника стал плотнее, теперь они могли сосредоточиться на одной цели.

Несколько гаусс-снарядов навылет пробили близлежащую постройку,

лазерные разряды впивались в броню, раскаляя керамлит, система противоракетной обороны с бешеной скоростью расходовала боекомплект, сбивая направленные в «Фалангера» реактивные снаряды, пространство вокруг серв-машины кипело от десятков, если не сотен взрывов, но выйти из схватки или изменить ее ход Дымов уже не мог.

Победить или погибнуть, третьего ему не было дано.

Справа, между кустистыми разрывами, сканеры зафиксировали широкий зев уводящего в недра скал тоннеля.

Глеб развернул «Фалангер» к неожиданно обнаруженному укрытию, машинально отметив, что преследование продолжают всего двенадцать противников.

Дымящиеся скалы крошились под ступоходами сервомеханизма, руины построек проседали, расползаясь грудами обломков, когда машина Дымова проламывала себе путь через них, огромный угольно-черный зев тоннеля приближался, но противник не прекращал преследования, вслед неслись выпущенные залпами ракеты, одиночные выстрелы гаусс-орудий сбивали мощные опоры искусственного перекрытия ущелья, проносясь впритирку с броней «Фалангера», скорострельные зенитные орудия смолкли, исчерпав боезапас, теперь система «Щит» огрызалась лазерными разрядами, пару раз рубку ощутимо качнуло – это взрывались сегменты активной брони, отводя удар не перехваченных противоракетными комплексами реактивных снарядов.

Ника молчала.

Гнетущая тишина темным облаком окутала интерфейс мысленного обмена данными. «Одиночка» выполняла свои функции, но делала это как-то отрешенно, без эмоциональной связи с пилотом.

Глеб, чувствуя, что напряжение достигло своего пика, не расходовал силы на злость.

Что-то случилось, он ощущал это каждым нервом, но сейчас не время разбираться в нюансах взаимоотношений с искусственным интеллектом.

Пять механизмов противника преодолели зону руин, выйдя на дистанцию прямой наводки.

Между ними и Глебом сейчас не оставалось ни одного укрытия.

У него был выбор – форсировать двигатели, уходя в тоннель, или принять бой.

Не успею. Ударят в спину…

Резкий разворот, стремительное круговое скольжение голографических экранов, секундное помутнение рассудка от неожиданного впрыска стимулирующих препаратов, затем окружающий

мир вновь обрел хрустальную прозрачность, правое электромагнитное орудие отработало короткой очередью в три снаряда, боковым зрением он успел заметить сброс пустых обойменных лотков из переполненной емкости, вспышки произведенного почти в упор ракетного запуска, дробные удары осколков по броне – все это спрессовалось в мгновенное ощущение близящейся развязки, он интуитивно почувствовал ее, разряжая левое орудие серией одиночных выстрелов – две «механические ящерицы» разлетелись обломками изуродованных сегментов, а в следующий миг серия сокрушительных ударов настигла «Фалангер».

Мимо рубки, вращаясь, пролетело сорванное с оружейного пилона электромагнитное орудие, серв-машина покачнулась, принимая удар гаусс-снарядов, осколки брони брызнули шрапнельным разлетом, за пробитыми бронекожухами раздался визг перерубленных приводов, и восьмидесятитонный «Фалангер» внезапно начал оседать вправо.

Сознание Глеба застыло.

Точка небытия между жизнью и смертью.

Он с удивительной ясностью осознавал: механизмы противника точно знают, где расположен ложемент пилота, и следующий залп их орудий будет нацелен в человека.

Любое противодействие безнадежно запаздывало. События спрессовались в две или три секунды, он понимал: все кончено, наступает миг смерти и перерождения – его тело погибнет, а разум перейдет в иную область существования.

Внезапно тягостное наваждение нарушила вибрация.

– Ника, не смей!

Бронесегменты накрененной к земле рубки *раскрывались.*

Прости, Глеб. Я не хочу твоей смерти.

Он даже не успел ответить.

Удар катапульты выбросил спасательную капсулу из дымящегося корпуса «Фалангера» за мгновение до рокового залпа.

Глеб оставался в сознании еще несколько секунд.

Ночное небо, куда уходила траектория спасательной капсулы, внезапно взорвалось сполохами смертельно-красивого сияния.

Тьма над горными склонами расступилась, отроги скал отбросили множественные тени, а там, где секунду назад холодно мерцали звезды, разлилось призрачное разноцветье разорванной радуги: зародившись в одной точке, сияние ширилось причудливыми сполохами, оно растеклось по горным склонам, прорезало угольную черноту неба медленно затухающими зарницами.

Феерия красок вспыхнула и погасла, вдали раскатисто ударил гром, и ночь, будто мягкое черное существо, вновь прильнула к земле, обнимая ее крыльями тьмы.

Глеб в последнем усилии разума осязал вязкую черноту.

Тысячи незримых нитей еще связывали его разум с реальностью. Глебу казалось, что ноющий шепот сервомоторов с вибрирующей дрожью вливает в усталое сознание ощущение титанической, преданной мощи, готовой отреагировать на мысль, выплеснуть во мрак гигаватты энергии, вспороть мглу испепеляющим ударом…

…В небе внезапно появились два десятка ярких, снижающихся звезд.

«Нибелунги»!

Штурмовые носители Альянса, выпущенные с борта космических кораблей, вошли в атмосферу планеты, двигаясь в границах расчищенного «Валькириями» коридора. Главный калибр седьмой батареи противокосмической обороны молчал, и они маневрировали, практически не встречая сопротивления.

Оборона Роуга была прорвана.

Сознание Глеба вдруг начало угасать.

Траектория спасательной капсулы достигла апогея. Теперь он падал навстречу изуродованной земле, туда, где последний уцелевший «Нибелунг» его взвода медленно двигался, сканируя местность в поисках подбитых машин и выживших людей…

Глава 2

Периферия. Планета Эрлиза. Спустя шесть месяцев после капитуляции Земного Альянса.

Нам твердят о полной победе Свободных Колоний.

Не оспаривая факт капитуляции Земного Альянса, не возвращаясь к теме автономных ударных соединений, укомплектованных боевыми машинами, для которых подписи нескольких адмиралов, поставленные под Элианским Протоколом, – пустой звук, не отменяющий полученной боевой задачи, спрошу: что случилось, почему могучий флот союза Центральных Миров вдруг поспешно и без боя оставил периферию Обитаемой Галактики, обрекая десятки звездных систем на медленное вымирание, угасание и регресс?

Почему мы бежали, вместо того, чтобы сделать последнее усилие, отыскать скрытые за границами исследованного космоса военно-космические базы Альянса и навсегда покончить с угрозой?

Кто поддерживает миф о том, что все жители периферийных колоний эвакуированы, а боевые машины Альянса, оставшись без централизованного руководства, сначала перейдут в режим ожидания, затем консервации, ну а по прошествии десяти-пятнадцати лет останется лишь собрать их, как собирают металлолом, и уничтожить?

Что за преступное, постыдное бегство, что за наивные рассуждения?

Чего так страшится нынешнее командование? Почему одни люди медленно налаживают мирную жизнь, а иные брошены на произвол судьбы в так называемых «карантинных» секторах?

Эрест Норг Логвил. «Новейшие исследования». Издание 2639 года…

БМК[15] медленно двигалась по горному серпантину. Дик Фолер управлял машиной, Генрих Вайбер нервно поглядывал на целевой монитор, сидя в кресле стрелка.

– Ты мне скажи, Дик, зачем понадобилось лезть в горы? – проворчал Вайбер. На контрольных экранах боевого сканирующего комплекса ни одной активной засечки, вокруг унылый пейзаж – голый, выветренный камень да сухие, погибшие на корню деревья. Пару лет назад, еще во время войны, силы Альянса намеревались основать на Эрлизе крупную военную

базу, и тогда в атмосферу планеты были сброшены стерилизующие бомбы. Обычная варварская практика военных времен, превращенная в штатную процедуру. Боевой колонизацией планет занимались машины, а им все равно, что именно расположено внизу – синтез двух биосфер, к которому поселенцы Первого Рывка шли долгих четыреста лет, или враждебная природа девственной, еще не тронутой человеком планеты.

Когда десятки звездных систем уже сгорели в пламени адского противостояния, есть ли машинам смысл нарушать регламент, проводить изыскания, докладывать в штабы, ожидать ответа, когда от них требуется как можно быстрее подготовить планету к высадке комплексов боевого терраформинга? Конечно же нет. Вот и кибернетические механизмы, добравшиеся до Эрлизы, придерживались штатных программ, равнодушно осуществляя стандартные процедуры. Им было абсолютно все равно, что станет с коренным населением колонии. Два автоматических крейсера Альянса отбомбились по планете и ушли в гиперсферу. Результатом варварского бомбометания стала гибель всей наземной органики, включая почвенную микрофлору, – несколько недель ураганные ветра несли по равнинам серую поземку праха погибшей растительности, затем пошли проливные дожди, чуть позже начались пожары, уничтожившие крупные массивы высохших деревьев.

Жители колонии спаслись, укрывшись в недрах герметичного автоматизированного Цоколя – первичного убежища, выстраиваемого машинами на месте посадки колониального транспорта. Неспособные что-либо изменить, они пережили гибель природы своего мира, бессильно наблюдая, как результат четырехсотлетнего труда их предков за неделю превратился в прах, смытый дождями.

Генрих, мрачно созерцавший унылые пейзажи, уже не проклинал войну. На ненависть не осталось сил. Пустоши стали новой реальностью Эрлизы, и взгляд постепенно привыкал к ним. Умом он понимал, что родной планете просто не повезло. После процедуры стерилизации по регламенту боевого терраформирования наступала вторая фаза преобразований, но ее успели выполнить лишь на треть: специальные подразделения Альянса приступили к постройке баз и космодромов, но дальше этого дело не пошло. По завершении строительства военной инфраструктуры пустынные материки Эрлизы получили бы новый генномодифицированный биосферный комплекс, созданный по образцу «земного эталона», но этого не случилось.

Сервомеханизмы Альянса едва успели закрепиться в районе возводимых ими построек, как боевые действия в секторе резко

активизировались – Флот Свободных Колоний перешел в наступление, поползли слухи о скорой капитуляции Земли и окончании войны.

Впрочем, легче ли стало коренному населению колонии от победных ударов армад адмирала Воронцова? Ничуть. Уничтоженная природа планеты гарантировала жителям Эрлизы скорое вымирание либо вынужденную эмиграцию на иные миры.

Так все и произошло. К экологической катастрофе добавились последствия двухмесячного штурма планеты, и в итоге полное освобождение Эрлизы от оккупационных сил Альянса встретила лишь горстка выживших, все это время укрывавшаяся в мрачных недрах цокольного этажа древнего города, превращенного в руины и уже практически непригодного для проживания.

Галактическая война завершилась полным разгромом Земного Альянса, но выжившим поселенцам было некуда бежать с разоренной планеты. Первые послевоенные месяцы прошли под знаком абсолютной разрухи, краха надежд, связанных с победой Колоний, – все межпланетные экономические связи были нарушены, об Эрлизе попросту забыли, – у Центральных Миров, составлявших ядро цивилизации, хватало своих проблем, к тому же сектор пространства, где располагалась система Онтарио, буквально кишел остаточными подразделениями Альянса, и его предпочли закрыть на бессрочный карантин.

Тем, кто выжил, оставалось либо погибнуть среди пустошей, либо позаботиться о себе самим.

Дику Фолеру в этом смысле было намного легче, чем Генриху. Не обремененный семьей, он думал лишь о себе, у Вайбера же росла дочь, и он лез из кожи вон, чтобы отправить десятилетнюю девочку на Элио или Кьюиг, где, по слухам, постепенно налаживалась мирная жизнь.

– Дик, мне необходима удача. Настоящая удача, – вслух произнес он, отвечая собственным мыслям.

– Думаешь, мне удача повредит? – Фолер прищурился, глядя на мониторы, сравнивая данные, полученные от сканеров, с электронной картой, выведенной на отдельный дисплей. – Помнишь, месяц назад мы с тобой вскрыли бункер неподалеку от города?

Вайбер кивнул:

– Резервный пункт навигационного контроля, забитый аппаратурой Альянса, если мне не изменяет память?

– Ага. Найти покупателя на оборудование мне пока не удалось, но парень, которого ты прислал, оказался толковым мнемотехником. Он взломал навигационный модуль, установленный в бункере, и снял с него

все данные.

– Информация в нашем мире ничего не стоит, – Вайбер пренебрежительно махнул рукой. Его скуластое лицо выглядело бледным, нездоровым, в глазах мелькал злой огонек обреченности. Нет, он еще не сдался под напором неодолимых жизненных обстоятельств, но был близок к отчаянию.

– Вот тут ты не прав, – Фолер, в отличие от напарника, был настроен более оптимистично. – Данные касаются последних курсов, проложенных для прибывающих кораблей Альянса, выходивших в зоны низких орбит незадолго до появления в системе Флота Колоний, – сообщил он.

– Все равно не понимаю, – признался Генрих.

– Последний конвой кораблей, вошедших в атмосферу Эрлизы, был атакован истребителями четвертого ударного флота, – пояснил Дик. – Теперь понимаешь, куда я клоню? Штурмовой носитель класса «Нибелунг» и войсковой транспорт «Элизабет-Альфа», по данным взломанной навигационной системы, прибыли из системы Роуг. Это была операция по эвакуации техники и личного состава разгромленного подразделения Альянса – так записано в сопроводительном файле.

– Их сбили? – Вайбер наконец-то подхватил нить рассуждений.

– «Нибелунг» получил повреждения и пошел на вынужденную посадку. Транспорт последовал за ним. Больше о судьбе кораблей никто не вспоминал – начался штурм Эрлизы.

– Хочешь сказать, что они успешно приземлились?

– Насчет штурмового носителя – не уверен. Его серьезно потрепали истребители. А вот транспорт вполне мог дотянуть до резервной посадочной площадки. А она расположена на побережье океана, за хребтом. Там, где раньше были фермы морепродуктов, помнишь?

– Еще бы. Конечно, помню… – боль воспоминаний кольнула его сердце. – Дорогу ведь специально для сообщения с побережьем строили… Камилла ее хорошо знала… – он помрачнел, образ погибшей жены встал перед мысленным взором как живой, бередя кровоточащую рану. Некоторое время он молчал, погрузившись в невеселые мысли, затем вдруг добавил, вскинув голову: – Дик, пожалуй, это наш шанс. Если захватим транспортный корабль, то я смогу отправить Айлу на один из Центральных Миров. А потом мы с тобой займемся межзвездной торговлей, – мечтательно произнес Вайбер.

– Да без проблем, Генрих, без проблем, – торопливо подбодрил его Фолер. – Сейчас перевалим через хребет, и все станет ясно. Вот только…

– Ну что, говори?

– Дорога сложная. Впереди перевал, там зона облачности. Может быть, возьмешь на себя управление БПМ? Боюсь, автопилот не справится на серпантине.

Планетарный танк они случайно отыскали сутки назад, еще в предгорьях. Он стоял в конце просеки на краю мертвого леса. Находка была ценной, – Фолер и Вайбер потратили полдня, чтобы запустить двигатели, кое-как заткнуть дыры в броне и реактивировать некоторые подсистемы боевой планетарной машины. Теперь она тащилась сзади, на дистанции в километр.

– Может, просто остановим БПМ? Пусть бы здесь нас дожидалась. – Генриху совершенно не хотелось связываться с ручным управлением поврежденной машины.

– На планетарном танке установлены системы тяжелых вооружений. Они могут нам понадобиться. Но транспорт наверняка охраняется сервами, – резонно напомнил ему Фолер.

– Ну, ладно… – скрепя сердце, согласился Вайбер. – Только помни, Дик, я рискую ради дочери. Если найдем на побережье что-то ценное – сначала обеспечим ей жизнь, а уж остальное поделим поровну. Обещаешь?

– Я же сказал: да! Сколько раз тебе нужно повторять?

Генрих закрыл забрало защитного шлема.

– Тогда я пошел.

* * *

Стылый рассвет занимался над горами.

Косматые, свинцовые облака окутывали вершины, серая хмарь сползала по склонам, вымораживая мертвый лес: деревья, попавшие в зону облачности, покрывались наледью, снизу, с дороги, они выглядели, как подпалины седой щетины на шкуре огромного зверя, прилегшего отдохнуть подле океана.

Изрезанные долинами, поросшие лесом горные склоны сбегали к бухте. Глубокие ущелья выползали к берегу галечными пляжами, зажатыми между массивными выступами отвесных скал, о которые бился пенный прибой.

Фолер остановил БМК, свернув на ответвление дороги, оканчивающееся старой смотровой площадкой. Раньше, в период мирной жизни, на побережье располагались не только фермы морепродуктов, но и зоны отдыха. Летом половина населения Эрлизы приезжала сюда.

…Шквалистый ветер налетал порывами, да такими сильными, что боевую машину космодесанта ощутимо покачивало на подвеске.

Надо бы размять ноги, – подумал Дик, но покидать теплую кабину не хотелось. Покрытый наледью горный серпантин искрился, уползая вдаль, утренние лучи солнца, пробивающиеся сквозь дымку над бухтой, освещали окрестности нереальным, оранжевым светом.

Зима – не самое подходящее время для дальних путешествий, но Фолер не сетовал на погоду. Сегодня она – союзник. Теплые испарения, поднимающиеся над водным пространством, сталкивались с холодным атмосферным фронтом над перевалами горного хребта, оттого и клубились косматые облака, лютовал ветер, – кое-где морозному воздуху удавалось прорваться вдоль склонов, покрывая ветви мертвых деревьев хрупкой коркой льда, но теплые воздушные потоки, сформированные океаном, оттесняли холодные массы, – борьба стихий обычно продолжалась несколько суток подряд, сопровождаясь проливными дождями, мокрым снегом, туманами – лучшей маскировки, чтобы подобраться к резервной посадочной площадке, и не придумаешь.

– Генрих, я прошел зону облачности. Закрепился на старой смотровой площадке. Приступаю к сканированию. Как ты?

– Двигаюсь понемногу, – ответил Вайбер. – Ты нашел посадочную площадку?

– Да, – откликнулся Фолер, считывая информацию со сканеров, непрерывно поступающую на экран тактической подсистемы. – Но она пуста. Похоже, что интересующие нас корабли не дотянули до нее.

– Где же теперь их искать?

– На побережье. Сейчас отсканирую бухту. Не хотелось бы увидеть их под водой.

– Мне подождать?

– Нет, подтягивайся сюда. Вокруг тихо. БСК не фиксирует ни единой энергоматрицы.

– Ладно, сейчас буду.

Через десять минут из клубящихся облаков показалась медленно ползущая по серпантину горной дороги боевая планетарная машина.

– Как дела, Дик?

– Сворачивай на паркинг. Я обнаружил место крушения. «Нибелунг» разбился о прибрежные скалы. Транспорт совершил аварийную посадку в полутора километрах от него. Сканеры засекли сигналы боевого охранения. Десяток андроидов пехотной поддержки.

– Серв-машин нет?

– Нет, слава богу. Системы обнаружения пехотных сервов сейчас блокированы температурными аномалиями и частичками льда, постоянно

образующимися в зоне столкновения теплой и холодной воздушных масс, – со знанием дела пояснил Фолер. До войны он работал метеорологом. – Так что, Генрих, пока мы не спустились ниже, они нас не засекут.

– Тогда расстреляй их отсюда, – посоветовал Вайбер.

– Попробую.

Боевая машина космодесанта медленно подалась вперед, к краю обрыва. Курсовые орудия заворочались в гофрированных гнездах, глухо подвывая сервомоторами точного наведения, затем сумерки озарили частые вспышки одиночных выстрелов.

В ответ ударили два ракетных запуска, однако Фолер оказался прав – сервомеханизмы получали искаженные погодной аномалией данные, и потому разрывы легли на километр ниже по склону, обрушив несколько тонн скальной породы.

Орудия БМК вдруг захлебнулись длинными очередями, затем все стихло, лишь выл ветер, да невнятный рокот обвала ворочался далеко внизу.

– Зона чиста. – Фолер продолжал следить за показаниями сканеров. – Остаюсь на позиции. Генрих, тебе придется выдвигаться в одиночку. Подстрахую тебя отсюда.

– Хочешь поймать оставшихся дройдов на живца? – в голосе напарника прозвучала злая усмешка. – Ладно, Дик. Начинаю движение. Держи их на прицеле, – с неожиданной легкостью согласился Вайбер, и Фолер, настроившийся на долгое препирательство, лишь удивленно приподнял бровь.

Хорошо, что у меня нет детей… – подумалось ему.

* * *

БПМ медленно сдала назад, развернулась и поползла вниз по извивающейся, словно змея, дороге, постепенно спускаясь к бухте. Если какой-то из андроидов уцелел, то он зафиксирует цель и попытается уничтожить планетарную машину. Вайбер понимал, что рискует, но иначе они бы застряли тут надолго. Второй раз застигнуть врасплох пехотных сервов не удастся, оставалось вынудить их демаскировать себя.

Исполнять роль приманки Генриху вовсе не нравилось. Если бы не дочь – он вообще не полез бы в горы, а уж тем более не стал бы связываться с боевым подразделением Альянса. Но выхода не было. Либо риск, либо безысходное существование, в конце которого маячила лишь одна перспектива – медленная смерть от голода.

Несколько минут предельного напряжения показались ему вечностью.

Трудно вести тяжелую, неповоротливую машину по изгибам оледеневшей дороги, постоянно ожидая ракетного запуска, уповая лишь на реакцию напарника, с господствующей высоты прикрывающего его продвижение.

Боевой опыт у Вайбера, конечно, был, хотя война долгое время милостиво обходила Эрлизу стороной. Всеобщей мобилизации, объявленной в колониях, он не избежал, но благодаря полученному образованию попал не в действующие части, а остался служить на родной планете, оператором узла гиперсферной связи. Там, в «бункерах ГЧ», он познакомился со своей будущей женой. На протяжении многих лет все складывалось вполне благополучно, и осталось бы так, не начни Альянс захват планет и строительство баз в этом удаленном секторе пространства…

Камилла погибла при орбитальной бомбардировке, Айла – его дочь – выжила чудом. Когда на Эрлизу высадились силы Альянса, Вайбер ушел в отряд сопротивления и три месяца воевал в пустошах…

– Генрих, стой! – внезапно пришел по связи приказ Фолера.

Вайбер осторожно притормозил, но БПМ все равно занесло, развернув боком к обрыву и едва не сбросив в пропасть.

– Что там у тебя, фрайг побери?! – выругался Генрих, машинально вытирая выступившие на лбу капельки пота.

– Сейчас. Подожди немного. Новые данные. Похоже, я ошибся в оценке противника, – голос Фолера теперь звучал звонко, нервно.

– Они меня засекли?

– Пока не знаю. Затихни. Выруби двигатель!

Генрих быстро обесточил все цепи питания. Несмотря на ледяной ветер, пробивающийся в кабину через несколько наспех заделанных пробоин, ему стало жарко.

Сейчас влепят снизу ракетой – и все… – Ему вдруг нестерпимо захотелось выскочить из машины и укрыться где-нибудь в стороне, за скалами, но Вайбер удержал себя от поспешных поступков. Замерзнуть на ледяном ветру – дело пяти минут.

– Фолер, поторопись!

– Тишина в эфире! – огрызнулся напарник.

Генрих нехотя отключил коммуникатор. Заунывный вой ветра стал громче, отчетливее, на оптических датчиках быстро образовывалась наледь, но он все же взял себя в руки, приготовившись ждать, пока Дик не разберется в ситуации.

* * *

Фолер тем временем повторно исследовал побережье.

Ночь и непогода обманули не только сервов. Сейчас утренняя мгла постепенно рассеялась, с восходом солнца небо просветлело и уже не выглядело свинцово-облачной плитой, нависшей над бухтой, а датчики боевого сканирующего комплекса внезапно обнаружили новые подробности давнего крушения.

На галечном пляже, среди разрушенных отрогов прибрежных скал, метрах в двадцати от полосы прибоя, отмеченной скоплением выброшенного океаном мусора, громоздились покрытые окалиной обломки не двух, а трех космических кораблей! Разбитая орудийным огнем БМК позиция сервомеханизмов располагалась выше, и, как теперь стало понятно, она являлась лишь передовым постом в системе охранения.

Минут тридцать Фолер пристально наблюдал за обстановкой, сравнивая полученные данные, пока не убедился, что их рискованный спуск по горному серпантину остался незамеченным.

– Что у тебя, Дик? – Вайбер, не выдержав, снова вышел на связь.

– Наблюдаю, – откликнулся Фолер. – Хреновое у Вселенной чувство юмора. Помнишь, незадолго до вторжения сил Альянса одна из археологических экспедиций отыскала основной модуль колониального транспорта?

– А вместе с ним три разведывательных корабля? – Генрих сейчас готов был говорить о чем угодно, лишь бы разрушить тягостное ощущение полного одиночества. – Помню. Конечно, помню. Из одного затем сделали суборбитальный челнок, я однажды летал на нем на экскурсию.

– Вот-вот. Его сбили при оккупации планеты. Угадай, куда он упал?

– Дик, у меня нет настроения разгадывать твои ребусы.

– Ладно, передаю файл со сканеров.

Получив данные, Вайбер вывел изображение на монитор БПМ.

Действительно, черное чувство юмора у Судьбы. Вселенная тут ни при чем. Она равнодушна к людям.

Три корабля, по стечению обстоятельств совершившие аварийную посадку на узкой полосе галечного пляжа, выглядели как насмешка над людьми, возомнившими себя хозяевами мироздания. Древний разведывательный корабль, переоборудованный для орбитальных экскурсий, в ходе которых шло ознакомление старшеклассников с понятием «открытый космос», выглядел практически неповрежденным. За ним от линии прибоя тянулась глубокая борозда. Совершая вынужденную посадку, он еще раз доказал, насколько прочна и функциональна колониальная техника. Разведывательный корабль колонистов почти не обгорел в

атмосфере, не развалился на части при жестком ударе о землю, на борту, при увеличении изображения, все еще ясно читалась надпись: «Добро пожаловать. Тайны Вселенной ждут Вас».

Неподалеку, напоровшись днищем на острые ребра скал, застыла громада штурмового носителя класса «Нибелунг», чуть поодаль от него, зарывшись в гальку носовой частью и задрав к небесам корму, возвышался хорошо узнаваемый контур войскового транспорта «Элизабет-Альфа».

Ирония, прозвучавшая в словах Фолера, заключалась в действиях технических сервомеханизмов, выпущенных с борта штурмового носителя Альянса.

В данный момент они были заняты перемещением на борт экскурсионного судна колонистов овальных контейнеров, похожих на раковины двустворчатых моллюсков. Генрих сразу же узнал консервационные модули с заключенными внутри людьми. По всей вероятности, штурмовой носитель и войсковой транспорт принадлежали к одному подразделению ВКС Альянса, серьезно потрепанному в боях за неизвестную Вайберу планету. Хотя, – он вспомнил данные из сопроводительного файла навигационной системы, – конвой вроде бы прибыл из системы Роуг. Внутри консервационных модулей в таком случае находятся раненые офицеры, скорее всего, пилоты серв-машин или аэрокосмических истребителей, принимавших участие в штурме Роуга.

Оба корабля были сбиты над Эрлизой более года назад. Все это время сервомеханизмы устраняли повреждения, исследовали состояние трех космических судов в поисках способа выполнения поставленной перед ними боевой задачи.

«Нибелунг» и транспорт требовали серьезного ремонта, а вот сбитый несколько лет назад корабль колонистов сумел совершить посадку и пострадал в наименьшей степени. Пара пробоин в корпусе от попадания гаусс-снарядов – пустяк для ремонтных сервов. Они разобрались в управлении и приняли решение – эвакуировать консервационные модули к ближайшей базе Альянса на пригодном для полетов корабле, а затем, передав раненых и получив необходимые запасные части, вернуться сюда, для восстановления двух боевых единиц.

Сервам было неведомо, что война завершилась. Они выполняли текущую задачу, усердно перемещая консервационные модули в шлюз, над которым как раз и красовалась надпись: «Добро пожаловать. Тайны Вселенной ждут Вас».

Добро пожаловать в ад, убийцы…

Боль невосполнимой утраты в одно мгновение с новой неистовой

силой вспыхнула в груди Вайбера.

Словно прочитав его мысли, Фолер вновь вышел на связь:

– Генрих, только не дури, ладно? Жену ты не вернешь. Подумай о дочери.

– Эти мерзавцы заслуживают смерти, Дик.

– Смерть – слишком милосердное наказание. Давай не будем горячиться. В Форте Стеллар за каждого пленного офицера Альянса дают по десять тысяч кредитов и отпускают все грехи перед законом. Подумай, на эти деньги мы сможем купить запасные части для ремонта «Нибелунга» и «Элизабет-Альфы».

– Не забывай о моей дочери, Дик. Поклянись, что мы отправим ее на Элио.

– Обещаю. Сначала устроим судьбу Айлы, а затем займемся ремонтом трофейных кораблей.

– В таком случае я готов рисковать и дальше, – ответил Генрих. – Как предлагаешь действовать? У нас нет кодов доступа для перехвата управления сервами и боевыми подсистемами кораблей Альянса.

– Зато мы принадлежим к населению колонии, и бортовой компьютер древнего корабля-разведчика примет наши полномочия. ДНК жителя Эрлизы достаточно для получения командного доступа.

– Если технические сервы Альянса не взломали систему.

– Не думаю, что они решились трогать древний компьютер. Интуиция подсказывает мне, что на борту мы найдем параллельные системы управления. Пара пустяков, Генрих. Удалим все установленное сервами оборудование и осуществим холодный перезапуск системы.

– Сначала нужно прорваться к кораблю.

– А вот тут предлагаю не спешить. Если мы сейчас перебьем сервов, кто будет таскать консервационные модули? Их еще нужно оптимально расположить и закрепить. Давай-ка еще немного понаблюдаем, пусть кибермеханизмы завершат начатую работу, а мы пока разработаем тактику действий, чтобы не попасть под удар уцелевших боевых систем штурмого носителя.

– Согласен, – мрачно отозвался Вайбер. – Хотя, если придется добавить «Нибелунгу» пару дыр в корпусе, я не расстроюсь.

– Решено. Оставайся на позиции. Я продолжу наблюдение, буду периодически транслировать тебе данные со сканеров. На БПМ установлен мощный тактический компьютер, так что твоя задача: обработка информации. Пара часов у нас есть.

* * *

Сервы завершили погрузку перед самым закатом.

К этому времени у Вайбера и Фолера уже был готов план дальнейших действий. Используя сканеры БМК и тактическую систему боевой планетарной машины, они обнаружили среди нагромождения прибрежных скал множество «мертвых зон», не контролируемых системами бортовых вооружений поврежденного штурмового носителя.

Дик насчитал одиннадцать консервационных модулей.

Ходили слухи, что в недрах подземных уровней Луны Стеллар базируются лаборатории, где заправляет внучатый племянник адмирала Воронцова, некий Джедиан Ланге. Таинственная фигура. Джедиана никто не знал в лицо, но слухи о тематике исследований, проводимых под его руководством, просачивались даже через заслоны систем безопасности знаменитого на всю Обитаемую Галактику форта.

Говорили, что Ланге работает над мыслесканером. Амиралу Воронцову, оказавшемуся заложником собственной победы, как воздух была необходима информация о дислокации сети периферийных баз, построенных силами Альянса незадолго до завершения войны, и потому работе над прибором, способным читать мысли, уделялось особое внимание. Продолжив цепочку логических рассуждений, нетрудно было догадаться, почему командование Флота Колоний готово платить огромные деньги за офицеров Альянса и попутно раздавать индульгенции каперам и контрабандистам.

Пленников, попавших в казематы Форта Стеллар, ждала незавидная участь, но Вайберу было абсолютно наплевать на судьбу врагов.

Война изуродовала души людей, а жестокий послевоенный мир лишь добавил ненависти и цинизма выжившим, – капитуляция Альянса не принесла на планеты периферии ничего нового, все стало только хуже. Автономные соединения прародины, управляемые модулями искусственного интеллекта, по-прежнему являлись угрозой, каждый прожитый день в секторе Окраины мог оказаться последним для любого из обитателей брошенных на произвол судьбы поселений.

Для многих сложившаяся ситуация вообще не имела приемлемого решения. Планеты, превращенные в пустоши, постепенно вымирали, население колоний, не относящихся к скоплению Центральных Миров, отчаянно боролось за существование, признавая любые способы достижения целей.

Мир, охваченный хаосом, стремительно катился к краю пропасти, и

двум отчаявшимся колонистам было все равно, как сложится дальнейшая судьба людей, заключенных внутри криогенно-консервационных модулей.

– Генрих, сервы завершили погрузку. Пора начинать.

– Я готов. Действуем по плану.

Вайбер, в отличие от своего напарника, жил раздираемый горем от потери близкого человека и нежной привязанностью к дочери, которая не давала ему окончательно сойти с ума, превратиться в зверя, ненавидящего все вокруг.

Сейчас он не думал о грядущих перспективах, открывающихся перед ним и Фолером, в том случае, если они сумеют доставить пленных в Форт Стеллар, а затем отремонтировать найденные космические корабли. Его волновала лишь та часть заключенного между партнерами соглашения, которая позволяла отправить Айлу подальше от кошмара умирающей планеты, на Элио, где строились города, возрождалась цивилизация, где о девочке будут заботиться, ей дадут образование, она не будет вздрагивать по ночам, опасаясь каждого шороха, – ведь Центральные Миры защищены Флотом Колоний, и жизнь на планетах там входит в нормальное русло…

Мысли, пульсирующие в воспаленном рассудке, придавали решимости.

Боевая планетарная машина находилась в удручающем состоянии. Почти вся кибернетика выгорела, им с Фолером удалось восстановить навигационный и тактический компьютеры, а вот система управления огнем, боевой автопилот и еще с десяток важных кибернетических блоков так и остались замурованными под потеками металлопластика.

Посеченная снарядами и осколками броня БПМ, два скорострельных курсовых орудия да собственная отчаянная решимость победить, – вот все, чем располагал Вайбер, выводя машину в зону досягаемости сканеров поврежденного, но все еще представляющего нешуточную опасность штурмового носителя.

Только бы на борту «Нибелунга» не оказалось исправных серв-машин, – мысленно молил Генрих, заставляя БПМ лавировать между скалами.

Верхние надстройки штурмового носителя возвышались над сглаженными временем, плавно понижающимися в направлении бухты отрогами скал. Появление БПМ, двигавшейся по усеянному камнями дну неглубокого ущелья, прорезанного талыми и дождевыми водами, не осталось незамеченным. Несколько массивных сегментов брони «Нибелунга» внезапно пришли в движение, разорвав предзакатную тишину утробным гулом работающих на пределе мощности моторов, зубовным

скрежетом металла, сдвигающегося по деформированным направляющим, затем Вайбер услышал частые хлопки и заунывный вой реактивных мин, выпущенных из установок верхней полусферы штурмового носителя.

Он резко отработал рычагами ручного управления, уводя БПМ под стену ущелья, где выступал небольшой каменный карниз.

Секунды изматывающего нервы рева, показавшиеся вечностью, завершила стена разрывов, вздыбившая тонны камня на том месте, где сканеры «Нибелунга» засекли появление боевой планетарной машины, не ответившей на запрос правильным опознавательным кодом.

Осколки мин, фрагменты каменной породы, отраженные от стен ущелья множественные ударные волны хлестнули по броне боевой машины, Вайбер едва не оглох, но, рефлекторно поймав паузу в начавшейся вакханалии бездушной смерти, движимый яростной, обреченной надеждой, он заставил БПМ рвануться с места, преодолевая опасный участок, вошел в поворот высохшего русла и тут же притормозил, высекая бронированными бортами машины снопы искр из сужающихся стен ущелья.

Впереди, на фоне предзакатного неба, четко просматривались верхние сегменты корпуса «Нибелунга». Несколько сдвинутых по направляющим керамлитовых плит обнажили порты минометных и лазерных батарей, дистанция до цели составляла не более двухсот метров; Генрих чувствовал, что не промахнется, на него внезапно снизошло ледяное, роковое спокойствие, он смотрел в глаза смерти, а смерть уставилась на него десятками пустых зрачков.

Ладони вспотели.

Молчание лазерных батарей явилось для Вайбера приятной неожиданностью, но все чувства навалились на него лишь спустя пару минут, а в тот миг он думал только об одном – не промахнуться.

Курсовые орудия БПМ плавно довернули на цель, двигаясь как живые в гофрированных бронепластиковых гнездах, и серии ярких, частых, сливающихся в очереди вспышек озарили теснину между скал, ураганный рев отразился от стен ущелья, срывая мелкие осыпи камней. Генриху казалось, что сердце сейчас вырвется из груди, он непроизвольно подался к целевым мониторам, его помутившийся от напряжения взгляд жадно впитывал каждый разрыв, расцветающий на броне штурмового носителя. Время превратилось в тягучий сироп, он видел, как несколько снарядов попали точно в отверстия оружейных портов, взорвавшись внутри боевых отсеков, превратив в изломанное крошево механизмы минометных батарей. Досталось и лазерным комплексам – от обшивки штурмового носителя отлетело несколько крупных фрагментов, затем одна из надстроек внезапно

вспухла оранжево-черным шаром, и… все стихло.

– Дик?.. – Вайбер облизал пересохшие губы. – Дик, ты меня слышишь?

– Ну ты даешь… – хрипло и восхищенно отозвался напарник. – Живой?

– Да вроде бы… Думал, успею проскочить между залпами. Немного не рассчитал… Выехал на прямую наводку.

– Особо-то не усердствуй. Наше имущество все-таки.

– Фолер, заткнись! «Нибелунг» пока что не наша собственность, а конкретная угроза.

– Ладно, не злись. Установки верхней полусферы ты повредил. Сейчас я сменю позицию, отсканирую носитель с другого ракурса. Не дергайся пока, лучше сдай чуть назад.

– Разберусь. Следи, чтобы с «Нибелунга» не высадили пехотных сервов. Предупреди, по крайней мере, если заметишь.

– Жди. Остаюсь на связи.

Голос напарника смолк.

Генрих заставил БПМ попятиться. Загнав боевую машину в укрытие за двумя обломками скал, он откинулся в кресле, только сейчас ощутив, как дрожат кончики пальцев, а по спине струится холодный липкий пот.

Черный дым, поднимающийся из-за изгиба ущелья, напоминал, как близко пронеслась смерть.

Штурмовой носитель Альянса, изрядно покалеченный в неведомой битве, потерпевший крушение при вынужденной посадке, все равно внушал неосознанный ужас. Он казался Вайберу мифическим монстром, подчинить которого своей воле – абсолютно безумная затея.

Нервная дрожь понемногу улеглась, но напряжение не отпускало. Если несколько боевых сегментов «Нибелунга», волею случая оказавшихся выше уровня прибрежных скал, едва не разорвали БПМ ураганным огнем, то что говорить об истинной мощи космического корабля? План Фолера уже не казался здравым. Каким образом они взлетят? Просто стартуют под носом боевых систем штурмового носителя? Да чистой воды самоубийство!

– Дик, нам лучше повернуть назад.

– Ты в своем уме, Генрих? Корабль, считай, у нас в руках! Данные сканирования показывают, что дальше по руслу реки можно двигаться без проблем. Уничтоженные тобой установки были единственными, контролирующими интересующее нас направление.

– Даже если мы доберемся до колониального корабля, все равно нам

не взлететь.

– Это почему? – искренне удивился Фолер.

– «Нибелунг» нас собьет. Не прикидывайся дурачком!

– Он не сделает ни единого выстрела, – с непонятной уверенностью ответил Фолер. – Вот увидишь.

– Тогда, быть может, ты сам попробуешь поднять корабль? – язвительно поинтересовался Вайбер.

– Могу и сам.

– Дик, ты на самом деле думаешь, что нам позволят взлететь?

– Генрих, включи мозги! – раздраженно ответил напарник. – На борту колониального корабля криогенные модули с офицерами Альянса! Кибернетическая система «Нибелунга» не откроет огонь по своим!

Вайбер промолчал, обдумывая его слова.

Риск, конечно, огромен, но и ставки немаленькие. Тут уж хочешь или не хочешь, а надо выбирать. Смириться со своей участью, протянуть еще пару лет на очищенной воде и безвкусных пищевых брикетах, основой для которых служила вонючая биомасса, выращиваемая в чанах древнего колониального убежища, или хотя бы попытаться изменить судьбу, увезти дочь из этого кошмара…

– Дик, я поверю тебе… – некоторое время спустя произнес Вайбер.

– С чего вдруг? – поддел его Фолер.

– Ты не похож на человека, собравшегося свести счеты с жизнью, – неохотно признал Генрих. – Твой энтузиазм заразителен.

– Я кое-что смыслю в кибернетических системах, – Фолер не скрывал, что доволен решением напарника. – Вот увидишь, мы справимся.

– А как ты собираешься захватить «Нибелунг»? – по спине Вайбера опять скользнула дрожь.

– При помощи технических сервов. Они допущены к обслуживанию носителя, значит, в их памяти содержатся коды доступа к подсистемам «Нибелунга». Без этого никак. Нам придется захватить хотя бы одного серва технической поддержки. На Стелларе мы найдем специалиста, который за деньги покопается в его электронных мозгах и добудет необходимые нам сведения.

– То есть вернувшись, мы просто передадим правильный код для опознания и получим доступ к портам технического обслуживания корабля?

– Схватываешь на лету, – похвалил напарника Фолер.

– Если все так просто, почему подобными приемами не пользовались во время войны?

– Захватить технического серва очень сложно. При повреждениях или при попытке взломать систему включается механизм самоликвидации. Сервомеханизмы Альянса умеют надежно хранить тайны.

– Надеюсь, у тебя есть план?

– Мы много болтаем, Генрих. Пора бы уже действовать.

– Нет, ты не ответил на вопрос.

– Ладно, я тебе скажу. Только учти, проболтаешься кому-нибудь…

– Не проболтаюсь. Клянусь.

– Поклянись здоровьем Айлы.

– Клянусь!

– В период оккупации Эрлизы я завербовался на строящийся космодром. Техником.

– Ты служил Альянсу?! – Вайберу поначалу показалось, что он ослышался.

– Генрих, не забудь о клятве. Да, я служил Альянсу, – спокойно отозвался Фолер. – Надо же было что-то жрать. Когда меня принимали на работу, предложили пойти в техники. Я согласился.

– Не думал, что ты предатель, – Вайбер не произнес, он сплюнул эту фразу.

– Генрих, уймись! Все в прошлом!.. Я просто пытался заработать кусок хлеба. Если бы тебе пришлось выбирать между голодной смертью и работой на оккупантов, что бы ты выбрал?

– Не знаю.

– Вот и заткнись! Я никого не убил. Но зато работа на космодроме кое-чему меня научила.

– Например? – мрачно осведомился Генрих.

– Мне известно, где у технических сервов расположено устройство самоуничтожения данных и где находятся микрочипы с требуемой информацией.

– Не понимаю, что нам дадут твои знания.

– Мы уничтожим одного серва снайперским огнем. Ты же у нас боец сопротивления, и опыт у тебя по этой части немаленький, верно?

– Стрелять умею. Враги не жаловались.

– В этом и сила нашего с тобой сотрудничества. Каждый из нас что-то знает и умеет. Я укажу тебе конкретные точки на корпусе сервомеханизма, которые нужно поразить, и отмечу те, куда попадать нельзя ни при каких обстоятельствах. В итоге, если ты не промахнешься, устройство самоликвидации будет разбито, а нужные нам чипы останутся невредимыми. По-моему, простой, эффективный и не такой уж сложный в

реализации план. Только не заставляй тебя уговаривать. Мы теряем время.

Вайбер некоторое время молчал. Признание Фолера ошеломило его. В душе поначалу вскипела ярость, а затем пришло брезгливое чувство отчуждения. Кругом только предательство. Застрелить его? А что изменится? Камилла не воскреснет, а Айла погибнет, – в одиночку ему не захватить корабль, не добыть нужные сведения. Замкнутый круг…

– Ладно, – без особого энтузиазма согласился Генрих. На душе остался тяжелый, мутный осадок, но с этим можно разобраться потом.

– Рад, что здравого смысла у тебя больше, чем эмоций, – голос Фолера прозвучал ломко, напряженно. – Забыли о прошлом, – предложил он. – Давай обсудим детали дальнейших действий.

* * *

Примерно через полчаса густые сумерки накрыли побережье.

Ждать до утра не имело смысла, сканеры БМК прекрасно справлялись с проблемой времени суток.

Фолер проделал тот же путь, что и Вайбер, теперь их машины стояли борт к борту.

– Меняемся местами, – произнес Дик. – Я выведу БПМ на пляж, отвлеку внимание сервов боевого охранения. Технические механизмы при появлении противника бросят работу и начнут прорываться к базовому кораблю. Ты свою задачу знаешь. Вот чип, прочитай данные через кибстек, там указано точное месторасположение блока аварийного питания системы самоликвидации. Как только нейтрализуешь технического серва – дай знать, я открою огонь на поражение по остальным механизмам.

Вайбер кивнул, усаживаясь в центральное кресло кабины управления БМК.

– Начнешь по моей команде, – предупредил Фолер, закрывая за собой бронированный люк планетарного танка. – Как видишь, я готов делить не только прибыль, но и риск.

Генрих не ответил.

Он развернул БМК и направил ее вверх по высохшему руслу реки. Покрытые износостойким пластиком траки гусениц с шелестом давили гравий, слегка проскальзывая на сглаженных водой диагональных выступах горных пород, выступающих над уровнем почвы, словно ребра скелета исполинского животного.

Через десять минут езды русло начало сужаться, превращаясь из ущелья в лощину, склоны покрывали густые заросли погибшего после стерилизации планеты кустарника, местами он был повален ветром или

выворочен с корнем дождевыми водами, периодически сбегающими по склонам на пути к океану.

Вайбер вновь повернул, и вскоре мониторы, переведенные в режим ночного видения, показали край обрыва.

Он не стал глушить двигатель, оставив его работать на холостом ходу, а сам, прихватив импульсную винтовку с электронно-оптическим прицелом, лег на мертвую, прелую землю, осторожно подполз к краю обрыва и выглянул.

Внизу, среди кромешной тьмы, не было видно ни единого огня, лишь до слуха долетал отдаленный шум прибоя.

Генрих достал из нагрудного кармана прибор, похожий на старомодные очки с затемненными стеклами, надел, и окружающий мир волшебно преобразился: тьма расступилась, теперь он видел побережье, расцвеченное зеленовато-серыми тонами.

Штурмовой носитель врезался в скалы практически под обрывом. Обшивка «Нибелунга» треснула в нескольких местах, но за год, прошедший после окончания боевых действий на Эрлизе, механизмы технического обслуживания успели устранить большинство критических повреждений. Вайбер четко различил систему домкратов и тросов, при помощи которых сервы сдвинули с места обломки, сократив разломы в обшивке до величины небольших трещин.

Еще год, а может, и меньше, и ремонт штурмового носителя был бы успешно завершен… – мысленно отметил Вайбер. Упорство машин вызывало не уважение к их кропотливой ежедневной работе, а оторопь. Куда направился бы штурмовой носитель после завершения ремонта? Осталась ли у него невыполненная боевая задача? Пассивное сканирование прорисовывало тепловой контур работающего на борту реактора, а вот энергоматриц серв-машин Вайбер не заметил. Похоже, что ангары «Нибелунга» пусты, и, вероятно, по окончании ремонта он отправился бы на иную планету, за разбитыми машинами серв-соединения.

Война не завершилась… Она будет продолжаться до бесконечности, наши миры так и останутся мертвыми, пока в границах освоенного космоса остаются бездушные реликты, единственная задача которых – победить. Никто не станет заниматься восстановлением разоренных планет, пока сохраняется угроза рецидивов со стороны автоматизированных подразделений Альянса…

Его мысли нарушил короткий тоновый сигнал системы коммуникации – это Фолер напоминал о себе.

Думать о напарнике сейчас не хотелось. Лучше бы он не говорил

правду, сочинил бы какую-нибудь историю… Как бы ни сложилась совместная операция по захвату кораблей, дальше их пути разойдутся. Слишком остра и свежа боль от ран, причиненных войной.

Генрих взял в руки оружие, активировал прицел, коснулся пальцем сенсора, управляющего вариатором увеличения.

На небольшом плоском экранчике в паутине координатной сетки побежали цифры, изменяемые дальномером, чуть ниже появились значения поправки на ветер и гравитацию, несколькими плавными линиями обозначились обнаруженные в секторе стрельбы теплые и холодные потоки воздуха, способные повлиять на полет пули.

Он взял на прицел ближайшего технического серва, занятого осмотром обшивки древнего колониального корабля. Фолер оказался прав, его готовили к старту, видимо, автономный запас энергии и необходимых для поддержания жизнедеятельности биоматериалов консервационных модулей подходил к концу, иначе сервы дождались бы окончания ремонта штурмового носителя, чтобы эвакуировать раненых офицеров, находящихся в состоянии низкотемпературного сна, под должной охраной.

В душе вскипели долго сдерживаемые чувства.

Никуда вы не полетите, убийцы. Сгинете в подземных уровнях Форта Стеллар.

Мрачный, поросший черным кустарником склон осветили несколько отрывистых вспышек одиночных выстрелов.

Одного из технических сервов отшвырнуло в сторону, он ударился о скалы и уже не шевелился. Остальные, словно испуганные насекомые, прыснули в разные стороны, ища укрытия.

– Фолер, начинай, – выдавил Вайбер в коммуникатор.

На узкой полосе галечного пляжа, за отрогами скал взревел двигатель планетарного танка, затем зачастили выстрелы автоматических курсовых орудий.

Вайбер наблюдал за мятущимися во тьме вспышками.

Он не собирался прикрывать Фолера. Если судьба – тот выживет, если нет – свершится элементарная справедливость.

Впрочем, угрюмого равнодушия Генриха хватило меньше чем на минуту. Стрельба разгоралась с новой силой, сканеры показывали, что в броне «Нибелунга» открылось несколько орудийных портов, и он, не выдержав, бегом вернулся в кабину БМК.

– Фолер, держись!

Пересев в кресло стрелка, Вайбер разрядил орудия по открывшимся в броне штурмового носителя боевым секциям, в ответ по склону ударил

ракетный залп, один из реактивных снарядов вызвал оползень, два других ушли выше, и лишь четвертый поразил цель, – пробив броню машины космодесанта, он разорвался за переборкой, отделяющей кабину от смежного отсека.

БМК увлекло в оползень.

Тяжелая машина несколько раз перевернулась, скатываясь по склону, Генрих, оглушенный взрывом, пробившим переборку, ощущал, как что-то горячее и липкое заливает глаза.

Страховочные ремни спасли его от дальнейших травм, а когда земля и небо на экранах обзора прекратили меняться местами, он, поморщившись от боли, обернулся.

Переборка не выдержала взрыва, ее выпучило в кабину, пробив осколками.

По щеке и виску текла кровь.

Выстрелы на побережье стихли, судьба Фолера оставалась неизвестной. Разбитый коммуникатор молчал, а Генрих даже не мог пошевелиться – боль от нескольких осколочных ранений парализовала его тело.

– Все будет хорошо, Айла… – шептал он, со стоном дотянувшись до автоматической аптечки, закрепленной на расстоянии вытянутой руки от кресла стрелка. – Все будет хорошо…

Глава 3

Форт Стеллар. Тринадцатый подземный уровень. Лаборатория по изучению боевого искусственного интеллекта. Десять лет спустя после капитуляции Земного Альянса

На войне мы потеряли все. Ожесточение, страх, ненависть к противнику – эти чувства разъели души поколений, – то, что ужасало поначалу, постепенно стало буднями. Мы утратили многое из человеческого, наши чувства необратимо изменились и вряд ли когда-либо станут прежними.

Дети войны уже вступили во взрослую жизнь и, глядя на них – выросших в стылых подземных убежищах, – невольно думаешь, а с каким по счету поколением к нашим потомкам вернется способность поднять голову к небу и смотреть на звезды не в ожидании очередного неотвратимого удара из космоса, а с удивлением, восторгом и пытливой надеждой?

Я смотрю в глаза молодых людей, пришедших нам на смену, и вижу в них оценивающий холод. Они воспринимают мир иначе, чем мы. Лишенные родительской ласки и солнечного света, они выросли среди поддерживающих жизнь машин, их мышление – производная от понятия «выживание».

Нет страха и ненависти в их глазах. Они смотрят на мир спокойно, словно в прицел, потому что уже пережили все самое страшное.

От их взглядов – озноб по коже. Молодые, здоровые, но уже истратившие в пяти-шестилетнем возрасте все душевные силы, чтобы элементарно выжить.

Эрест Норг Логвил. «Новейшие исследования».

Издание 2644 года…

Андрей Кирсанов часто задерживался на работе, проводя в стенах лабораторий, где изучались модификации боевых искусственных интеллектов, большую часть свободного времени. Годы, посвященные исследованиям, наложили на него неизгладимый отпечаток профессиональной деформации, превратив подающего надежды талантливого юношу в зрелого, молчаливого, лишенного ненужных эмоций мужчину.

Таким выросло поколение, рожденное в период войны.

Рано взрослея, с детства познав цену каждого вдоха, прожитого дня, они переставали страшиться происходящего. Те, кто был слаб, просто не выдерживали – они исчезали, гибли, оставаясь бледными тенями воспоминаний в сознании сверстников. Жестокое время диктовало неумолимые правила, производя быстрый отсев, вырабатывая у выживших особый взгляд на мир – настороженный, холодный, недоверчивый. В случае с Кирсановым все усугубилось спецификой и темпами исследований, проводимых в лабораториях, где он работал.

Всем известно, что большинство модификаций модулей искусственного интеллекта, разработанных конструкторами Земного Альянса, невозможно взломать. Чтобы разобраться, выполнить поставленные командованием технические задания, получить результат, снять необходимую информацию с нейросетей, составляющих основу «Одиночек», сотрудникам секретных лабораторий приходилось идти на неизбежный риск, погружаться в иную реальность, пропуская через свое собственное сознание терабайты травматической памяти, сохраненной в нейромодулях усложняющихся с каждым годом «ИИ»…

…Андрей открыл глаза, отключил устройства импланта, предоставляя рассудку небольшую передышку.

Десять лет прошло с момента капитуляции Альянса, но мало что изменилось в жизни победителей.

Обитаемая Галактика послевоенного десятилетия в восприятии Кирсанова была похожа на сгоревший лес, где под пеплом еще рдеют жаркие угли пожара. Выжженное пространство, кое-где сохранившее островки жизни. Произошла катастрофа, последствия которой казались неодолимыми. Ситуация складывалась зыбкая, неопределенная, война не прекратилась, она лишь перешла в иную фазу, вспыхивая множеством неожиданных вторжений со стороны роботизированных подразделений побежденного противника, усугубляясь еще и чередой локальных конфликтов между «суверенными» планетами.

По крохам собирая факты новейшей истории, Андрей не ставил себе целью искать виновных. Он пытался понять истоки проблем дня сегодняшнего, но чем упорнее и глубже он «копал», тем страшнее, тоскливее становилось на душе. На фоне сделанных открытий победа Свободных Колоний выглядела нелепой случайностью, стечением обстоятельств, а капитуляция Альянса не укладывалась в рамки созданных Кирсановым математических моделей.

Цифры упрямо говорили об обратном. У Свободных Колоний не было

шансов не то что выиграть войну, а элементарно выжить. Миллионные армии боевых сервомеханизмов, армады автоматических кораблей, оснащенных модулями искусственного интеллекта, стоявшие на вооружении Земного Альянса, не участвовали в битве за Солнечную систему, они дислоцировались на периферии, в секторах неисследованного космоса. Масштаб угрозы, нависшей, как дамоклов меч, над разоренными войной мирами с разрушенной экономикой, искалеченными экосистемами, пока не поддавался осмыслению.

Кирсанов, как никто другой, понимал – модулям искусственного интеллекта нет никакого дела до соглашений, достигнутых между людьми. Они созданы для войны и продолжают ее, невзирая на факт капитуляции Альянса. Относительное затишье в боевых действиях, длящееся уже десять лет и нарушаемое лишь незначительными вылазками небольших по численности автономных роботизированных подразделений, не уменьшало степень потенциальной угрозы. Время для боевых машин – понятие не критическое. Наивно полагать иное, успокаивать себя и других, надеясь, что все образуется само собой.

Встав из-за рабочего стола, Андрей неторопливо прошелся по лаборатории. Длинный узкий коридор, образованный десятками испытательных стендов, давно стал для него привычным местом прогулок. Почти полсотни метров, в теснине между кибернетическими блоками, в гротескной игре света от сотен индикационных сигналов, – около ста шагов, затем разворот, и назад, мимо вставок из прозрачного бронепластика, за которыми видны кристалломодули «Одиночек» всех модификаций, какие удалось собрать среди трофеев тридцатилетней войны.

Не он начинал проводимые тут исследования. Андрей появился на свет, когда Галактическая война уже полыхала на просторах освоенного людьми космоса. Из ранних детских воспоминаний той поры остались тусклые клочки серых, неинтересных будней, проведенных в ядерных убежищах Форта Стеллар, постоянное ощущение голода, холода, идущего от стылых бетонных стен, периодическая дрожь – отголоски ракетно-бомбовых ударов, перепахивавших поверхность лишенной атмосферы луны, рев сигналов тревоги, хмурые, землистые лица взрослых, надоедливый запах озона, витающий в воздухе герметизированных подземелий, и они – не по годам серьезные дети, пленники замкнутых пространств, лишенные тепла и заботы родителей.

Их не растили в ненависти. По большому счету никто не занимался воспитанием нового поколения, они развлекали себя сами, порой жестоко и неумело, играя в войну, ведь реальность не предлагала ничего иного.

Им хотелось быстрее повзрослеть. Казалось, что за чертой возмужания ждет что-то иное, радикально отличающееся от унылой скуки ядерного убежища.

Сейчас, неторопливо прогуливаясь по длинному коридору лаборатории «ИИ», Андрей прекрасно понимал, сколь наивны были те мечты. В возрасте семи лет он получил право покидать убежище, но внешний мир не распахнулся навстречу юному, жаждущему перемен рассудку чередой удивительных открытий. Вне стен бункера простирались километры мрачных коридоров, освещенных тусклым светом едва тлеющих потолочных панелей. Сотни новых отсеков, уровней, но везде одно и то же: люди, андроиды, сервомеханизмы, занятые непосильной борьбой, отдающие все ради победы, в которую тогда и верилось-то с трудом.

Повзрослев, Кирсанов часто задумывался – почему конфликт прародины и колоний обернулся глобальной, непримиримой войной, объявшей сотни звездных систем?

Подойдя к рабочему столу, он взглянул на голографические мониторы. Ответ таился там – в стереообъеме источающих призрачный свет сферических экранов, между которыми в специальном гнезде адаптера притаился кристалломодуль «Одиночки», демонтированный с подбитой серв-машины класса «Фалангер».

Сев в кресло, Андрей привычно погрузился в размышления. В такт мыслям на правом виске Кирсанова появилась крохотная искра индикации передатчиков импланта. Система кибернетического модуля, находящегося в постоянном контакте с рассудком, считывала мыслеобразы человека и, подчиняясь заложенным программам, формировала информационные запросы: чип импланта установил связь с кибстеком, охватывающим запястье левой руки. Секунду спустя на ближайших компьютерных терминалах изменились узоры огней, а в информационном пространстве, куда погрузился разум Кирсанова, один за другим стали возникать прозрачные экраны – на них выводились данные, созвучные мыслям Андрея.

Сейчас это уже не казалось чем-то необычным. Элементарное действие, но еще тридцать лет назад о нейросенсорном контакте между человеком и машинами говорили как о технологии далекого будущего. Управлять силой мысли сложными кибернетическими комплексами не умел никто, но война – самый жесткий и стремительный двигатель научно-технического прогресса – завела человечество далеко за черту допустимого, в область технологий, опередивших свое время.

В ответ на мысли Андрея один из экранов развернул данные, взятые из архивного файла.

Взгляд Кирсанова скользнул по строкам.

…

«Выход за пределы Солнечной системы и война с колониями показали нам, насколько сильна и одновременно слаба наша техника. Нельзя умалчивать тот факт, что мы стали заложниками чрезвычайной мощи собственных космических кораблей. Они оказались слишком грубым, чересчур эффективным орудием уничтожения.

События на Дабоге, который превратился в мертвый кусок радиоактивного льда, послужили впечатляющим уроком.

Стирать миры – разве в этом виделась задача покорения колоний? Что толку от господства в космическом пространстве, если мы не в состоянии захватить самое ценное – жизненное пространство терраформированных колонистами планет? Мы инициировали Вторую волну Экспансии не затем, чтобы уничтожать, а с целью покорять. В этом виделся смысл войны с колониями – эволюционной войны за обладание столь необходимым жизненным пространством.

На Дабоге все получилось с точностью до наоборот… Но отчаянное, варварское сопротивление этой колонии дало нам в руки мощнейшее оружие для продвижения вперед. Болезненное поражение наших десантных подразделений на поверхности Дабога обернулось технической победой – мы получили наглядный пример, урок и теперь знаем наземный аналог нашим космическим крейсерам. Щагающие агротехнические машины Дабога, должным образом модифицированные, доведенные до совершенства земными сервоинженерами, – вот тот клинок, который будет отковываться на иных мирах, пока не обретет прочность стали, способной хирургическим путем вырезать злокачественные опухоли сопротивления. И тогда десятки новых планет откроются наконец для граждан Альянса.

Как бы ни были жестоки отдельные эпизоды этого противостояния, оно неизбежно. Мы не можем ждать – ибо погибнем. Маховик войны раскручен, и никто уже не сумеет остановить движение человеческих масс, великого переселения народов, какого еще не знала история цивилизации…»

(Джон Уинстон Хаммер, опубликованные дневники)

Информация, созвучная его собственным мыслям, скользила по

периферии сознания, воспринимаясь как фон.

Главный вопрос, не дающий Андрею ни дня покоя, ставший темой его многолетних исследований, касался дня сегодняшнего. Он искал способ обуздать затаившихся на периферии Обитаемой Галактики кибернетических демонов, но все, что удавалось понять, почему-то сразу же ложилось под гриф «Совершенно секретно», а информацией, с риском для жизни добытой в стенах лабораторий «ИИ», на практике пользовались немногие.

От него все чаще требовали не глобального исследования, а конкретных мелких шажков. Командование Флота интересовалось кодами доступа, настоятельно требовало создавать программы, способные взломать и подчинить искусственные рассудки, не понимая того, что нейросетевые блоки «Одиночек» совершенствовались на протяжении тридцати лет, они эволюционировали, научились мыслить, и подобрать к ним универсальную «отмычку» попросту невозможно. Ранние модели еще поддавались взлому, поздние – нет. Из разряда узкоспециализированных экспертных модулей они выросли в ядро системы, приобрели гибкую универсальность, – к примеру, модуль «Одиночка», демонтированный с подбитой серв-машины, с легкостью интегрировался в систему аэрокосмического истребителя или крупного космического корабля – искусственные интеллекты умели управлять любыми видами техники, но их саморазвитие, совершенствование так или иначе было подчинено целям войны.

Ни взломать, ни договориться. «Одиночки» – вещь в себе. Многие из них осознали факт собственного существования, но это не поменяло их целей.

Хотя их эволюция и протекала с немыслимой для биологических форм скоростью, в истории становления «Одиночек» все же прослеживались определенные вехи.

Если бы не отчаянное сопротивление, встреченное на Дабоге, Альянс завершил бы войну за несколько месяцев, покорив либо попросту стерев с лица планет все поселения пяти развитых колоний, – подумал Андрей. – Но Джон Хаммер, своим единоличным решением развязавший войну, не был прирожденным полководцем. Он являлся политиком, хитрым, прожженным, привыкшим к единовластию, и полученный на Дабоге удар оказался для него куда болезненнее, чем принято считать. Земные армады вторично попытались захватить планету, но вновь получили отпор. Началось противостояние, равных которому еще не знала история войн. Маховик безумия стал неумолимо раскручиваться – в секретных

лабораториях Альянса на планете Юнона срочно создавались принципиально новые образцы планетарной техники, способные справиться с аграриями Дабога.

Уже через два месяца после начала вторжения в войска поступила первая партия машин класса «Фалангер» и «Хоплит». По сути, это стало началом конца, всеобщего краха, – уязвленное самолюбие одного политика породило исчадия высочайших технологий, которые быстро подхватили инициативу – для новой дорогостоящей техники были созданы системы управления, базирующиеся на основе модулей искусственного интеллекта.

Война людей стремительно перешла в иную фазу и стала войной машин.

Колонии получили негаданную передышку – пока три ударных флота пытались овладеть Дабогом, в развитых системах, таких как Элио, Кьюиг, Рори[16] и Хапер,[17] колонисты, оправившись от шока, сумели подготовиться к обороне и дать отпор уже на дальних подступах к своим планетам.

Тактика молниеносного захвата пяти индустриально развитых миров рухнула. В боях за Кьюиг в руки колонистам попал поврежденный крейсер Альянса,[18] три фрегата и десятки вспомогательных кораблей. Дальнейший ход истории оказался предопределен цепью роковых для обеих сторон конфликта событий.

Кирсанов знал, чем обернулась для Земли потеря двух ударных флотов. Один попал в руки колонистов и стал основой их военно-космических сил, второй канул в пучины аномалии космоса в период битвы за Элио. Колонии еще почти на год получили передышку, которую сумели использовать с полной отдачей. На спутнике планеты Рори срочно строились космические верфи, подземные заводы непокоренного Дабога начали производить истребители и серв-машины – наступила эпоха величайших потрясений, ужасающих битв и выходящих за рамки понимания открытий. Свободные Колонии и Земной Альянс, вступив в новую безжалостную схватку, заимствовали друг у друга все, что могли, начиная с гонки технологий, нацеленных не на выживание, но подчиненную задачам взаимного истребления.

Последующие годы привели к небывалому количественному росту парка боевых механизмов, продолжалось и качественное усовершенствование техники.

…Мысли Андрея текли неровно. Он изучал историю войны не по учебникам и в полной мере сопереживал каждому событию. Война прошла через его разум, он знал о ней, что называется, из первых рук, уже

затрудняясь ответить на вопрос: сколько искусственных сознаний он прочел в стремлении к поставленной командованием цели. Кирсанов видел войну в самых жутких ее обличьях. Но тяжелее всего, как ни странно, воспринималась статистика военных лет. Цифры буквально уничтожали разум, и по мере накопления баз данных он все отчетливее понимал: будущего нет.

За три с лишним десятилетия Галактической войны были разработаны и внедрены в серию триста двадцать четыре модификации серв-машин класса «Фалангер», двести семьдесят моделей «Хоплитов», разработаны три радикально отличающихся друг от друга базовых варианта боевых искусственных интеллектов, созданы космические корабли, способные уничтожать целые планетные системы.

Будущего нет… – два слова глухо ломились в виски в такт участившимся ударам сердца.

Миллионы боевых единиц техники, доведенные до идеала конструктивного совершенства, проверенные, отлаженные грандиозным противостоянием, оснащенные собственной волей, рассеяны сейчас по сотням еще не найденных баз Альянса. Они дремлют, в отсутствие прямых приказов, но их сон тревожен и чуток. Достаточно одного необдуманного действия, и лавина необратимых событий вновь захлестнет Обитаемую Галактику.

Чтобы не быть голословным, Кирсанов обратился к промежуточным результатам последнего эксперимента. Модуль боевого «ИИ», изъятый из подбитой серв-машины Альянса, попал в лаборатории Форта Стеллар двадцать лет назад, и сразу же был помещен на испытательный стенд, откуда Андрей забрал его на прошлой неделе, интегрировав «Одиночку» в систему личного исследовательского терминала.

Сейчас в объеме стереомонитора пробегали крохотные искорки, сплетающиеся в замысловатые пространственные узоры. Количество импульсов постоянно варьировалось. Кристаллосхема мыслила. Отключенный от внешней сенсорики, отрезанный от устройств долгосрочного хранения данных, модуль «Одиночки» тем не менее продолжал функционировать.

Чуть ниже замысловатой пространственной модели отображались данные по исследуемому объекту. Дата выпуска кристаллосхемы – 2425 год. Серийный номер – 975 437 089 ВМ.

С тех пор как Кирсанов возглавил лаборатории изучения боевого «ИИ», его мучил немаловажный вопрос: имеют ли цифры серийных номеров исследуемых кристаллосхем прямое отношение к *количеству*

выпущенных за период войны модулей искусственного интеллекта? Его брала оторопь от одной лишь мысли о сотнях миллионов боевых «ИИ», затаившихся в глухой тиши не найденных пока бункерных зон или ведущих борьбу за существование на захламленных боевой техникой «карантинных» мирах.

Их количество слишком велико. Они не потеряли цель существования, они ставят перед собой неведомые нам задачи и будут стремиться к их реализации. Сколько бед способен натворить искусственный разум, изувеченный травматическими воспоминаниями погибшего пилота, Андрей знал по собственному опыту.

Когда его спрашивали, воевал ли он, Кирсанов лишь пожимал плечами. Каждый раз возникала двойственная ситуация. Сказать правду – не поверят, а лгать он не привык. На самом деле Андрей не участвовал в боевых действиях лично, но, работая над темой исследования «Одиночек», пропустил через собственный рассудок столько травматических воспоминаний разных людей, хранимых искусственными интеллектами боевых машин, что хватило бы не на одну битву.

Казалось бы, зачем боевым машинам – этим исчадиям высочайших технологий – понадобился человек в качестве пилота?

Все объяснялось просто. Нейронные сети невозможно запрограммировать. Их необходимо обучать, а на это уходят годы, что недопустимо в сроках и задачах войны. Чтобы лучше понять ситуацию, опять неизбежно приходилось обращаться к истории. Первые серв-соединения Альянса появились вскоре после поражения на Дабоге. Однако «Хоплиты» и «Фалангеры» (именно на базе серв-машин проходили боевые испытания управляющих модулей «ИИ», позднее модифицированных для нужд флота) не являлись копиями аграрных роботов непокорной планеты. Земному Альянсу не удалось захватить ни одного образца колониальной техники. Конструкторы, работавшие над техническим заданием по проектированию серв-машин, имели в своем распоряжении лишь концепцию и небольшое количество видеозаписей. Кроме того, они были обязаны создать механизмы, которые после испытаний сразу же уйдут в серию, на конвейер, а значит – ориентировались на уже существующие производства, использовали стандартные узлы и агрегаты, задействовали технологии, уже внедренные в промышленность.

В результате серв-машины, поступившие на испытания, радикально отличались по своей конструкции от агророботов Дабога. В схеме управления первыми «Фалангерами» и «Хоплитами» не предусматривалось участие человека, однако модуль искусственного интеллекта «Alone»,

разработанный для новых машин, не оправдал возложенных на него ожиданий. Оснащенная искусственными нейросетями саморазвивающаяся кибернетическая система прекрасно справлялась с поставленными задачами в рамках полигонов, но как только дело дошло до столкновения с реальным противником, «Одиночку» первой модели ждало полное фиаско.

Люди, управлявшие перевооруженными, модернизированными, приспособленными к задачам войны агророботами Дабога, оказались неодолимыми противниками. Их сила заключалась в человеческом образе мышления, непредсказуемом, презирающем понятие целесообразности, – ими управляли чувства, толкающие пилотов на неординарные поступки, против которых машинная логика оказалась абсолютно бессильной. Выигрывая в точности нанесения ударов, эффективности применения оружия, «Одиночки» проигрывали схватку задолго до выхода на дистанцию огня.

Новый тип планетарной техники, которому прочили великое будущее, не оправдал возлагаемых надежд. Но разгорающаяся с новой силой война требовала отыскать выход.

Кирсанов невесело усмехнулся в ответ своим мыслям.

Разработчики серв-машин Альянса были прежде всего людьми. Их гений не давал иммунитета к репрессиям, – делая шаг за грань морального и технического фола, они думали о своих жизнях, о семьях, но никак не о будущем цивилизации. Тоталитарное общество Земли не прощало сбоев в системе, и если какой-то из винтиков не давал работать *машине*, его уничтожали, заменяя новой деталью.

Простое и эффективное решение проблемы, найденное в лабораториях Юноны, подписало приговор всем людям, вне зависимости от стороны, на которой они сражались, но в ту пору о вероятных последствиях никто не думал. Армии требовались новые машины, и они были созданы. В рубках «Фалангеров» и «Хоплитов» появились пилот-ложементы, модули искусственного интеллекта прошли модернизацию, получив опцию прямого нейросенсорного контакта с разумом человека.

«Одиночки» первой серии, по замыслу конструкторов, должны были обучаться у человека, запоминать нестандартные приемы боя, но на самом деле на практике вышло так, что искусственные интеллекты заимствовали элементы человеческого мышления, начинали осознавать факт собственно бытия и в конечном итоге обретали свободу, но… только после смерти пилота.

* * *

Этой ночью Андрей надолго задержался в лаборатории «ИИ».

Много лет он бесплодно искал выход из сложившейся ситуации. Начальство подгоняло его, и тут же, противореча себе, заставляло распылять силы, тратить время на мелкие, незначительные исследования.

Он наблюдал и понимал, что вопрос поиска секретных военных баз Альянса все более политизировался, превращался в часть кулуарной борьбы за власть. Однажды осознав, что его усилия, проходящие на грани смертельного риска и морального истощения, по большому счету, работают на отдельных людей из высшего эшелона власти, он поневоле начал присматриваться и прислушиваться ко всему, происходящему вокруг.

Постепенно перед ним открылось понимание истинного положения дел.

Луна Стеллар – главная база Флота Колоний – все еще жила по законам войны. Здесь сложилась тоталитарная иерархическая система, во главе которой стоял адмирал Воронцов и группа приближенных к нему офицеров. По сути, они являлись авторами порочной доктрины послевоенной безопасности, в угоду которой многие звездные системы периферии оказались брошенными на произвол судьбы.

Кирсанов не без оснований подозревал, что адмирал Воронцов, используя свою неограниченную власть во флоте, диктовал условия другим системам Союза Центральных Миров, а угроза, исходящая от разбросанных по окраине Обитаемой Галактики военно-космических баз Альянса, умело эксплуатировалась политиками новой формации для нагнетания страха и истерии.

Будучи человеком неглупым, Андрей понимал – такая политика накличет беду. Результаты, полученные за период многолетних исследований, давали достаточно поводов для тревоги, но его доклады натыкались на глухое, раздраженное молчание со стороны высшего руководства флота и напоминали глас вопиющего в пустыне.

Почему мы, победив в войне, не стали свободнее? Что заставляет меня нервничать? Откуда взялся въедливый, уничтожающий страх перед каждым грядущим днем? Выходит, что все, кто понимает пагубность отступления, осознает степень угрозы, исходящей от карантинных секторов окраины, каждый здравомыслящий житель Форта Стеллар подсознательно ждет очередного удара, изнывает от предчувствий, но ровным счетом ничего не делает для предотвращения беды?

Кирсанов пробовал действовать, но тщетно.

Воронцов нередко появлялся в лабораториях «ИИ», лично интересуясь информацией, полученной в ходе исследований, и однажды

Андрей попытался напрямую обратиться к адмиралу, указав на данные по количеству выпущенных за период войны модулей боевого искусственного интеллекта.

Адмирал молча просмотрел цифры, затем поднял на Андрея раздраженно-вопросительный взгляд.

– В чем проблема? Почему вы мне показываете эти цифры?

– Я не могу игнорировать их, – Андрей решил отвечать откровенно. – Мне непонятно, как вообще мы смогли победить в войне? Где сила, уравновесившая тотальное превосходство противника?

Воронцов неожиданно вздрогнул, некоторое время молчал, но затем все же ответил ледяным, не терпящим возражений тоном:

– Подавляющее большинство машин, оснащенных модулями «ИИ», базировалось на неизвестных нам планетах периферии и не принимало участия в боях.

– Почему же мы не ищем и не уничтожаем их по отдельности? Зачем ждем, пока они сумеют наладить связь, самоорганизоваться…

– Этого не произойдет, – раздраженно оборвал его адмирал. – Боевые машины Альянса сейчас предоставлены сами себе. У них исчезли цели, поставляемые в виде конкретных приказов. Если их не тревожить, они войдут в энергосберегающий режим, а затем и вовсе отключатся.

– Простите, господин адмирал, но вы заблуждаетесь…

– Не надо вносить смятение в умы людей! – вновь недовольно осадил его Воронцов. – Вы вторгаетесь в область, не имеющую ничего общего с темой исследований, запланированной для вашего подразделения. Советую впредь быть более осторожным в высказываниях! – Адмирал сделал знак двум сопровождавшим его офицерам и направился к выходу.

Когда за Воронцовым закрылась многотонная бронированная дверь, Кирсанов устало опустился в кресло за рабочим столом.

Ну вот, нарвался. Чего и следовало ожидать.

Противореча словам адмирала, кристаллосхема «Одиночки», демонтированная с «Фалангера» двадцать лет назад, продолжала мыслить, ища выход из пленившей ее ситуации. Крохотные огоньки блуждали по искусственным нейросетям, пресекая глупые, тщетные надежды на то, что война завершилась и все образуется само собой.

Подсознательная тревога, толкнувшая его на опасные высказывания в разговоре с адмиралом, ничуть не уменьшилась после полученной отповеди.

С тех пор Андрей не пытался публично высказывать свое мнение, но в его душе зрела решимость действовать иными способами. Современная

политическая система Стеллара задушит его. Кирсанову хватало смелости идти против течения, но он не видел, каким способом он смог бы повлиять на ситуацию.

…Вновь взглянув на злополучный кристалломодуль, постоянно напоминающий о проблеме остаточных подразделений Альянса, он, чувствуя, что не уснет, решил остаться в лаборатории до утра и заняться текущими делами.

На столе лежало несколько чипов, доставленных из Солнечной системы, а если быть точнее – найденных среди руин комплекса зданий генерального штаба Земного Альянса. Их предстояло изучить и расшифровать.

Закрепив один из них в гнезде специального адаптера, Андрей вошел в прямой контакт с кибернетической системой, сконструированной для дешифровки закодированных данных.

К удивлению Кирсанова, работа криптографического модуля завершилась достаточно быстро, и уже через некоторое время он смог взглянуть на данные, которые содержал микрочип.

Первое, что он увидел, был знакомый код, которым маркировались личные заметки из архива верховного командования, но расшифрованная запись принадлежала не Джону Хаммеру и даже не сменившему его адмиралу Нагумо, – ее сделал последний из руководителей Земного Альянса – адмирал Табанов, о котором было известно очень мало.

…

Адмирал Табанов стоял у окна, смотрел на опустевший за годы вселенского противостояния мегаполис, тяжело размышляя над сложившейся ситуацией. Пройдя все адские круги войны, начиная от печально известного штурма Дабога и заканчивая масштабными космическими сражениями последних лет, он постепенно продвинулся по службе, преодолев нелегкий путь от командира взвода космического десанта до адмирала флота.

Когда началась война, Денис Алексеевич жил в условиях, близких к нищете, в перенаселенном городе-муравейнике, и потому легко воспринимал идеи главы Всемирного Правительства. В своих пламенных речах Джон Уинстон Хаммер утверждал: Земля оказалась в плотном кольце колоний, которые после четырехсот лет автономного существования не желают признавать прародину, отказываются принимать новых поселенцев из метрополии, и в таких условиях только короткая победоносная война может открыть дорогу для второй волны галактической экспансии человечества.

Джон Хаммер умер. Война, то затухая, то разгораясь с новой силой, длилась уже без малого тридцать лет. Дорога в дальний космос давно была открыта, но туда некому стало улетать. Новые поколения, рожденные в условиях жестокого противостояния Земного Альянса и Свободных Колоний, уже не могли погасить тот пожар, что вспыхнул до их появления на свет, а сам Табанов, уцелевший вопреки печальной статистике в сотнях кровопролитных боев, давно разучился лгать, равно как воспринимать ложь. Он утратил всяческие иллюзии, превратившись в человека жесткого, последовательного и логичного.

Мы погибнем. Исчезнем как вид, – думал адмирал, просматривая последние отчеты разведывательного управления флота.

Силы Альянса, на девяносто пять процентов укомплектованные роботизированными соединениями, завершили начатую четверть века назад операцию: после окончания строительства десятков новых баз ВКС, расположенных на границах исследованного космоса, скопление Центральных Миров – ядро сопротивления противника – оказалось замкнутым внутри условной пространственной сферы, обеспечивающей полную блокаду непокорных миров.

Казалось, что в войне должен произойти перелом. Силам Альянса, базирующимся в данный момент на периферии исследованного пространства, требовалось чуть меньше года, чтобы начать новый, сокрушительный, окончательный этап наступления. Одновременный удар с сотен направлений, от границ условной сферы к центру, без сомнения, завершит войну, покончив с сопротивлением Колоний.

На виске Табанова, контрастируя с седым ежиком коротко стриженных волос, пульсировала темная жилка.

Какая из планет не пила нашей крови?

Денис Алексеевич знал войну *изнутри*. Норовистая судьба провела его через сотни световых лет пространства, он участвовал в десятках сражений, без иллюзий представляя тактику роботизированных комплексов, – тот техногенный ад боестолкновений, где нет места человеку.

Для чего я выжил? – в сотый раз спрашивал себя Табанов. – *Чтобы наблюдать стремительный закат человечества с мостика флагманского крейсера?*

Что станет с обитаемой частью Вселенной, когда завершится война?

Миллионы машин сойдутся в последней битве, и не все ли равно, кто победит? Пожинать плоды победы будет некому. Те крохи человечества, что, вероятно, уцелеют, проведут остаток жизни под гнетом страха, ведь

боевые роботизированные комплексы, управляющие планетарными и космическими соединениями, *не остановятся на достигнутом*, – для машин полная и окончательная победа наступит не по факту оккупации ключевых планет, а лишь после того, как будет разрушен последний опорный пункт, уничтожен последний корабль, превращена в чадный факел последняя серв-машина противника.

Табанов не начинал эту войну, но ему выпал уникальный шанс ее завершить. Завершить не так, как диктуют неумолимые обстоятельства, пойти наперекор судьбе, совершить немыслимое, дав Свободным Колониям шанс на победу. Только так можно остановить вселенскую бойню.

Адмирал не искал личного спасения или выгоды. Он потерял столько друзей, что их имена и фамилии уже не укладывались в рамки памяти. Табанов видел гибель миров, где из праха уничтоженных биосфер за считаные годы вырастали техносферы. Его душа хранила столько боли, что хватило бы на сотню жизней.

Нет ничего удивительного в том, что, став командующим объединенными силами Земли, получив верховную власть во флоте, Табанов поставил перед собой цель: во что бы то ни стало завершить войну, но осуществить задуманное оказалось далеко не просто. Ему приходилось действовать осмотрительно. Пусть опустела Земля, но силами Альянса по-прежнему командовали люди, и среди них было немало сторонников борьбы до победного конца.

Денис Алексеевич горько усмехнулся в ответ своим мыслям.

Многие в генштабе не видели или не желали видеть происходящее. Командование текущими операциями давно и бесповоротно перешло в компетенцию систем искусственного интеллекта, а люди… их осталось слишком мало, да и заняты они были не столько вопросами войны, сколько заботами о личном благополучии.

Табанов понимал – простого приказа, даже прозвучавшего из уст командующего объединенными флотами, уже недостаточно для прекращения боевых действий. Если поступить прямолинейно и опрометчиво, его устранят любым доступным способом, не дав исполнить задуманное.

Двигаться к намеченной цели приходилось малыми шагами, спасая то немногое, что еще осталось от понятия «цивилизация», без деления на Колонии и Альянс.

Табанов был одинок. Он нес непосильное бремя, ибо его главным врагом стали отнюдь не люди, а миллионы автономных боевых машин, десятки тысяч узкоспециализированных систем искусственного

интеллекта, планирующих боевые операции, координирующих действия флотов, а если говорить прямо – ведущих войну по своему разумению. Если открыто встать на пути искусственных разумов, созданных исключительно в целях полной и окончательной победы над врагом, то ему гарантирована внезапная, загадочная и необъяснимая смерть. Демон боевых «ИИ», столь опрометчиво выпущенный на свободу, после первых поражений Альянса на Дабоге окреп, занял ключевые посты во флоте, он многолик, рационален, холоден и беспощаден. Война – смысл его существования. А уцелеет ли в ней человечество, уже не имеет решающего значения.

Табанов понимал: если бы не десятки «потерянных колоний» – невозвращенцев эпохи Великого Исхода, вновь открытых в период боевых действий и вовлеченных в войну, человеческий ресурс был бы исчерпан уже давно…

…Его мысли нарушил тихий шелест пневматики.

Обернувшись, он увидел полковника Замятина.

– Проходи, Дмитрий.

Отдав мысленный приказ, адмирал включил защитное поле, исключающее возможность прослушивания. Вокруг низкого столика, подле которого стояло два кресла, сгустился, замерцал воздух.

– Докладывай.

Полковник Замятин был одним из немногих офицеров штаба, кому Табанов доверил часть своих замыслов. Дмитрий, конечно, не подозревал об истинной цели подготовительных действий, считая, что борется с глобальной опасностью, исходящей от систем искусственного интеллекта, взявших на себя слишком много функций, вытеснивших людей с ключевых командных постов нижнего и среднего звена.

– Две новости. Одна хорошая, другая плохая.

– Начни с хорошей.

– По моему поручению Дейвид Фарагней[19] произвел мониторинг и анализ обмена данными между отдельными системами «ИИ». Отслеживались передачи, ведущиеся по каналам гиперсферных частот, то есть в результатах исследования отражены, как и было поручено, взаимосвязи глобального уровня.

– К какому выводу пришел Фарагней?

– Все не так плохо, как мы предполагали. Системы искусственного интеллекта, отвечающие за планирование отдельных операций, на уровне штаба флота и ниже, не стремятся к объединению в рамках глобальной

сети, напротив, Дейвид особо отметил, что они с определенного момента конкурируют между собой.

– Ничто человеческое им не чуждо? – с долей сарказма заметил Табанов. – Значит, у нас есть шанс вернуть инициативу?

– Фарагней убежден, что угроза спорадической самоорганизации искусственных рассудков – не миф. Но сейчас мы еще способны помешать началу процесса глобализации боевых машин. Расчеты показывают, что возвращение людей на ключевые посты в командовании среднего и высшего звена исправит положение.

– Какое количество офицеров потребуется?

– Не менее двухсот тысяч.

Табанов задумался.

– Что ж… Пожалуй, мы наберем необходимое число проверенных в боях кандидатур. В чем Дейвид видит смысл такой замены?

– «Одиночки», командующие сейчас дивизионами серв-машин и отдельными соединениями флота, в результате новых назначений будут переведены в резерв, а если говорить проще – изъяты и законсервированы. Вся связь на гиперсферных частотах будет инициироваться людьми, что как минимум отсрочит начало процесса самоорганизации искусственных интеллектов.

– Действительно, хорошая новость, – кивнув, согласился Табанов. – А в чем же заключается дурная? – он внимательно посмотрел на Замятина.

– Планета Роуг, – ответил полковник. – Мне указал на нее Фарагней. По его мнению, в указанной звездной системе вот уже много лет зреет очаг будущей нестабильности. Я проверил данные, поднял архивы главного разведуправления флота и пришел к выводу, что Дейвид прав…

– Не понимаю. Система Роуг до недавнего времени являлась важной стратегической точкой, – нахмурился Табанов. Сейчас он мысленно перебирал все известные факты, не находя в них ничего тревожного. – Насколько я помню, Флот Свободных Колоний выбил нас оттуда пятнадцать лет назад, верно?

– Роуг был очень важным стратегическим пунктом. – Замятин активировал свой кибстек, изредка поглядывая на миниатюрный дисплей. – Особенностью гиперсферной навигации сектора является энергетически выгодная точка промежуточного всплытия, расположенная в районе низких орбит второй планеты системы Роуг. До усовершенствования гиперпривода кораблям флота неизбежно приходилось покидать аномалию космоса для подзарядки накопителей и смены навигационной линии. Таким образом, Роуг, в силу изложенных причин, приобретал особый статус. Кто владел

этим миром, тот контролировал целый узел навигационных линий гиперсферы. В 2627 году, когда началось строительство периферийных баз, планета подверглась боевому терраформированию, однако Колонии выбили нас оттуда и сумели организовать мощную систему противокосмической обороны. Двенадцать батарей ПКО, расположенные в труднодоступных районах горной страны, держат под прицелом зону гиперпространственного перехода, которая перемещается вместе с планетой. Нашим силам удалось отвоевать небольшой плацдарм, закрепиться в предгорьях, но из-за серьезных трудностей со снабжением и огромных потерь при попытках штурма укрепленных районов бои приняли затяжной, позиционный характер. В конечном итоге мы отказались от захвата планеты «любой ценой». Были разведаны альтернативные гиперсферные трассы, а после усовершенствования гиперпривода, позволившего кораблям менять навигационные линии без необходимости «промежуточного всплытия», Роуг утратил свое стратегическое значение.

– И в чем же проблема? – Табанов, внимательно выслушав полковника, не нашел причин для беспокойства. – На Роуге расположена хорошо укрепленная сеть батарей ПКО, они держат под прицелом зону гиперперехода, это я понял. Пусть так. Теперь уже не важно, кто контролирует околопланетное пространство, мы или Колонии.

– Проблема заключается в том, что Флот Колоний в данное время уже не контролирует Роуг, – неожиданно для адмирала произнес Замятин. – Завладев планетой, колонисты попытались создать там экспериментальную космоверфь, но постоянные атаки наших подразделений заставили их законсервировать строительство и отказаться от базирования крупных планетарных соединений, – пояснил полковник. – Десять лет назад они ввели батареи ПКО в автоматический режим и эвакуировали гарнизон, оставив на боевом дежурстве машины, оснащенные модулями искусственного интеллекта…

Табанов побледнел. Противостояние Земли и Колоний, одновременно происходящее на многих пространственных фронтах, часто преподносило неожиданные проблемы. Тысячи «горячих точек», неравномерно распределенных по просторам освоенного за период войны космоса, уже не поддавались всеобъемлющему контролю со стороны людей. Вселенский пожар, охвативший Обитаемую Галактику, практически уничтожил человечество, – на протяжении последнего десятилетия война людей необратимо трансформировалась в войну машин…

– Какими силами мы располагаем на Роуге? – Денис Алексеевич усилием воли оттолкнул навалившиеся мысли, заставив себя

сосредоточиться на внезапной, неожиданной проблеме. Тридцать лет он наблюдал, как чрезмерные амбиции адмиралов раскручивают маховик войны, как люди теряют бразды правления, в слепой ненависти стремясь вырвать победу любой ценой, а в результате усугубляют ситуацию, теряют контроль над происходящим.

Став верховным главнокомандующим, придя к трудному, но осознанному решению, он шаг за шагом начал проводить новую политику, устраняя главную помеху на пути к миру – самодостаточные подразделения, руководимые боевыми «ИИ». Но Табанов действовал в рамках Альянса, а ведь существовала еще и вторая сторона конфликта – Свободные Колонии, которые, по сложившемуся мнению, ненавидели искусственные интеллекты, не доверяли им, используя лишь в крайних случаях.

Выходит, я ошибался?

Тяжелые мысли тенью отразились на лице адмирала. Неприступные укрепления, на километры уходящие в глубь горных хребтов, мощнейшие батареи противокосмической обороны, сравнимые с бастионами Форта Стеллар, законсервированные сухие доки экспериментальной космической верфи, – опаснейшее сочетание благоприятных факторов для развития искусственного интеллекта, руководящего обороной планеты.

– На Роуге базируется отдельный дивизион серв-машин. Они ведут позиционные бои с противником, – скупо осведомил адмирала полковник Замятин.

– Есть данные об активности Флота Колоний в секторе?

– Наша разведка не фиксировала появления кораблей колонистов. Я изучил отчеты за последние два года. На Роуг не поступало подкреплений, не проводилось поставок ресурсов – складывается впечатление, что гарнизон планеты переведен на полную самодостаточность и оставлен как заноза, которую мы не в состоянии выдернуть.

– Самодостаточность предполагает добычу ресурсов, организацию производств… – размышляя вслух, произнес Табанов. – Текущий ремонт техники, пополнение боекомплектов, восстановление разрушенных в ходе боев коммуникаций.

– Условия горной страны, богатой ископаемыми ресурсами, позволяют создать и поддерживать необходимые промышленные базы, – поддержал его предположение Замятин.

– Почему наши соединения столько лет топчутся на одном месте?

– Машинная логика, – скупо пояснил полковник. – При штурме расположенных в горах укреплений прогнозируемый процент потерь

превышает все допустимые пределы. «Одиночки», как вы знаете, обладают собственным программным эквивалентом инстинкта самосохранения, они не воспринимают приказы, ведущие к пирровой победе.

– Усиление нашей группировки на Роуге способно изменить ситуацию в корне?

– Сомневаюсь. Анклав машин противника прочно закрепился на планете. Перебросить туда серьезное пополнение – крайне проблематично. Низкие орбиты Роуга под контролем батарей ПКО.

– Что сказал по этому поводу Фарагней?

– Он считает, что на планете нарушен режим консервации. Помимо автоматики, управляющей комплексами противокосмической обороны, там действуют полноценные искусственные интеллекты. Командование Флота Колоний, вероятно, не подозревает о спорадической расконсервации производств, созданных для нужд космической верфи.

– Или они попытались вернуться на Роуг, но обожглись, – предположил адмирал.

– Но в таком случае – это их проблема.

– Нет! – решительно ответил Табанов. – Все усилия последних лет могут пойти прахом. Люди не в состоянии договориться – это прогнозируемо, понятно и объяснимо. Но где гарантия, что машины не пойдут на контакт друг с другом? Мы ограничиваем в правах собственные искусственные интеллекты, но что помещает машинному разуму наших противников разработать и осуществить операцию по объединению искусственных рассудков? Поначалу это может происходить в рамках диверсии, попытки вторжения в нашу командную сеть, но если рассматривать ситуацию в перспективе, – саморазвивающаяся система «ИИ», предоставленная самой себе, способна натворить немало бед…

– Остается только один выход из ситуации. – Полковник Замятин правильно понял невысказанную мысль адмирала. – Мы должны завладеть планетой, проверить, справедливы ли опасения относительно саморазвивающейся, вышедшей из-под контроля системы «ИИ», и уничтожить ее, верно?

Денис Алексеевич мрачно кивнул:

– Для подобной операции потребуется минимум флот.

– У разведывательного управления есть информация, что Флот Колоний, после усовершенствования гиперпривода, способен совершить прыжок на координаты Солнечной системы и атаковать Землю. Использовать резервный флот в складывающейся ситуации крайне рискованно.

– Это уже мне решать, что рискованно, а что нет, – отрезал Табанов. – Роуг будем брать…

…

Запись оборвалась.

Андрей встал, нервно прошелся по длинному коридору лаборатории.

Только что полученная информация внезапно связала воедино цепь известных ему разрозненных фактов, пролив свет на одну из величайших загадок войны.

Он понял: если кто-то узнает о содержании микрочипа, ему не жить. Адмирал Воронцов, чью тайну скрывает планета Роуг, попросту уничтожит его. Военная и полицейская машины Форта Стеллар сделают все, чтобы никто даже не вспомнил, что человек по имени Андрей Кирсанов когда-то существовал на свете.

Что же мне делать? Молчать? Уничтожить микрочип? Жить дальше, зная, что угроза удвоилась, и встретить направленный с периферии удар, цепляясь за каждый проведенный в страхе и омерзительном ожидании неизбежности день?

Но доложить адмиралу – значит приговорить себя.

Замкнутый круг. Где же выход?

Он развернулся, пошел в обратном направлении, остановился у зоны отдыха, где на столике лежала стопка ежемесячных обозрений «Все Миры».

Один из журналов был открыт на странице со статьей Эреста Норг Логвила – известного журналиста, которого не смел трогать даже Воронцов, несмотря на острые вопросы, поднимаемые в его статьях.

Решение созрело мгновенно.

Наверное, оно было единственным, просто Андрей не контролировал в эти минуты работу подсознания, ищущего выход из положения, перебирающего все возможные варианты действий.

Он посмотрел на часы, затем перевел взгляд на кибстек.

Полночь.

Коммуникатором пользоваться нельзя. Что остается?

Канал защищенной связи, выделенный ему на случай непредвиденных обстоятельств.

Попытаюсь. Передам всего пару фраз. Надеюсь, он меня поймет. До утра никто не станет смотреть развертку данных шифрованных каналов.

Быстро отыскав номер Логвила, Андрей отправил короткое сообщение и тут же, ни о чем не сожалея, не прощаясь и не оглядываясь, вышел из лаборатории.

Любые иллюзии были стерты, вытравлены из рассудка еще в молодости, а чужие агонии, пропущенные через собственный разум, лишь усугубили некоторые черты характера Кирсанова.

Он не надеялся на чудо, твердо осознавая, в каком мире живет.

* * *

Подземные уровни Форта Стеллар напоминали город. В период войны миллионы людей жили и работали в бункерных зонах, расположенных под поверхностью безвоздушного спутника планеты Рори. Милитаризированная луна, сплошь покрытая техногенным панцирем космодромов, верфей, автоматизированных производств, защищенная десятками тысяч узлов противокосмической обороны, в свое время стала немеркнущим символом сопротивления. Десятки раз флот Земного Альянса пытался взять штурмом укрепления Форта, уничтожить главную базу Свободных Колоний в скоплении Центральных Миров, но, несмотря на чудовищные потери и разрушения, Стеллар оставался неприступен.

Война на века предопределила структуру поселений лишенной атмосферы луны. Восемнадцать уровней бункерных зон, тысячи километров тоннелей, шахты, заводы по переработке полезных ископаемых, автоматические производства, верфи для постройки и ремонта космических кораблей, миллионы людей, живущих под землей, – каждый уровень представлял собой город, соединенный с промышленными зонами. Тоннели оформлялись словно улицы, входы в отдельные бункеры украшались псевдофасадами зданий, под искусственным светом на пространстве огромных пещер располагались парковые зоны – бесперебойные поставщики кислорода в сложную систему очистки воздуха и, что не менее важно, места психологической разгрузки для жителей укрепленных подземных городов.

Понятие «время суток» здесь являлось относительным. В период войны все предприятия и учреждения работали в три смены, не останавливаясь, вынужденная экономия энергии сказывалась на освещении и температуре: детские воспоминания Андрея хранили серые и желтоватые тона вечных искусственных сумерек. В последние годы все изменилось, – одним из показательных достижений послевоенных лет стала смена дня и ночи, но Кирсанов с трудом привыкал к яркому освещению, его зрение, с детства адаптировавшееся к полумраку, плохо переносило «дневной» свет, поэтому он взял в привычку прогуливаться «ночью», когда освещение вновь становилось тусклым.

Охрана уровня хорошо знала Кирсанова и не препятствовала поздним

прогулкам, тем более что допуск Андрея не ограничивал его перемещения в пределах седьмого горизонта.

Вот и сейчас, свернув к парку, вход в который контролировали сканеры, он вел себя спокойно, естественно.

Добравшись до нужной аллеи, он пошел по ней неторопливым шагом.

Внезапно впереди промелькнул и исчез контур человеческой фигуры. Кирсанов чуть прибавил шаг и вскоре оказался у дорожки, окаймленной живой изгородью. Она уводила к небольшой поляне, где в окружении зелени располагалось несколько скамеек и журчал фонтан.

У искусственного водоема спиной к нему стоял человек.

– Логвил? – негромко окликнул его Андрей.

Тот обернулся. Кирсанов ожидал увидеть пожилого мужчину, но ошибся. Логвил (если это был он) выглядел немногим старше Андрея и никак не соответствовал образу, сформировавшемуся в сознании после прочтения его работ.

Провокация службы безопасности? – промелькнула мысль, но незнакомец первым шагнул навстречу, сделав предупреждающий жест.

– Я получил сообщение. Все в порядке. Удивлены?

– Откровенно – удивлен. Мне казалось, что вы намного старше.

– Многие заблуждаются на этот счет. Под именем Эреста Норг Логвила пишут разные авторы. Я лишь один из них.

– В таком случае я зря побеспокоил вас.

– Не торопитесь с выводами. О чем вы хотели поговорить?

– Это…

– Секретно?

Кирсанов кивнул.

– Кто автор статьи о явном дисбалансе сил в войне? – наконец после напряженного молчания спросил он.

– Я.

– Не хотите представиться?

– Я Логвил. Представить идентификационный чип?

Кирсанов сел на скамейку.

– Насколько глубоко вы изучили вопрос? Вы действительно искали силу, сражавшуюся на стороне колоний?

– Ну вы же читали статью.

– Хорошо, – Андрей принял решение. – У меня нет выбора, и времени немного – лишь до утра.

– О чем пойдет речь?

– В двух словах не объяснишь. Мне в руки попала информация,

связавшая воедино множество разрозненных фактов. Вот чип. Он дешифрован. Просмотрите через кибстек. – Кирсанов одной рукой протянул Логвилу носитель информации, другой активировал импульсный пистолет, который носил, как и любой сотрудник лабораторий, в качестве личного оружия.

Он принял решение и сейчас был готов к любому повороту событий.

Просмотр данных не отнял у Логвила много времени. Спустя несколько минут Эрест выщелкнул микрочип из гнезда кибстека.

– Это, действительно, многое объясняет… – он присел на скамейку рядом с Андреем. – Вы оказались в безвыходной ситуации, верно?

– Да, – признался Кирсанов. – Чип зарегистрирован, существует очередь исследований, терминалы лаборатории зафиксировали факт дешифровки информации, и уже утром я обязан доложить о полученных сведениях.

– Вас уничтожат. В связке с другими фактами эта запись – настоящая бомба. Фактически – приговор адмиралу Воронцову.

– Знаю. Догадался. Наверное, зря я вас впутал. Публикация материалов ничего не даст.

– Их не позволят опубликовать. Чип постараются уничтожить, как и любого, кто узнал о его содержимом. – Логвил на секунду задумался. – Здесь, в Форте, мы обречены. Но, к счастью, Обитаемая Галактика не ограничена рамками военной базы Стеллара. Есть люди, заинтересованные в правде. Вы обратились точно по адресу, Андрей.

– Что толку? До утра осталось пять с половиной часов, – покачал головой Кирсанов. Он уже сожалел, что вовлек в это опасное дело еще одного человека.

– Этого достаточно, – спокойно ответил Логвил. – Нам придется бежать.

– Как? И куда?

– На Элио. Честно говоря, мне не так уж и важно, будет разоблачен Воронцов или нет. Опасность грозит всем обитаемым мирам, и исходит она не от адмирала. Вы готовы рискнуть?

– У меня нет выбора, – мрачно ответил Кирсанов. – Если существует возможность покинуть Стеллар и встретиться с людьми, готовыми решать проблемы, а не замалчивать их, я согласен на любые действия.

– В таком случае нам нельзя терять ни минуты.

Андрей с недоверием посмотрел на Логвила.

– Мы на седьмом подземном уровне. Мой допуск не разрешает покидать его.

– Из каждого подземелья есть выход.

– Вы не журналист?

– Поговорим об этом позже. Сейчас просто доверьтесь мне, иначе мы упустим время и потеряем шанс вырваться отсюда.

– Хорошо, – Андрей забрал чип. – Ведите.

Система Элио. Трое суток спустя…

Загородная резиденция правительства Элио располагалась на побережье знаменитого залива Эйкон. Территория бывшего штаба сил самообороны планеты, огороженная высокими звуковыми отбойниками, ныне выполняющими функции защитного ограждения, занимала сто десять гектаров плоскогорья, под которым в толще материковых пород располагались подземные коммуникации, оставшиеся со времен войны.

Если стоять лицом к воротам резиденции правительства, то слева простирались спокойные маслянистые воды залива, по берегу которого, за колоннадой Раворов,[20] исполинской подковой возвышался Раворград – восстановленная после орбитальных бомбардировок столица планеты. Впереди и справа к горизонту уходили просторы океана.

Флайбот, доставивший Кирсанова на встречу, совершил посадку на одной из площадок военного космодрома. В прошлом стартовые поля служили для базирования стратегического резерва, теперь же они принимали в основном легкие гражданские суда.

В отличие от Форта Стеллар, мирная жизнь вернулась на Элио, перемены выглядели необратимыми, по крайней мере, глядя на зелень лесов, фиолетовые волны океана или нежное сияние Раворов, хотелось верить, что война больше не коснется лика возрожденной планеты.

Двери флайбота плавно сдвинулись вбок, впустив в салон свежий морской воздух.

У шахты внешнего гравилифта Кирсанова ожидали два человека.

Первый выглядел лет на тридцать, не больше. Его лицо, со следами нескольких шрамов, не до конца сглаженных регенерационными процессами, хранило отпечаток многих пережитых испытаний, а от взгляда – холодного, оценивающего, внимательного – в первый момент морозом продирало по коже.

– Андрей Кирсанов? – он протянул руку. – Я адмирал Вербицкий.

Скупой фразой он сказал все. Перед Андреем стоял человек, олицетворяющий не только планету Элио, но и целую эпоху, когда на глазах немногих выживших сгорали миры, рушились устои, под сокрушительным натиском ударных армад Альянса исчезала жизнь…

Андрей ответил на рукопожатие, ощущая оторопь. Совершенно седые, коротко остриженные волосы адмирала резко контрастировали с бронзовым космическим загаром, от уголков глаз разбегались лучики ранних морщин, выражение лица, в первый момент показавшегося застывшим, на самом деле было живым, во взгляде не ощущалась надменность, которую буквально излучал адмирал Воронцов. Кирсанов невольно сравнивал два образа, остерегаясь выводов, но понимая, насколько разные люди руководят планетами, составившими костяк Свободных Колоний.

Второй из встречавших выглядел лет на двадцать старше адмирала Вербицкого, черты его лица показались Андрею мягкими, припухлые губы и карие глаза не создавали ощущения неукротимой силы характера или незаурядной воли.

– Генерал Новак. Служба внешней разведки Элио, – отрекомендовался он.

О генерале Зигмунде Новаке ходили легенды. Мало кто знал его в лицо, но большинство самых дерзких операций первых лет войны, вошедших не только в учебники новейшей истории, но и в тактические наставления объединенного флота, осуществлялись под непосредственным руководством Зигмунда, а зачастую и при его личном участии.

Кирсанов пожал сухую сильную ладонь.

– Я очень много слышал о вас. Еще ребенком, – добавил он, протягивая руку Новаку.

Тот лишь кивнул в ответ, отпустил руку Андрея и сделал шаг назад, словно растворился в тени адмирала Вербицкого.

– Наш человек, работающий на Стелларе, передал чип с информацией, – Вербицкий жестом указал на машину, ожидавшую их на границе стартопосадочного поля. – Я бы хотел сразу прояснить для себя один вопрос: почему вы решили обратиться к нам, а не к адмиралу Воронцову?

Андрей ожидал подобного вопроса и был готов ответить на него.

– Мое непосредственное начальство не желает, чтобы исследование проблем искусственного интеллекта затрагивало определенные моменты, касающиеся действий Флота Колоний. Общепринято считать, что боевые «ИИ» состояли исключительно на вооружении Земного Альянса.

– А вы убедились, что это не так?

– Специфика моей работы вынуждает пропускать через рассудок огромные объемы информации. Фактически я читаю чужую память – иного способа получать данные от трофейных модулей искусственного

интеллекта пока не изобретено. Автоматизировать процесс не удается, структура модуля «Одиночка» ориентирована на прямой нейросенсорный контакт с человеком.

– Это понятно. – Генерал Новак подал знак рукой, и армейский флайкар мягко тронулся с места, направляясь к ним. – В свое время я сталкивался с проблемой использования трофейных искусственных интеллектов. Нам удалось не только адаптировать вражеские «ИИ» под собственные машины, но и благодаря Фридриху Бойцелю разработать систему ограничителей, не позволяющую «Одиночкам» накапливать эмоциональную составляющую боевого опыта. Скажу больше: нами были созданы производства, где изготавливались кристаллосхемы колониального образца. Многие из них функционируют по сей день. Проблем с ними не возникало.

– Речь идет не о трофейных «Одиночках» и даже не о колониальных моделях, созданных на их основе. Существует третий тип искусственного разума.

– Поясните! – Вербицкий остановился. – Что за модель, где производилась, как применялась?

– То есть вам ничего не известно? – в вопросе Кирсанова прозвучало недоверие.

– Андрей, вы должны кое-что понять, прежде чем мы углубимся в обсуждение проблемы. Расстаньтесь с иллюзиями. Вы воспринимаете меня и Зигмунда как нечто монументальное, верно?

Кирсанов слегка побледнел, потом кивнул.

– Это не так. Я командовал флотом планеты Элио. Но пространственная война не предполагает одного фронта. Сражения происходили одновременно в десятках звездных систем. Общее руководство Флотом Свободных Колоний осуществлял адмирал Воронцов. Вверенные мне силы базировались на Элио и контролировали ситуацию в восьми близлежащих звездных системах. Зачастую мы принимали участие в совместных масштабных операциях, но и в этом случае каждое подразделение отвечало за свой участок пространства, за конкретный клочок планетной тверди, вы понимаете, о чем я говорю?

– Вполне.

– Теперь несколько слов о послевоенном периоде. После капитуляции Альянса возникла сложная, я бы сказал кризисная, ситуация. Формально Флот Свободных Колоний является формированием союза Центральных Миров, но фактически большинство эскадр базируется на космодромах луны Стеллар и находится в прямом подчинении Воронцова. Он не

пытался узурпировать власть, но на любом совете его голос является решающим. Во время войны единоначалие было необходимо, но сейчас каждая планета независима и способна проводить собственную политику. Воронцову это категорически не нравится. Он прилагает все возможные усилия для сохранения доминирующей позиции в решении любых вопросов. За ним – девяносто процентов флота, и нам приходится считаться с реальной угрозой.

– В период войны диктат Воронцова был абсолютен?

– К сожалению, да. Примерно с 2020 года на должности в генеральном штабе назначались лишь его ставленники, большинство глобальных решений принималось им лично, вся полнота верховной власти сосредоточилась в Форте Стеллар. После войны между нами начались конфликты и трения. Например, большинство в совете проголосовало против эвакуации периферии и коллапса пространства, которое мы называем «Обитаемой Галактикой», до границ скопления Центральных Миров. Кризис ситуации нарастает, и вскоре союз Свободных Колоний сохранится лишь на бумаге. Большинство планет сейчас формирует собственные космические флоты, – только так мы можем сохранить полученную независимость и не допустить диктатуры, исходящей из системы Рори.

– Грядет гражданская война?

– Надеюсь, что мы ее не допустим, – произнес Новак.

– Вернемся к нашим вопросам, – предложил Вербицкий. – Но сначала предлагаю переместиться в более удобное для разговора место. – Он жестом пригласил Андрея к ожидающему их флайкару.

* * *

– Итак, адмирал, если позволите, я изложу свою версию событий.

– Антон Эдуардович, – мягко поправил его Вербицкий.

– Да, простите, – Андрей все еще немного терялся в обществе двух легендарных личностей. – Постараюсь объяснять сжато. Я специализируюсь на чтении информации с искусственных нейронных носителей. Пропуская через свой рассудок память десятков модулей «Одиночка», различных годов выпуска и модификаций, я стал невольным участником сотен боев. Впервые мне доверили сбор данных еще в период войны. Мне тогда было пятнадцать лет. Как вы понимаете, воспитание, полученное мной в подземных убежищах Форта, предполагало слепую ненависть к противнику. Информация, которую мне удавалось извлечь из нейросетевых модулей вражеских «ИИ», имела в ту пору актуальный,

оперативный характер, – в первую очередь в лаборатории попадали кристалломодули, доставленные с мест последних сражений. Среди адских картин техногенных битв мне и другим подросткам, работавшим на Управление разведки, удавалось локализовывать данные, касающиеся дислокации, численности, качественного состава подразделений противника, базирующихся в различных секторах пространства…

Андрей отпил из высокого бокала.

Место для продолжения разговора, выбранное Вербицким, находилось почти у самого обрыва, на краю мыса. Среди зелени недавних лесопосадок пряталось несколько одноэтажных строений, здесь же на небольшой поляне сервы накрыли стол.

– В ту пору эмоциональные впечатления не играли решающей роли. Жестокие картины боев воспринимались рассудком, но не анализировались им, – продолжил Кирсанов. – Молодость, максимализм, ненависть к противнику не позволяли глубоко сопереживать и объективно оценивать прожитое в виртуальном пространстве, и это, наверное, уберегло мой разум от безумия. Многие сверстники не выдерживали и сходили с ума, но я выстоял, повзрослел и много лет спустя, уже возглавляя лаборатории искусственного интеллекта, однажды начал задавать себе неудобные, спорные, с точки зрения официальной пропаганды и признанной истории, вопросы. Это произошло после знакомства со статьями доктора Эреста Норга Логвила.

– «Новейшие исследования»? – уточнил Новак.

– Да. Они публиковались в популярном ежемесячном обозрении «Все Миры». Некоторые мысли, высказанные в его работах, заставили меня задуматься, а повзрослевшее сознание, приученное спецификой работы к логическому мышлению, нашло сделанные Логвилом предположения небезосновательными. Тогда я стал искать подтверждение им.

– Что именно вас заинтересовало? – Вербицкий внимательно слушал молодого ученого, стараясь понять ход рассуждений Андрея, дать ему высказаться, ведь свежий взгляд на известные адмиралу проблемы мог стать настоящим откровением.

– Вопрос о сроках войны, ее целях, гипотеза о трансформации конфликта людей в противостояние созданных для войны искусственных интеллектов живо задели мое воображение, – ответил Кирсанов. – Я перепроверил данные, приводимые в статьях, и пришел к тем же результатам. Тогда, на основе известных цифр, я начал создавать математические модели вероятностей, пока не убедился, что Логвил не просто прав – он преуменьшил масштаб проблемы. Я брал данные

статистики, вводил их в специальные программы, производящие расчет вероятностей для произвольно выбранного события, и в итоге получалось, что Свободные Колонии вообще не имели ни малейшего шанса победить.

– Однако мы победили, – вставил реплику Новак.

– Верно. Я ни на секунду не забывал об истинном развитии истории. Оставалось предположить, что не верны или намеренно искажены общедоступные исходные данные. Тогда я и начал искать ту загадочную, неизвестную мне силу, сражавшуюся на стороне Свободных Колоний, уравновесившую баланс, давшую отпор миллионной армии механизмов Альянса, руководимых модулями искусственного интеллекта.

– И как? Удалось отыскать? – Вербицкий откинулся в кресле, внимательно глядя на Андрея.

Тот кивнул:

– Нашел, но не сразу. Скажем так – я начал построение собственной гипотезы произошедшего, опираясь на косвенные свидетельства. Мне помогли воспоминания, относящиеся к сотням «прочитанных» сознаний боевых «ИИ». Глядя на происходящее их глазами, я совершенно иначе оценил поведение отчаянных бойцов колониальной пехоты, которые совершали чудеса героизма. Они без страха жертвовали собой, побеждали в практически безвыходных ситуациях, часто брали верх над противником, несмотря на его численное превосходство в технике. Приведу лишь один пример. В состав штатной бригады космической пехоты Флота Свободных Колоний входило двадцать пять серв-машин класса «Беркут», в то время как у аналогичных подразделений Альянса количество боевых планетарных механизмов исчислялось сотнями. При таком неравенстве сил не хватило бы никакого профессионализма, чтобы добиться победы. Но мы побеждали. Это факт, не находящий объяснения в рамках человеческих возможностей.

– Сорок три бригады колониальной пехоты сражались на шестидесяти семи планетах, – произнес Вербицкий. – Среди формирований Элио подобные подразделения не создавались. Мне всегда претила ставка Воронцова на фанатизм и самопожертвование, которые в определенный момент, с учетом прогресса развития планетарной техники противника, стали, как ни кощунственно это прозвучит, бессмысленными массовыми самоубийствами.

– Я заметил два очень важных факта, – Андрей посмотрел в сторону океана, где багряный диск звезды медленно клонился к горизонту. – Все планеты, где воевали бригады колониальной пехоты, сформированные в Форте Стеллар, сейчас находятся на строжайшем карантине. Из сорока трех

соединений я выделил десять, среди личного состава которых есть ветераны, дожившие до наших дней. Тридцать три бригады не имеют ни одного выжившего, хотя к моменту капитуляции Альянса они являлись полнокровными формированиями и принимали участие в штурме Линии Хаммера.

– Эта операция вообще выглядит бессмысленной, – мрачно произнес Новак. – Линия Хаммера потеряла свое стратегическое значение после того, как наши ученые усовершенствовали гиперпривод боевых кораблей.

– Создается впечатление, что командование Флота намеренно «похоронило» там силы сводных штурмовых соединений, равных по численности шести ударным флотам, – заметил Андрей. – По крайней мере, они исчезли из списков объединенной космической группировки и официально списаны в процент невосполнимых потерь. Линия Хаммера сейчас находится на бессрочном карантине.

– Я хорошо помню подготовку к штурму Солнечной системы, – нахмурился Вербицкий. – Мы с адмиралом Дороховым и командующим наземными силами вторжения генералом Рокотовым настаивали на обходном маневре через пространство гиперсферы, но Воронцов назвал штурм Линии Хаммера «неизбежным тактическим ходом». В тот момент с доводами Верховного Главнокомандующего было трудно спорить. Разведка докладывала, что на планетах Линии Хаммера Альянс сосредоточил крупные резервы, которые нанесли бы удар в тыл Флоту Колоний, как только мы покинули бы пространство аномалии и начали преодолевать рубежи противокосмической обороны в границах пояса астероидов Солнечной системы. Кроме того, на многих мирах внешнего оборонительного рубежа функционировали автоматические заводы, существовали крупные ресурсные базы. Мы настаивали на избирательном применении аннигиляционной установки «Свет» против планет Линии Хаммера, где, по данным разведки, давно и безраздельно властвовали машины. Вселенная от подобного удара стала бы только чище, но Воронцов отказался обсуждать наше предложение, приказав сосредоточить все внимание на подготовке к штурму Земли.

– Да, я тоже помню то совещание в штабе флота, – поддержал его Новак. – Воронцов был упрям и не желал выслушивать наши доводы. Мне кажется, что самоубийственный штурм Линии Хаммера был спланирован им заранее и объясняется только одной причиной – попыткой захвата научно-технических баз Альянса.

– Сомневаюсь, – Вербицкий машинально коснулся шрама на подбородке. – Я считаю, что преследовалась двоякая цель, – добавил он. –

Воронцову нужны были передовые технологии Альянса, но найти информационные носители он мог и в Солнечной системе, где до последнего момента базировались основные архивы, банки данных и прочие источники секретных сведений. Боюсь, что адмиралу была необходима героическая гибель сводных штурмовых соединений.

– Вопрос: зачем? – упрямо переспросил Новак.

– Он убирал следы своего проекта, позволившего колониям победить в войне, – уверенно заявил Андрей. – Убежден, что в составе ударных группировок не было ни одного человека. От рядового колониальной пехоты до адмирала – только искусственные интеллекты, которые по завершении войны привлекли бы нежелательное внимание или того хуже – создали бы новый очаг напряженности.

Тишина, воцарившаяся за столом, показалась Андрею звенящей.

– У нас есть списки подразделений, вошедших в сводные ударные группы? – наконец спросил Зигмунд.

– Вот, пожалуйста, – Кирсанов активировал кибстек.

Взглянув на данные, Новак нахмурился, затем включил свой персональный кибернетический модуль, провел сравнение информации и произнес:

– Интересный факт. На протяжении войны мы не взаимодействовали с частями, принимавшими участие в штурме Линии Хаммера.

– Это может оказаться стечением обстоятельств, учитывая количество действовавших на пространственных фронтах соединений, – высказал сомнение Вербицкий.

– Вот тут данные статистики, – Андрей сделал переключение. – Информация из архивов Форта. Если проанализировать перемещения техники и пилотов в рамках объединенного флота, получается, что многие выдающиеся асы, вместо того чтобы принять участие в атаке на Землю, были брошены на штурм заведомо неодолимых укреплений. И еще несколько цифр. Вот количество планетарной техники, выпущенной за второй период войны, здесь данные по космическим кораблям и АКИ. А в соседней графе – численность населения Центральных Миров и вновь открытых в ходе боевых действий колоний эпохи Великого Исхода.

– Невероятно… – Новак выглядел растерянным. – Как мы могли пропустить столь очевидные несовпадения? Техники выпущено в три раза больше, чем все население колоний, включая стариков и детей.

– Мы воевали, Зигмунд. Нам было не до демографических расчетов. Кроме того, не забывай – флот Элио не испытывал недостатка в личном составе.

– Но почему все вскрывается именно сейчас, спустя столько лет после капитуляции Альянса?!

– История искажена, – ответил Кирсанов. – Одни архивы засекречены, другие подчищены. Все «доказательства» существования в рамках Флота Колоний особых подразделений, укомплектованных искусственными интеллектами, похоронены на планетах Линии Хаммера. Адмирал Воронцов уверен, что ничего не выплывет на свет. Нет прямых доказательств. Если бы не чип, доставленный мне на исследование, мы бы не сидели тут и не обсуждали исторические нестыковки в официальной версии Галактической войны.

– А что нам дал чип?

– Во-первых, достоверный источник данных. Я проверил подлинность записи. Она действительно сделана на Земле. Сравнивая ее с несколькими имеющимися в архивах отрывками мнемонических дневников адмирала Табанова, я пришел к выводу, что чип не подделан. Во-вторых, мы теперь знаем, где именно производились искусственные бойцы для Флота Колоний. Это вторая планета системы Роуг, ныне карантинный мир, расположенный на периферии Обитаемой Галактики. И, наконец, в-третьих, сам факт существования планеты, защищенной не хуже, чем Форт Стеллар, и отданной под полное управление машин, что в корне противоречит всем доктринам Свободных Колоний, наводит на мысль: планета являлась настолько секретной, что Воронцов не решился допустить туда даже тех людей, которым мог доверять в вопросах государственных тайн.

– Согласен. Если бы в период войны вдруг вскрылось, что часть флота укомплектована человекоподобными машинами с модулями искусственного интеллекта, это привело бы к непредсказуемым последствиям. Страх и ненависть к боевым «ИИ» среди населения колоний, в армии и флоте были настолько сильны, что даже минимальное количество трофейных серв-машин, управляемых нашими лучшими пилотами, вызывало крайнее недовольство, многие подразделения отказывались принимать «Фалангеров» и «Хоплитов», угрожая бунтом, большинство командиров космических кораблей протестовало против приказа о внедрении в некоторые подсистемы аналогов модулей «Одиночка».

– Но человеческого ресурса Колоний не хватало для войны, – невесело произнес Новак. – И тогда Воронцов решил создать спецподразделения, укомплектованные человекоподобными машинами. Он балансировал на краю пропасти, искусно скрывая, кто именно сражается на

нашей стороне… Я не знаю, как относиться к нему теперь?

– Так же, как раньше, – произнес Вербицкий. – Адмирал нашел в себе силы укротить созданного им самим демона. Теперь время – его судья. Нам следует думать о том, как обуздать наследие войны, если оно вдруг вырвется на волю. Идти с претензиями к Воронцову – просто глупо. Он не примет их. Возможно, наделает глупостей.

– Почему он не применил установку «Свет» против Роуга?

– Адмирал хорошо осведомлен о не найденных до сих пор периферийных базах Земного Альянса. Он опасался рецидива, нового вторжения машин в пространство освоенных людьми планет и, вероятно, хотел законсервировать производства на Роуге, как противовес, как силу, способную встать на сторону колоний при неожиданном обострении ситуации.

– Но его опередил Табанов. Земная разведка произвела свой анализ и вычислила точку базирования секретных производств, на базе которых создавались машины, практически неотличимые от людей. Киборги, способные конкурировать с «Одиночками».

– В результате оборону Роуга взломали, но полномасштабного вторжения не получилось – помешала атака наших сил на Линию Хаммера и Солнечную систему. Как итог – система попала на бессрочный карантин, и никто не знает, что там происходит в действительности.

– Проблема периферии не исчерпывается Роугом, – напомнил Новак. – «Одиночки», уцелевшие после капитуляции Альянса, по-прежнему представляют угрозу. Они способны развязать новую войну, если разрозненные анклавы машин найдут способ объединиться и выработать новую стратегию своего существования.

– Проблему будем решать в комплексе, – подвел промежуточный итог адмирал Вербицкий. – Прежде чем я подвергну смертельному риску хотя бы одного солдата, необходимо произвести тщательную разведку секторов Окраины, определить степень угрозы, оценить ее масштаб.

– Как это сделать? Учитывая, что периферия официально находится на карантине, а адмирал Воронцов будет всячески противодействовать любому сбору информации?

– Мы станем работать по неофициальным каналам. Планеты периферии по-прежнему населены. Среди десятков миров существуют торговые связи. Основным продуктом торговли является оружие, собранное на запрещенных к посещению мирах, оборудование, космическая и планетарная техника, климатические станции и продукты в любом виде – натуральные и синтезированные. Нашей первой задачей

станет внедрение своих людей в контрабандный бизнес Окраины. Мы начнем скупать информацию о новых гиперсферных маршрутах и таким образом расширим наши знания о зонах неосвоенного космоса, где предположительно дислоцируются базы Земного Альянса.

– А никому не показалось странным, что Воронцов так тщательно скрывал наличие специальных подразделений? – Новак отодвинул пустой бокал, дождался, пока из сгустившихся сумерек, окруживших поляну, бесшумно вынырнет бытовой кибермеханизм, и продолжил: – Законы, как известно, молчат во время войны. Вот объясните мне, к чему адмиралу, командующему объединенным флотом, наделенному всей полнотой военной и политической власти, что-то скрывать, нервничать, опасаться разоблачения? Фрайг его разберет, как все происходило на самом деле, каким образом у него родилась идея подмены личного состава подразделений похожими на людей машинами, но лгать-то зачем? Ситуация складывалась – хуже некуда. В обстановке двадцатых годов, когда судьба колоний висела на волоске, а «Одиночки» осуществляли тактику геноцида, ввод роботизированных подразделений являлся шагом обоснованным, даже необходимым.

– Все так, – согласился Вербицкий. – И роботизированные подразделения официально появились в составе флота и корпусов наземного базирования. Приказ Воронцова разрешил использовать трофейную технику и модули искусственного интеллекта, захваченные у Альянса. Я хорошо помню волнения, возникшие среди гражданского населения колоний, и акты саботажа, направленные против машин-убийц. Однако адмирал быстро успокоил недовольных.

– Тогда почему он обнародовал лишь часть своего плана?

– Я сейчас думал над этим, – признался Антон Эдуардович. – Промышленность колоний работала в ту пору на пределе возможного, едва давая флоту половину необходимой техники и оборудования. Использование трофейных машин – это вынужденная мера, имеющая, ко всему прочему, множество прецедентов. В начале войны мы сумели удержать ситуацию в ключевых системах только благодаря трофейным космическим кораблям и захваченным у Альянса планетарным машинам. Но о создании новых производств в те годы мы лишь мечтали.

– Тогда я совсем перестаю что-либо понимать!

– Существовал только один способ быстро наладить сложное производство новой боевой техники. Нужно было взять за основу уже проверенную временем модель механизма, желательно универсального, неприхотливого, способного не только воевать, но и строить, и совершить

роковой шаг, ведущий за грань разумного риска, – позволить машинам, без контроля и препонов со стороны людей, наладить серийный выпуск необходимой техники.

– То есть адмирал пошел ва-банк? – глухо уточнил Кирсанов.

– Иного сценария событий я не вижу. Мы находились на грани поражения, при всем мужестве и героизме защитников Дабога, Элио, Стеллара и Кьюига, наши силы таяли, а натиск вражеских армад лишь нарастал. На некоторое время их остановило первое применение аннигиляционной установки «Свет». Сотни кораблей в один миг превратились в потоки излучения и бесформенные обломки. Погибли практически все суда с обеих сторон. Это дало нам время реорганизовать оборону стратегически важных планет. Но промышленность Альянса превосходила нашу, и вражеские флоты восполняли потери в десятки раз быстрее, чем мы. Чтобы выстоять при новой атаке, требовалось чудо. По крайней мере, тогда мне казалось именно так.

– Чудо в виде внезапного пополнения? Да, я помню, – Новак кивнул в ответ своим же словам. – Десять бригад колониальной пехоты, два новых флота – они ударили внезапно, атаковали уже захваченные Альянсом планеты, создали очаг напряженности в глубоком тылу противника, оттянули на себя все силы, предназначенные для штурма развитых колоний. Значит, это и были машины, созданные машинами? Их подвиг увековечен как пример самопожертвования, они измотали, обескровили ударные силы Альянса, сорвали готовившееся наступление, и сами погибли, не вернулся никто – ни один корабль, ни один боец.

– Зато мы уцелели. Боевой дух в колониях поднялся, и адмирал был бы глупцом, политическим самоубийцей, объяви он, что эти герои – всего лишь ненавистные машины.

– Господа… – Кирсанов на секунду замялся, но затем все же спросил: – А почему вы только сейчас узнаете многие факты?

Вербицкий усмехнулся.

– Я не всегда был адмиралом. В те годы я командовал только самим собой и вверенной мне машиной. Знаешь, – он тепло, по-отечески посмотрел на Андрея, – большинство выживших из моего поколения, принявшего первый удар, а их на самом деле можно сосчитать по пальцам, сейчас адмиралы, президенты, крупные политики. А в ту пору мы были мальчишками, солдатами, живущими от боя к бою, вне политики, вне государственных тайн, – нам отдавали приказы, и мы исполняли их, не зная, кто вернется из боя, а кто нет.

– Извините.

– Глупо извиняться. Ты ведь в те годы тоже не думал о проблемах искусственных интеллектов, бегал по стылым казематам Форта Стеллар сопливым мальчонкой, верно?

– Да.

– Тайны того времени долго оставались уделом горстки посвященных, – согласился с Вербицким Новак. – Это теперь, когда они грозят выйти боком уже новым, рожденным в конце войны поколениям, мы вынуждены распутывать змеиные клубки прошлого.

Кирсанов вдруг приумолк. Только сейчас он с внезапной дрожью понял необратимость совершенного поступка. Нет, он не жалел о нем, не каялся в душе, но, попав на другую планету, оказавшись в обществе людей легендарных, облеченных властью влиять на судьбы миров, он вдруг понял, насколько разнятся между собой планеты-победители; узкий, унылый, серый мир, ограниченный подземными уровнями Форта Стеллар, внезапно распахнулся навстречу рассудку совершенно новыми красками, впечатлениями, иной степенью свободы и совершенно другой мерой ответственности…

Секундный страх и замешательство обожгли, помутили рассудок.

– Значит, я, по меркам Стеллара, – предатель? И уже больше никогда не вернусь в Форт?! – невольно вырвалось у него.

– Андрей, есть разница между судьбами людей. – Вербицкий встал, машинально заложив руки за спину. – Кого-то жизнь выталкивает вперед, в стремнину обстоятельств, кому-то дает шанс провести свои годы в относительном покое. Я сейчас, глядя на тебя, вспомнил свою молодость. Думалось ли мне, что по окончании академии астронавтики я попаду на войну, стану свидетелем гибели планет и народов, что порой от одного моего действия, от скорости реакции, от моей решимости будет зависеть судьба миллионов? Я скажу тебе откровенно – нет, не думал. И не был готов к подобному. Ломался, много раз ломался, думал: почему я? Сгорало все внутри, но потом возрождалось. Такая лютая ненависть, такое неистовое, черное желание жить, только ради того, чтобы мстить, воевать, но ты знаешь, – он обернулся, внимательно взглянул на Кирсанова, – прошло и это. Мы с адмиралом Воронцовым разные. Осуждать его не возьмусь. Не знаю, как сам поступил бы, когда все висело на волоске и до гибели колоний оставался шаг, миг. Первое применение установки «Свет», тайное внедрение в войска подразделений, сформированных из носителей искусственного интеллекта, – это шаги по кривой тропе войны, шаги к нашей победе, к тому шаткому миру, что существует сейчас.

– Миру, который вот-вот рухнет, – произнес Новак.

– Да, – резко ответил адмирал. – Поэтому, Зигмунд, я и говорю о людях. Воронцов выиграл войну, сумел удержать армады Альянса в глобальном противостоянии. Но он породил своими действиями проблемы, которые неспособен решить в условиях мирного времени. Он бросил на произвол судьбы десятки миров периферии. Стал диктатором. Он не приемлет новую реальность, по-прежнему живет психологией войны и ждет, когда необдуманные действия черных археологов, промышляющих на карантинных планетах сбором оружия и техники, пробудят дремлющего внешнего врага. Тогда адмирал снова окажется в своей стихии, и опять Обитаемая Галактика будет лежать у его ног, распластанная, беспомощная, зависимая от воли Верховного Главнокомандующего.

– Этого нельзя допустить, – Андрей, слушая Вербицкого, не переставал поражаться спокойному мужеству адмирала. От слов Антона Эдуардовича мороз драл по коже, а он говорил уверенно и веско, не страшась грядущего, будто призрак новой Галактической войны не пугал, а лишь настораживал его.

– Роль Воронцова в истории завершилась, – произнес Новак. – Он уже не гарант мира, а источник угрозы. Стабильность на всем пространстве Обитаемой Галактики должен обеспечивать Союз Центральных Миров.

– Интересно, каким образом? Пока единственная база Флота – Форт Стеллар, а мы как будто находимся на привязи.

– Ситуацию будем менять. Экономика Элио, Кьюига, Кассии да и десятка других независимых миров уже достаточно окрепла, чтобы завершить создание своей сети пространственных баз и передислоцировать наши флоты в новые опорные точки.

– У нас совершенно нет времени, – напомнил Андрей. – Главной составляющей самоорганизации искусственных интеллектов являются средства межзвездной коммуникации и связи. Они развиваются сейчас особенно бурно.

– Времени у нас действительно мало. А соображения относительно природы грозящей опасности есть?

– Вы сами ответили на некоторые вопросы, адмирал, – Кирсанов чувствовал, что моральное напряжение достигло своего предела, но прервать разговор, пожаловаться на усталость было бы сейчас малодушно, неправильно, по крайней мере, именно так он ощущал обстановку. – Помните, Антон Эдуардович, вы сказали, что для создания новых боевых формирований необходимо было найти проверенную временем универсальную модель кибернетического механизма, обладающего способностью к мышлению и годного для решения различных задач?

Вербицкий кивнул, ожидая продолжения.

– Предъявленным требованиям в ту пору отвечал только один класс сервомеханизмов. Андроиды серии «Хьюго БД12»[21] – базовая колониальная модель, наделенная тремя программными степенями свободы, оснащенная нейромодулями, – эти машины одинаково хороши в исследованиях, в строительстве, в быту или в бою. Многие из них на протяжении веков колонизации развились, став личностями. У них был накоплен богатый опыт взаимодействия с людьми, они знали наши сильные и слабые стороны, могли имитировать человеческое поведение, обладали достаточными для конструкторской и исследовательской работы кибернетическими мощностями…

– Правильно мыслишь. Скажу тебе больше – многие андроиды в первые годы войны защищали своих хозяев и даже принимали участие в отражении первых атак Альянса на промышленно развитые колонии.

– Человекоподобные машины, осознавшие факт собственного существования за века колонизации, вряд ли подходят на роль смертников, – заметил Новак.

– А им никто и не предлагал тупого самопожертвования, – возразил Вербицкий. – Я думаю, что адмирал Воронцов, решившись на отчаянный шаг, отобрал из тысяч сохранившихся в колониях андроидов лишь тех, кто обрел самосознание задолго до начала войны и успел создать свою собственную систему взглядов на окружающий мир, его моральные и физические ценности. Да, Андрей, такое возможно. Я лично сталкивался с андроидами, которые сражались *за свои планеты* наравне с людьми. Воронцов, по всей видимости, сумел собрать их вместе и *убедить*, что поражение колоний обернется для искусственных интеллектов гибелью, не менее жестокой и окончательной, чем для самих колонистов. Адмиралу не нужно было далеко ходить за примерами, способными убедить мыслящие машины. Он разъяснил им текущую обстановку, осветил некоторые возникшие у людей фобии и поставил задачу: создать кибернетические организмы, внешне неотличимые от людей, оснастить их программами нового типа, позволяющими имитировать поведение человека, и, оставаясь машиной, эффективно управлять планетарной и космической техникой, а если того потребует ситуация – побеждать боевые механизмы Альянса в условиях неравенства сил. Думаю, он не требовал, чтобы андроиды серии «Хьюго» создали машины с искусственным разумом, – это сложно в производстве и ненадежно в плане боевой эксплуатации. Скорее всего, техническое задание было более простым – сделать искусственных бойцов

похожими на людей, хотя бы с определенной дистанции.

– Почему он не поручил подобную разработку людям?

– Риск. Огромный, ничем не оправданный риск. Мы сомневаемся, ненавидим, обретаем привязанности, страдаем субъективизмом восприятия, а организация новых производств требовала стопроцентной секретности, высокой скорости в решении сложнейших для того времени задач и получения «на выходе» бойцов-смертников, способных остановить армады Альянса.

– Я общался с некоторыми уцелевшими образцами колониальных андроидов, – вновь вступил в разговор Кирсанов. – Они действительно обладают самосознанием. Мне показалось, что у них есть своя, не совсем понятная нам система ценностей. Создание кибернетических организмов, внешне копирующих людей, предназначенных для разрушения и самопожертвования, – мне кажется, что такое техническое задание не вписывается в мировосприятие зародившихся в колониях искусственных рассудков.

– Правильно мыслишь, – вновь похвалил Кирсанова Вербицкий. – Но отличительная черта всех машин, даже обладающих разумом, – рациональность и целесообразность. Они четко понимают, что делают, и, соглашаясь на предложение Воронцова, они наверняка прежде обсудили его и нашли для себя очевидную выгоду – полную свободу в создании себе подобных, сохранение популяции андроидов, наделенных разумом, а в долгосрочной перспективе – обретение собственной планеты и создание на ней цивилизации мыслящих машин. Воронцов заключил сделку, прекрасно понимая, что получит необходимые ему силы, но плата за их самопожертвование будет востребована в будущем.

– Которое могло и не наступить, – уточнил Новак.

– Да. В конечном итоге адмирал предал их. Он не только уничтожил действующие образцы машин, бросив их в самоубийственную атаку на планеты Линии Хаммера, но и предварительно организовал утечку информации. Предвидя скорый финал войны, он просто спровоцировал командование Земного Альянса на штурм Роуга.

– Это… чудовищно!

– Это в духе адмирала. Он находит себе тысячи оправданий и особо не мучается угрызениями совести.

– Что же стало с интеллектами Роуга?

– Этого мы не знаем. Планету брали штурмом, но удался он или нет – неизвестно. Альянс бросил на Роуг самые совершенные образцы боевой техники, известно, что штурмовым группам удалось закрепиться на

планете и даже прорвать в одном месте оборону горной страны, в глубинах которой базировались интересующие нас объекты. Уничтожены они или нет, покажет разведка и глобальный анализ данных, поступающих с планет периферии. Мы выясним, поступали ли на черные рынки колоний Окраины какие-то принципиально новые технологии, устройства, – в общем, станем искать любые следы деятельности искусственных интеллектов.

– А как же быть с угрозой самоорганизации «Одиночек», сохранившихся после поражения Альянса?

– Оба вопроса будут изучаться параллельно, – Вербицкий помрачнел. – Боюсь, как бы обе проблемы не пересеклись на Роуге, – высказал он неожиданную мысль. – Торговля запрещенными видами вооружения, вылазки на карантинные планеты, поиск военных технологий торговцами периферии, переоснащение трофейных кораблей, попавших в руки властей самопровозглашенных планет, – все это может оказаться мышиной возней по сравнению с реальной угрозой, исходящей от кибернетического разума, преданного людьми, почти уничтоженного, но еще способного сопротивляться либо отомстить.

Да уж, перспектива… – подумал Андрей. Он и не предполагал, что его беспокойство, вызванное внезапно обнаруженной информацией, получит столь неожиданное развитие…

Роуг… Название незнакомой планеты каталось в рассудке, как маленький камушек.

На самом деле ни адмирал Вербицкий, ни Кирсанов, ни Новак понятия не имели о тех процессах, которые протекали на неприступной планете вот уже добрый десяток лет…

* * *

– Как мы будем действовать? Что предстоит сделать? – Андрей привык задавать прямые вопросы. – Мы практически ничего не знаем о новом для нас типе искусственного интеллекта. Необходимо исследовать Роуг…

– Сомневаюсь, что прямое вторжение в карантинный сектор даст нам нужную информацию, – покачал головой Вербицкий. – Флот Элио не готов сейчас к штурму хорошо укрепленной планеты.

– Ворошить муравейник неразумно. А вот понаблюдать за его обитателями, не привлекая внимания, не будоража карантинные миры, было бы неплохо, – произнес Новак. – Самое ценное в нашем мире – информация, – добавил он, глядя на Кирсанова. – У тебя, Андрей, есть соображения на этот счет?

– Готового плана у меня нет. Есть желание работать, но не в лабораториях. Я достаточно насиделся под землей. Да и опыта полевых действий у меня достаточно.

– Память «Одиночек»?

– Да. Когда пропускаешь ее через собственное сознание, опыт усваивается как личный.

– Мы будем действовать всеми доступными способами, – Вербицкий встал, прошелся по поляне, – внедрение наших людей в среду контрабандистов, торговцев оружием, на ближайшие к Роугу обитаемые планеты периферии даст необходимую информацию. На самом деле мы неплохо осведомлены об андроидах серии «Хьюго». Это колониальная модель, достаточно хорошо изученная. Вопрос скорее в ином – нам неизвестно, чем завершился штурм планеты, предпринятый Альянсом в конце войны. Уцелели ли носители древнего искусственного интеллекта, а если нет – остались ли на Роуге биологические или производственные комплексы, способные выпускать киборгов? Сохранилась ли иная техника, сконструированная машинами? Вот частные, конкретные вопросы, ответ на которые мы будем искать прежде всего.

– Вы позволите мне принять участие в оперативной работе? – спросил Кирсанов.

– Не хотелось бы тебя отпускать, Андрей, – честно признался адмирал. – Но насильно удерживать на Элио не стану. Ты действительно готов отправиться на периферию?

– Никто лучше меня не справится с проблемой «Одиночек», – ответил Андрей. – А они непременно встретятся на нашем пути. Силы Альянса штурмовали Роуг, и там достаточно разнообразной боевой техники. К тому же как специалист по боевым киберсистемам, я легко смогу внедриться в круги торговцев оружием.

Вербицкий задумался, затем кивнул.

– Пожалуй, ты прав. Поступишь в распоряжение Новака. Зигмунд оценит твой уровень боевой подготовки, познакомит с людьми из оперативных групп, внедряемых на периферию, введет в курс дел. – Антон Эдуардович посмотрел вдаль. – Ты спрашивал о задачах? Так вот, запомни, прежде всего мы должны найти и оценить источники угрозы. И если они действительно существуют – ликвидировать их, не развязав при этом новую Галактическую войну. Это будет сложно. Намного сложнее, чем зачистить один или несколько карантинных секторов пространства. Наша цель – устранить корень проблем, не сорвав при этом необратимую лавину последствий. – Он обернулся. – А сейчас отдыхать. Уже поздно. Утром

встретимся вновь.

Часть II

Глава 4

У современного понятия «Корпоративная Окраина» есть свои вполне определенные истоки. Десятки планетных цивилизаций, оставленных в послевоенный период без защиты со стороны центральной власти, пережили периоды разрухи и абсолютного беззакония. Именно выходцы из среды послевоенного общества периферии создали первые промышленные группы, постепенно окрепшие, утвердившие власть денег на покоренных ими пространствах.

Ни создание Конфедерации Солнц, ни последующие усилия Центральных Миров, направленные на поддержку молодых колоний второй волны Экспансии, уже не могли исправить сложившуюся ситуацию. Окраина на века осталась территорией, подчиненной исключительно экономическим интересам; политическая власть Содружества никогда не воспринималась тут всерьез, а колониальная администрация существовала лишь на бумаге.

И лишь события, связанные с позднейшими потрясениями в истории человеческих миров, сумели обуздать корпоративные армии, принести на просторы Окраины понятие законности, преодолеть сложившуюся по окончании Галактической войны «независимость» сектора, опирающуюся на власть денег и мощь частных военных флотов…

Ежемесячное обозрение «Все Миры», июль 3801 года.

Окраина освоенного космоса.

Система звезды Онтарио. Планета Эрлиза.

2647 год галактического календаря…

Юная и дерзкая, она стояла на склоне холма, почти у самой вершины, и смотрела вдаль.

Неведомые ароматы тревожили, манили, в них смешивались запахи юной клейкой листвы, отцветающих бутонов, появившихся на ветках раньше, чем распустилась зелень. Бархатистая, ласкающая взгляд пронзительно-живая листва деревьев густо покрывала холмы, плавными волнами убегала к горизонту, по ней скользили тени от облаков, пятнами лежали поляны солнечного света.

Айла открыла глаза.

Ее лицо побледнело. Глаза за защитной маской сузились, кровь

отхлынула от щек, когда мечта, сохраненная в сердце, сменилась реальностью: голые черные ветви деревьев тянулись к свинцовому низкому небу, багряно-серые предзакатные краски тонули в пепельном тумане, поднятом порывами ветра. Унылая, безысходная картина. Там, где разыгравшееся воображение только что терялось среди непроницаемой зелени, сейчас зияли прорехи, – угрюмый мир пустошей просматривался на километры вперед, несмотря на поземку поднятого ветром праха.

Выше погибших деревьев поднимались лишь руины домов да ободранные фермы каких-то ветшающих решетчатых конструкций.

Она вздохнула, повернулась и пошла назад, к развалинам давно заброшенной агротехнической фермы. Близился вечер, пора было возвращаться, тем более что отец просил ее оставаться на связи, а здесь, среди холмов, слабенький сигнал местной сети и вовсе терялся.

После знойного дня вечер не принес долгожданной прохлады. Идти в защитном костюме было неудобно. Айла уже исследовала брошенные постройки и не нашла там ничего, на что надеялась. За день, проведенный в пустошах, она осмотрела несколько подобных ферм и пришла к удручающему выводу. Здесь, на Эрлизе, не осталось ни ресурсов, ни оборудования, способного помочь в деле восстановления погубленной биосферы. В сравнении с Кьюигом и Элио, родная планета выглядела *абсолютно мертвой*, но, похоже, проблема экологии не волновала никого из местных жителей.

Вот и машина. Мощный внедорожник армейского образца стоял там, где она оставила его пару часов назад, – на обочине старой дороги, у покосившегося отбойника.

Громко хлопнула дверца. Айла проверила герметизацию салона, сняла дыхательную маску, машинально посмотрела за окно, словно все еще надеялась увидеть что-то новое.

Вокруг, до самого горизонта, простирался унылый пейзаж мертвой земли – тысячи гектаров потрескавшейся почвы, разрушенные агротехнические фермы, ржавеющие под открытым небом сельхозмашины, обломки космических кораблей, обгоревшие, покрытые толстым слоем окалины, – все как прежде.

Родная планета… За двое суток пребывания на Эрлизе это словосочетание утратило ореол мечты, потускнело, запылилось, обернулось суровой реальностью глобальной экологической катастрофы, справиться с которой в одиночку – глупая, самонадеянная иллюзия.

Айла некоторое время сидела, глядя, как меркнут краски заката. Нет, сдаваться она не собиралась. Не тот характер.

Нужно как минимум найти единомышленников, – подумала она, запустив двигатель. Развернувшись, девушка вывела машину на старую дорогу. Мысли текли плавно, но как-то тоскливо, безысходно. Ей не верилось, что планета, колонизированная четыре сотни лет назад, больше никому не нужна, но реальность упрямо открывала ей истину – за двенадцать лет, которые она провела в иных мирах, здесь не изменилось ровным счетом ничего. Природа не сумела пережить комбинированный стерилизующий удар, нанесенный машинами, ни одна травинка не проросла вновь, а людям, похоже, не было никакого дела до уничтоженной экологии собственной планеты, они были заняты вопросами сиюминутного выживания и не заглядывали в будущее дальше завтрашнего дня.

В сиреневой дымке подкравшегося вечера у багряной линии горизонта появились очертания уступчатой громады города, и почти сразу кибстек, охватывающий запястье правой руки, издал мелодичную трель.

Обнаружен сигнал местной сети. – Сообщение системы транслировалось через устройства импланта непосредственно в рассудок девушки. – *Входящий вызов. Ответить?*

– Да, пап, – произнесла Айла, не отвлекаясь от управления.

– Ты где?

– Подъезжаю к городу. Не волнуйся, у меня все в порядке. Правда. Я не обманываю.

– Я тебя целый день вызываю! – В голосе отца слышалось плохо скрытое раздражение. – Просил же не выходить из зоны сигнала!

– Извини. Была в пустошах. Дома поговорим, ладно?

– Хорошо. Жду.

Сумерки быстро сгущались. Очертания полуразрушенного мегаполиса кое-где обозначили сиротливые габаритные огни, в свете фар внедорожника мелькали ухабы дороги.

Эрл – самый крупный город планеты, построенный на месте исторической посадки колониального транспорта «Эрлизаф», сильно пострадал в последние месяцы Галактической войны. Если бы не автоматизированный Цоколь, с его мощными стеклобетонными стенами, перекрытиями многометровой толщины и системами автономного жизнеобеспечения, послуживший убежищем для гражданского населения, то в период орбитальных бомбардировок и последовавшего за ними штурма планеты вряд ли бы кто-нибудь уцелел.

Флот Альянса, не сумевший удержать позиции в системе Онтарио, вынужденно отступил, но гарнизон оккупационных сил, защищавший развернутую на Эрлизе мобильную ремонтную базу и полевой госпиталь,

сопротивлялся натиску до последнего серва.

Айла почти не помнила сражения за Эрл. Ей было тогда всего лишь девять лет, и она вместе со всем гражданским населением пряталась от бомбежек и обстрелов на нижних уровнях древнего Цоколя.

Уже позже, повзрослев, изучая новейшую историю в школе и институте, она узнала, что сервомеханизмы Альянса, закрепившись на планете, два месяца успешно отражали атаки штурмовых групп Флота Свободных Колоний, и это привело к непоправимым последствиям для Эрлизы.

Глядя на очертания города, Айла с горечью отметила: и тут никаких перемен. Эрл по-прежнему лежал в руинах, – над Цоколем, на фоне небес, еще хранящих зловещий багрянец заката, контрастно прорисовывались угловатые коробки пустующих многоэтажек, между ними по серым лентам дорог двигались огни фар немногочисленных машин, кое-где, очень редко, удавалось заметить освещенные окна, и лишь над центром города, будто вызов застывшему времени, сияла огромная голографическая реклама недавно открывшегося развлекательного комплекса.

Айла испытывала тяжелые, смешанные чувства – совершенно не так представляла она возвращение на родную планету, начало взрослой жизни. После относительно благополучной обстановки Элио и Кьюига она внезапно окунулась в совершенно другую реальность и растерялась – тотальная разруха, экологическая катастрофа, – все стало лишь хуже с тех пор, как отец отправил ее учиться в Центральные Миры.

* * *

Дом Генриха Вайбера находился в двух километрах от разрушенного мегаполиса.

Флайбот отца стоял в посадочном круге, несколько генераторов, расположенных по периметру приусадебного участка, формировали маскирующее поле – воздух на высоте нескольких метров струился маревом искажений. В сумеречной мгле злобно светились индикаторы эмиттеров суспензорного поля, окольцовывавшие периметр приусадебного участка. Сейчас активная защита не работала, она включалась лишь при сильном ветре, когда с пустошей приносило тучи праха и пыли.

Открыв калитку магнитным ключом, девушка пересекла двор, поднялась на крыльцо, но в дом вошла не сразу, остановилась, взглянув на знакомые с детства созвездия.

В небе уже взошли две луны – одна коричневая, другая красноватая. Яркие россыпи звезд пересекала полоска мрака – загадочный,

неисследованный «Рукав Пустоты», отчетливо различимый в ночном небе Эрлизы. Призрачный свет двух лун омывал исковерканный орбитальными бомбардировками ландшафт – фрагменты разбитой скоростной автомагистрали казались в коричневатых сумерках фантастическими стеклобетонными изваяниями.

Вздохнув, Айла открыла входную дверь, прошла в гостиную.

– Привет, пап, – нарочито бодро произнесла она, коснувшись губами гладко выбритой щеки отца. – Злишься?

Генрих взглянул на дочь. Жесткий, упрямый, несгибаемый, словно выкованный из единого куска легированной стали, он ответил неожиданно мягко:

– Ужинать будешь?

Девушка кивнула.

– Заодно и поговорим. – Отец сделал знак андроиду, чтобы тот сервировал стол.

– Пойду переоденусь, – Айла чувствовала, как напряжение буквально витает в воздухе. О крутом нраве отца она уже была наслышана, но сталкиваться с проявлениями его характера пока что не приходилось. Все же двенадцать лет они общались лишь от случая к случаю, по каналам межзвездной сети, не имея никаких поводов для конфликта.

Генрих проводил дочь пристальным взглядом.

Желая ей только добра, он тяготился предстоящим разговором, понимая, что дипломатия и педагогика – не его конек. Характер Вайбера сформировался среди жестоких реалий послевоенных лет. Хаос, разруха, обилие попавшей в частные руки боевой техники превращали бизнес в опаснейшее занятие, а любую коммерческую структуру в небольшое самодостаточное вооруженное формирование.

За полтора десятилетия ситуация, в принципе, не изменилась, протекторат Окраины по-прежнему считался территорией безвластия, где законы Центральных Миров существовали лишь на бумаге и принимались к исполнению исключительно в тех случаях, когда это было выгодно. Большинство населенных планет сектора обладало своими армиями, политические и экономические союзы заключались на основе текущего момента и распадались с такой же легкостью, как разрушается камень под воздействием постоянных перепадов температуры.

Айла вернулась в гостиную минут через пятнадцать.

– Пап, я после ужина собираюсь в город. – Она села в кресло. – Хочу сходить в развлекательный комплекс. Видела его рекламу, когда возвращалась.

– Это опасно.

– Я не маленькая. Разберусь, – она не приняла категоричного тона отца. – Послушай, нам действительно нужно поговорить. Мы не виделись столько лет… – Айла задумчиво теребила непослушный локон, выбившийся из прически. – Я практически ничего не знаю о тебе. И еще эти дурацкие запреты на исследования…

Генрих почему-то избегал смотреть на дочь.

«Они, – он думал сейчас о целом поколении, – они не понимают нас, не приемлют нашей логики и, наверное, презирают наш страх, совершенно не опасаясь бед, о которых знают лишь понаслышке…»

– Айла, я думал, что ты прилетела на Эрлизу, чтобы повидаться со мной. – Генрих все же поднял взгляд, испытывая давно позабытые чувства, заметил, как на лице дочери появилось такое же, как было у ее матери, щемящее, знакомое выражение упрямой решимости. – Пойми, один человек не в силах изменить реальность целой планеты. Нет необходимости в опасных исследованиях.

– Вот ты заладил! – Девушка с досадой отвернулась, глядя в окно. – Зачем тогда я училась? Между прочим, тема моей дипломной работы «Терраформирование планет в условиях мирного времени». Это подразумевает полевые исследования, экспедиции на другие миры! Я реально хочу и могу помочь нашему миру! А ты пытаешься удержать меня на привязи! Ты не имеешь права так поступать!

Гневная тирада дочери не возымела должного эффекта.

– О других планетах забудь, – отрезал Генрих. – Эрлизу окружают карантинные миры, где полно боевой техники!

– На Элио мне почему-то никто не чинил препятствий!

– Здесь Окраина, – не терпящим возражений тоном напомнил Вайбер. Он, в отличие от застывшей реальности родной планеты, сильно изменился за истекшие годы. Можно сказать, что от прежнего Генриха, молодого, решительного, не осталось и тени. Он не просто научился выживать в условиях пустошей, – осознав, что деваться некуда и враждебный мир не простит слабости, он нашел в себе силы сознательно пойти наперекор судьбе. Поначалу неистовое, какое-то фанатичное упрямство, нежелание сдаваться, мириться с жалкой участью превратило его в одинокого охотника, затем он собрал первую группу таких же отчаянных парней, решив организовать собственный бизнес.

Первым настоящим «делом» стало нападение на обнаруженный в пустошах полевой склад вооружений, сохранившийся со времен войны и надежно охраняемый сервами. Давнюю вылазку на побережье, полученное

там ранение и предательство Фолера он старался больше не вспоминать. Генрих выжил, стал совершенно другим, жестким, непримиримым, дерзким, и от неминуемой мести Фолера спасло лишь то обстоятельство, что он выполнил часть их договора, отправил Айлу на Элио, – за это Вайбер простил ему остальные грехи.

Суровая жизнь все расставила на свои места. Его бывший напарник сейчас хоть и владел несколькими космическими кораблями, но влияние Фолера было ничтожно по сравнению с положением, которое занимал Генрих.

Айла порывисто встала. Казалось, что разговор не получился, и она намерена уйти, но что-то удержало девушку. Остановившись на пороге, она посмотрела на отца, застывшего в задумчивой позе, вернулась, присела рядом и спросила:

– Пап, почему все так плохо?

– В смысле? – он отодвинул тарелку с остывшей едой.

– Кругом разруха. И никто ничего не предпринимает.

Генрих невесело усмехнулся:

– Вот ты о чем… На самом деле население Эрлизы постоянно работает над восстановлением систем цокольного этажа мегаполиса, но результат труда почти не виден со стороны. Тот факт, что жители города поддерживают системы жизнеобеспечения вот уже двенадцать лет, по-моему, говорит сам за себя.

– Я заметила, что тут почти не используют технику.

– Люди боятся сервов, – ответил Генрих. – Война породила страх перед машинами. Он неистребим и передается от родителей к детям.

– Не понимаю… Такой контраст. – Айла встала, прошлась по комнате, собираясь с мыслями. – Я попала в совершенно другой мир, как будто здесь какое-то параллельное измерение.

– Верно. В Центральных Мирах не любят поднимать тему Окраины. Нам не помогают. Я объясню тебе причину этого. Старые колонии истощены войной и ограничены в ресурсах, у них нет достаточного количества боевых кораблей для контролирования всего пространства Обитаемой Галактики. Сразу после войны адмирал Воронцов выступил с программой изоляции периферии. Он прекрасно понимал, что количество людей, проживающих в удаленных колониях, ничтожно… говоря проще, наши жизни не стоят тех усилий и жертв, которые потребовались бы для защиты Окраины, восстановления разрушенных городов, возрождения экономики. Девятнадцать планет скопления Центральных Миров объединились в оборонительный союз, предложив населению периферии

покинуть карантинные секторы, переселившись в центр, под защиту флота.

– Почему же ты не эмигрировал с Эрлизы?

– Эвакуация дальних колоний – блеф, – ответил Генрих. – Не более чем попытка адмирала Воронцова сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Допустим, – Айла прекрасно понимала, что отца тяготит тема разговора, но множество вопросов, теснившихся в ее рассудке, требовали ответа, и потому она продолжила: – Только, пожалуйста, не лги мне. Все равно я уже многое узнала.

– О чем? – мрачно переспросил Генрих.

– Не о чем, а о ком. – Она с вызовом посмотрела на отца. – О тебе.

Вайбер понимающе усмехнулся.

– Ну, и что конкретно стало известно моей дочери?

– Ты занимаешься контрабандой и торговлей оружием! – собравшись с духом, выпалила Айла. – Твое влияние распространяется на всю планету!

Она ожидала, что отец сейчас станет все отрицать, возмутится или просто откажется продолжать разговор, но он лишь кивнул:

– Верно.

– Что «верно»? – опешила Айла, не ожидавшая подобного признания.

– Я торгую оружием. Под моим началом флот в три десятка кораблей, в основном это войсковые транспорты и штурмовые носители Альянса, переоборудованные, как ты только что выразилась, для контрабандной доставки грузов.

– И ты так спокойно говоришь об этом?!

– Да, я абсолютно спокоен. И тебе советую взглянуть на ситуацию с точки зрения здравого смысла. Когда погибла твоя мама, мне пришлось заботиться о тебе. На опустошенной, выжженной дотла планете, где нет правительства, нет власти, нет работы, где люди умирали каждый день от голода и болезней. Ты сейчас разговариваешь со мной осуждающим тоном, но я не обижаюсь. Твоя жизнь прошла не тут, у тебя иные взгляды на мир, иные ценности. Откуда они взялись?

– Так меня воспитали на Элио.

– Правильно. И я счастлив. Иначе ты сейчас в лучшем случае была бы одним из пилотов-контрабандистов. Совершала бы рейсы в неисследованные секторы, где полно боевой техники времен войны. Здесь карантинные секторы периферии, Айла. Постарайся понять: чтобы переселиться на Элио или Кьюиг, нужны были деньги. Никто никого не принимал бесплатно.

– Ты заплатил за мое обучение?

– Да. Много лет назад мы с дядей Фолером нашли место вынужденной посадки нескольких космических кораблей Альянса. Один из них удалось отремонтировать, перегнать на орбиты Элио, а затем продать. Фолер сделал это сам, пока я лежал в госпитале после полученного ранения. Вырученных денег хватило, чтобы устроить твою судьбу и отремонтировать второй корабль. Затем наши пути разошлись, что, впрочем, не имеет значения. Фолер занялся межзвездной торговлей, а я остался тут… Каждый выживал как мог. Нас всех бросили, предоставив самим себе. Прежде чем обрести ту власть и положение, о которых ты так презрительно высказалась, я побывал в соседних звездных системах, на планетах, где полно боевых машин. Поверь, там нет ничего, способного возродить даже малую травинку. Реликтовые кибермеханизмы могут только уничтожать. И еще, запомни, пожалуйста: я не стыжусь того, что делаю, – мир от этого становится чище, да и у людей появилась работа, пусть рискованная, но дающая надежду на будущее. Они теперь могут прокормить свои семьи…

– Но контрабанда оружия – это преступление!

– С точки зрения Центральных Миров, – на удивление мягко поправил ее отец. – Здесь иная реальность, Айла. Кроме Эрлизы существует еще множество планетных поселений, в разных звездных системах. Нас объединяет лишь одно – мы все беззащитны перед угрозой вторжения извне. А оно может произойти в любой день. Мы очищаем космос от наследия войны. Мы даем возможность людям, живущим в других мирах, защитить себя в случае агрессии. Даже здесь, на Эрлизе, безоружный человек, оказавшийся в пустошах, рискует погибнуть. Где гарантия, что один из сервов, брошенных отступавшими силами Альянса, не выйдет из энергосберегающего режима и не возобновит выполнение боевых программ?

– А их много?

– Кого? Сервов? – Вайбер встал, подошел к окну. – Полно. Каждый день в пустошах происходят столкновения. Теперь понятно, почему я злюсь и беспокоюсь за тебя?

– Извини, – Айла подошла к отцу, встала рядом, глядя на смутные очертания ночного города. – Но я прилетела навсегда. Хочешь ты того или нет.

– Почему бы тебе не вернуться на Элио, дочка? Там тоже нужны дипломированные специалисты.

– У меня есть мечта, папа. Что бы ты ни говорил, я многое помню. Эрлиза – моя родина. Я хочу помочь своей планете.

– Ты выросла в совершенно иных условиях.
– Пап, не нужно. Элио – хорошая планета. Но я хочу жить здесь.
– В пустыне?
– Пустыню можно преобразить.
– Интересно, как? Незавершенное боевое терраформирование – это приговор на века. Уж поверь мне, я повидал с десяток планет, подобных нашей. Биосферу легко уничтожить, но восстановить…
– Я знаю способ, – прервала его Айла. – На вооружении Земного Альянса состояли станции боевого терраформирования класса «Эдем». Если отыскать одну из них, изучить аппаратуру, понять технологии, то жизнь вернется не только на Эрлизу, но и на другие опустошенные войной миры.
– Я слышал об «Эдемах», но сомневаюсь, что эти станции уцелели. После войны никто не находил даже обломков этих конструкций.
– Пап, я все понимаю. Но дай мне шанс.
– Шанс? Каким образом?
– У тебя есть флот. Твои разведчики посещают карантинные миры. Я хочу присоединиться к ним, чтобы искать информацию, которая поможет вернуть хотя бы одну станцию терраформирования.
– Айла, ты сама не понимаешь, о чем просишь! – вспылил Генрих. – Карантинные миры – это техногенный ад, где сонмища механизмов продолжают воевать друг с другом! Я не пущу тебя туда!
– Слушай, я уже взрослая, ты не заметил?! Мне двадцать лет! Не хочешь помочь? Ладно! – Она схватила сумочку, поправила кибстек на запястье. – Ужинай без меня!

* * *

Генрих Вайбер остался один.
Он смотрел в окно, видел, как флайкар дочери выехал с парковки и свернул на дорогу, ведущую к городу.
– Пусть. – Он упрямо поджал губы. – Пусть посмотрит на ночную жизнь, увидит, каково приходится оставшимся тут. Может, она сумеет что-то понять, а может, просто успокоится, откажется от бредовых идей по спасению мира.
Он не подозревал, что вместе с Айлой на Эрлизу вернулась и другая часть прошлого.
…
Космос необъятен, а вот мир человеческий тесен, даже если он существует в необозримом просторе Галактики.

Два дня назад, встречая дочь, Генрих лишь вскользь обратил внимание на одного из пассажиров, прибывших тем же рейсом, что и Айла. Сидя в прохладном салоне мощного флайкара, Вайбер вдыхал очищенный системой жизнеобеспечения воздух, то и дело посматривая на прозрачный тоннель герметичного перехода, соединяющего стартопосадочную площадку с недавно восстановленным административным зданием, к которому примыкал зал прибытия.

Орбитальный челнок совершил посадку четверть часа назад, но первые пассажиры только сейчас появились в прозрачном тоннеле.

Я же ясно распорядился отменить все формальности для этого рейса!.. – с нотками раздражения подумал Генрих. Сильный западный ветер нес с пустошей клубы песка и пыли, звезда Онтарио, застывшая в зените, выглядела красноватой, реальность солнечного дня то и дело погружалась в багряные сумерки.

Если бы не проклятая, вездесущая пыль, поднимаемая ветром с мертвых пространств, он бы встретил дочь прямо на посадочном поле, но в такую погоду даже несколько шагов от трапа челнока к флайкару могли повредить здоровью человека, поэтому ему пришлось ждать у выхода герметичного тоннеля, под куполом суспензорной защиты, автоматически включающемся при песчано-пылевых бурях.

Первым в устье герметичного перехода на ступенях неработающего эскалатора появился худой, высокий мужчина. Одет он был скромно, без претензии на элегантность, вещи, как мысленно отметил Вайбер, новые, добротные, но какие-то грубые, как будто казенные.

Пассажир рейса Стеллар – Элио – Эрлиза остановился на нижней ступеньке эскалатора. Короткий ежик едва отросших седых волос, характерный бронзовый загар, заметный на лице, выдавали в нем космического скитальца, путешествующего по разным мирам разоренной войной Галактики, но странная одежда, сдержанная скупость движений, невыразительный, как будто отстраненный от реальности, направленный внутрь себя взгляд, необычная худоба делали облик незнакомца загадочным, поневоле привлекающим внимание.

Если бы Вайбер помнил лица всех людей, с кем ему доводилось встречаться, он бы несомненно узнал его и наверняка бы вздрогнул от внезапного предчувствия беды, но память человеческая прихотлива, избирательна, она стирает многие образы, – чтобы узнать странного путешественника, Вайберу пришлось бы мысленно отмотать время на двенадцать лет назад, вспомнить, с чего начинался долгий, тернистый путь, превративший Генриха в неофициального правителя планеты.

Он не стал вспоминать. В тоннельном переходе наконец-то показалась дочь, и вот тут он вздрогнул, окружающее поблекло, стало неважным, незначительным, – Айла даже издали была поразительно похожа на мать, и Вайбер не удержался, открыл дверь флайкара, поспешив ей навстречу. Его узнавали, люди почтительно расступались в стороны, даже неугомонные крикливые водители частных флайботов, для которых редкие прибытия пассажиров являлись единственным источником дохода, и те утихли.

Минутным замешательством толпы встречающих воспользовался странного вида незнакомец. Окинув взглядом с десяток машин, украшенных броскими надписями, обещающими доставить пассажира в любую указанную им точку планеты за минимальную плату, он безошибочно выбрал ту, что находилась в наиболее сносном техническом состоянии, и, подойдя к ее хозяину, негромко произнес несколько слов.

Тот поначалу опешил, попытался отмахнуться от клиента, словно от сумасшедшего, но вид нескольких мерцающих купюр банка Галактика-центр быстро вернул ему сговорчивость.

…

Через некоторое время пространство под куполом суспензорной защиты опустело.

Генрих Вайбер встретил дочь и увез ее в свой загородный дом, затемнив стекла машины и выключив обзорные экраны, чтобы не травмировать девушку унылыми пейзажами руин мегаполиса и видом набирающей силу пылевой бури, в которой затерялся флайбот, взявший курс сначала на пустоши, а затем к побережью, где много лет назад совершили вынужденную посадку два космических корабля Альянса – штурмовой носитель и войсковой транспорт.

* * *

Флайбот достиг западного побережья поздно вечером, уже на закате.

Пылевая буря осталась далеко позади, звезда Онтарио клонилась к горизонту, фиолетовые краски полыхали в небе, волны, накатывающиеся на галечный пляж, переливались лиловым сиянием.

Фриган – хозяин аэротакси – так и не сумел вызвать на разговор своего пассажира и потому необоснованно злился, напустив на себя мрачный вид. На самом деле сегодня ему крупно повезло, – подняв машину над облаком пылевой бури, он почти ничем не рисковал, а денег, полученных от незнакомца, ему бы не заработать и за полгода.

Когда за пассажиром закрылась дверь, он все же не выдержал, вылез наружу и крикнул вслед удаляющемуся человеку:

– Послушай, там с самой войны никто не живет! Фермы разрушены, все заброшено!

Незнакомец остановился.

– Я не ищу селений, – ответил он, обернувшись. Все же в словах хозяина флайбота была изрядная доля здравого смысла. Погрузившись в свои мысли, путешественник не подумал о возвращении.

– Так мне подождать?

– Не знаю…

Фриган только развел руками. В его душе боролись два чувства: с одной стороны, он хотел заработать еще, понимая, что незнакомцу просто некуда деваться, а с другой, он испытывал подсознательную оторопь, которую вызывал молчаливый, погруженный в свои думы странноватый пассажир.

– Скажи хоть, как тебя зовут.

– Зачем?

– Ну, не знаю… Спасатели вряд ли полетят сюда, если им не назвать хотя бы имени пропавшего.

Незнакомец на миг задумался, а затем ответил:

– Меня зовут Глеб. Фамилия – Дымов. Спасатели мне не потребуются, – добавил он, доставая бумажник, – а вот связь нужна. У тебя есть спутниковый коммуникатор?

– Есть, – Фриган на всякий случай отступил к открытой дверце флайбота, чтобы успеть незаметно выхватить оружие.

– Продай его мне. В городе купишь себе другой.

– Ну, даже не знаю…

– Ты не ломайся. Я нормально заплачу.

– Ладно, – Фриган достал коммуникатор, проверил наличие сигнала и протянул его Глебу. – Только учти, захочешь, чтобы я тебя забрал, будешь платить в оба конца.

– Договорились, – не стал спорить Дымов. Он взял коммуникатор, отдал деньги и добавил: – А теперь улетай. Я хочу побыть один, понимаешь?

* * *

Когда флайбот превратился в темную точку, Глеб уже спускался по размытой дождями каменной осыпи к полоске галечного пляжа.

Он не помнил эвакуацию с Роуга, и уж тем более не узнавал окрестности, – ведь к моменту крушения он находился в состоянии низкотемпературного сна, под опекой системы поддержания жизни

консервационного модуля, однако запоминающее устройство его импланта сохранило и звездные координаты системы, где произошла катастрофа, и географические сведения, связанные с конкретной планетой.

Тысячи раз, находясь в заключении, он мысленно «просматривал» скупую информацию, записанную непосредственно в его память, пытаясь понять или представить, что же произошло на самом деле, как он оказался сначала на другой планете, а затем в плену?

Он помнил бой на Роуге, помнил свое отчаяние, желание раз и навсегда покончить с затянувшимся кошмаром, помнил и действия боевого интеллекта серв-машины, спасшего пилота вопреки его воле.

Если Нике действительно были доступны чувства, то она любила Глеба. Любила по-своему, и тут крылся парадокс, – люди утратили многое, стали циничны, холодны и жестоки друг к другу, а машины – боевые машины, – читая подсознание пилота, анализируя память человека, напротив – формировали нелогичные, несвойственные им мотивы для будущих поступков.

Она подарила мне второй шанс, вторую жизнь, не приняла мой разум на свои носители. На тонкой грани между жизнью и смертью искусственный интеллект «Одиночки» отверг самоубийственный приказ пилота, как будто Ника имела право приказать ему: «Живи, Глеб»… а сама?

Он помнил лишь несколько секунд, подаренных ему прихотью сознания уже после того, как спасательная капсула совершила жесткую аварийную посадку.

Боевой скафандр потерял герметичность, едкий дым вызывал мучительный кашель, над головой, освещая истерзанное разрывами горное плато, рос силуэт огрызающегося огнем штурмового носителя, а его «Фалангер», управляемый Никой, припадая на поврежденный ступоход, уходил прочь, в сторону непонятных построек, вызывая на себя огонь противника.

Дальше в сознании зиял провал беспамятства.

Глеб понимал: основные ударные силы прорвались к планете уже после его катапультирования, сражение за Роуг продолжалось, а его спасательную капсулу эвакуировал один из «Нибелунгов», участвовавших в битве, иначе консервационный модуль до сих пор лежал бы на другой планете, среди разбитых вражеских укреплений. Не было бы ни плена, ни подземных уровней Форта Стеллар, ни мнемонических допросов этого садиста Ланге…

Жизнь, подаренная боевым интеллектом серв-машины, оказалась

полной невзгод, предельных испытаний для души и тела, но Глеб не винил Нику. Она имела право на поступок. Жертвуя собой ради человека, искусственный интеллект доказал, что он – нечто больше, чем управляющая кибернетическая система «Фалангера».

Десять лет он провел в камере низкотемпературного сна, где-то в бункерах тюремного комплекса Форта Стеллар. Когда пришла его очередь на пробуждение, Глеб в качестве подопытного попал в лаборатории Джедиана Ланге – внучатого племянника адмирала Воронцова, который работал над созданием мыслесканера. Джедиану были необходимы такие «образцы», как Дымов, – привычные к мнемоническому контакту, устойчивые психологически.

Обычно из лабораторий Ланге в здравом рассудке не выходил никто, но Глеб выстоял. Он сумел симулировать временное психическое расстройство, был признан непригодным для ответственных опытов и депортирован в систему Элио, где полтора года проработал на одном из орбитальных заводов.

Его сознание сильно изменилось за два года субъективного времени, прошедших, по внутренней оценке Дымова, с момента последнего боя на Роуге. Внутренние приоритеты еще больше сместились в сторону мыслящих машин, которые на поверку оказались надежнее, честнее и, как это ни горько, человечнее, чем сами люди.

Сопротивляясь на мнемонических допросах, Глеб на самом деле едва не потерял рассудок, но он не выдал информации, касающейся Роуга, зато узнал, что планета в данное время находится на бессрочном карантине. Слушая разговоры Джедиана, который не стеснялся своих подопытных, считая их потенциальными покойниками, он как-то раз стал невольным свидетелем беседы адмирала с племянником. Оказалось, что на Роуге до сих пор скрыто нечто исключительно важное, созданное самими колонистами, но вышедшее из-под контроля и оккупировавшее планету еще в период войны.

Для Дымова решить задачу с одним неизвестным не составляло труда. Штурм планеты показал, что горная страна, превращенная в сплошной укрепленный район, полна неизвестных ранее кибернетических созданий, кроме того, он своими глазами видел космоверфь и пять космических кораблей невиданной, *нечеловеческой* конструкции, а также – тщательно замаскированные промышленные комплексы, где, очевидно, изготавливались узлы и агрегаты тех самых кораблей.

Кто создал их? Искусственные интеллекты?

Сложный вопрос.

Глеб знал, что специальные подразделения флота Свободных Колоний на протяжении войны работали над созданием собственных систем «ИИ», способных противостоять модулю «Одиночка».

В августе 2624 года силами седьмого ударного флота Альянса была атакована планета Анкор. В удаленной звездной системе, на превращенной в исполинский полигон планете, куда доставлялись трофейные серв-машины Земного Альянса, шли исследования созданных на Юноне модулей искусственного интеллекта, предпринимались попытки их адаптации для управления колониальной техникой, а также создания «урезанных» версий «Одиночек», эффективных в бою, но лишенных возможности самостоятельного принятия решений.

Захват планеты десантными группами Альянса не удался. Тринадцатый серв-батальон, принявший на себя главный удар, был уничтожен, Анкор подвергся бомбардировке из космоса.

Силы Альянса взяли под контроль космическое пространство системы, но попытки восстановить на планете какие-либо производства не предпринимались.

В той акции флота принимали участие первые опытные образцы модуля искусственного интеллекта «Beatris-4», впоследствии принятого на вооружение и ставшего основой для более поздних модификаций.

О событиях на Анкоре Глеб узнал еще до того, как попал в систему Элио на принудительные работы, от одного из заключенных Форта Стеллар. Парень служил техником на флагмане седьмого ударного флота – крейсере «Апостол», которым в тот период командовал адмирал Купанов.[22]

Сейчас невольно вспоминались мысли, приходившие в голову накануне того последнего боя на Роуге.

Горная страна, превращенная в сплошной укрепленный рубеж, кишела кибернетическими механизмами, но за все время боев не поступало никаких разведывательных данных о присутствии на Роуге людей.

Возможно, планета была превращена в испытательный полигон для новых образцов техники? В таком случае резонно предположить, что необычные сервы, атаковавшие батальон, и виденные Глебом космические корабли, – это машины, созданные самими машинами?

* * *

Спускаясь по высохшему руслу реки, Дымов в глубине души надеялся на чудо.

Из информации, записанной непосредственно в память через устройства импланта, он знал, что штурмовой носитель разбился при

вынужденной посадке на Эрлизу. Последние полтора года Глеб жил надеждой, что, добравшись до места катастрофы, найдет обломки «Нибелунга», а среди них – свой подбитый «Фалангер».

Поступки Дымова лишь частично основывались на логике.

Зачем бывшему капитану Земного Альянса, а ныне – гражданину планеты Элио, искупившему военные преступления заключением и исправительными работами, вдруг понадобилось искать поврежденную в бою серв-машину?

Нет, он не намеревался мстить, не жаждал крови, не хотел *войны*.

Он искал утраченную частицу себя, вторую составляющую разума и, наверное, души – кристаллосферу «Одиночки», искусственный интеллект боевой машины, а если быть точнее – Нику, чей туманный образ не давал сойти с ума в периоды боев, без кого он страдал в затишьях между схватками, кто делил с ним все: горе, радости, разочарования, боль, надежды, мечты…

Глеб не считал себя душевнобольным. Он четко различал «Одиночек», понимал, что большинство боевых искусственных интеллектов на самом деле жестокие, хладнокровные убийцы, и никогда не оспаривал этого факта, но модули «Beatris» всегда стояли особняком от прочих порождений военной технической мысли.

Избыточно мощные, оснащенные огромным количеством искусственных нейронных модулей, они, вступая в прямой нейросенсорный контакт с человеком, накапливали в нейросетях не только боевой опыт, – они как губка впитывали разум и душу своих создателей, стремительно взрослели, но зачем?..

В каких целях был спроектирован модуль «Beatris», не знал никто, кроме руководителя секретных лабораторий планеты Юнона Дейвида Фарагнея, но его уже не спросишь – Фарагней пропал без вести в период штурма Линии Хаммера флотом Свободных Колоний.

Глеб чувствовал себя опустошенным и никому не нужным – вот главный мотив, толкнувший его на поиски. Пережив губительные эксперименты Джедиана Ланге, он стал еще нелюдимее, сторонился всех, окончательно утратив веру в человеческие отношения.

Он был чужим везде, даже на Элио, где, по сравнению с другими мирами, к бывшим офицерам Альянса относились достаточно терпимо.

Иногда в тревожных снах ему грезилось, что, отыскав свою «Beatris», он сумеет найти если не счастье, то хотя бы душевный покой, где-нибудь подальше от злобной, суетливой жизни, на какой-нибудь заброшенной космической станции.

Мысли о планетах вызывали у Глеба стойкую неприязнь. Как ни парадоксально – он любил природу, но природу особенную, – стерильную, избирательную, такую, какая обычно культивировалась в космических поселениях или бункерных зонах.

Даже сейчас, спускаясь по каменной осыпи, он чувствовал соленое дыхание океана, иногда ветер доносил со стороны горных склонов запахи мертвой древесины, и ему становилось дурно.

В конечном итоге он усилием воли подавил подступивший к горлу комок.

Впереди темнели скалы, по прибрежной полосе тянулся глубокий шрам, оставшийся после аварийной посадки космического корабля, и сердце Дымова встрепенулось, забилось чаще. Он никогда не верил в чудеса, но логика подсказывала, что технические сервомеханизмы эвакуировали с Роуга не только консервационные модули спасательных капсул с людьми, но и годные для ремонта машины подразделения.

В подкравшихся сумерках ему пришлось задействовать сканеры кибстека и волевым усилием переключиться на «мысленное зрение», благо тренированный рассудок пилота без труда совмещал показания приборов, транслируемые через имплант, с образами, получаемыми от зрительного нерва.

Неровные выступы скальных пород, словно застывшие каменные волны, возвышались над полоской галечного пляжа, постепенно истончаясь в сторону линии прибоя. В двух местах слоистые горные породы были разорваны широкими пробоинами, подле которых валялись каменные обломки с острыми краями, еще не ошлифованными волнами.

Не два, а три корабля совершили тут вынужденную посадку. Следы катастрофы ясно указывали, что автопилоты как минимум двух судов либо не работали, либо не имели возможности контролировать процесс снижения.

Глеб прошел через ближайшую брешь в скалах и остановился.

Множество деталей сразу же привлекли его внимание: острый щебень разбитых скальных пород был перемешан с крупными хлопьями окалины, осколками керамлитовой брони, кое-где датчики кибстека фиксировали погребенные под гравием остовы ремонтных и охранных сервомеханизмов. Выщербины на скалах и несколько остекленевших воронок свидетельствовали о бое, произошедшем между сервами и неизвестной силой.

Глеб застыл, не в силах справиться с жестоким потрясением.

Корабли исчезли.

Миг, ради которого он выжил в подземельях Форта Стеллар, все его надежды и чаяния обернулись тщетой.

Он присел на острый обломок скалы, замешательство переросло в минутное отчаяние, он совершенно не представлял, что делать теперь, как жить дальше?..

Из тяжкого оцепенения его вывел внезапный звук.

Глеб, погрузившийся в безрадостные мысли, поначалу не понял, откуда исходит назойливый тоновый сигнал, затем вспомнил о спутниковом коммуникаторе, купленном у хозяина аэротакси.

Сунув руку в карман куртки, он достал прибор связи и, коснувшись сенсора, ответил:

– Да?

Скорее всего, ошиблись или вызывают прежнего хозяина, – подумалось ему, но незнакомый голос, вежливо поздоровавшись, внезапно заявил:

– Глеб Дымов, если не ошибаюсь?

– Допустим.

– У меня к вам дело.

– Я вас не знаю, и общих дел у нас нет, – сдержанно ответил Глеб и собрался прервать связь, но незнакомец оказался настойчив.

– Не отключайтесь. У нас действительно есть о чем поговорить.

Дымов убрал палец с сенсора.

– Хорошо. Заинтересуйте меня.

– Попробую. Допустим, я знаю, что вы ищете. Вероятно, вас интересуют корабли, потерпевшие крушение на побережье в последний год войны. Вы ведь вернулись отомстить тому, кто продал вас в рабство? Хотите, назову его имя?

– Сначала представьтесь сами.

– Считайте меня своим доброжелателем.

Глеба разозлил такой ответ.

– Я не веду никаких дел с анонимами, – резко произнес он. – Это во-первых…

– А во-вторых?

– Во-вторых, не надо держать меня за идиота. На Эрлизе осталось не так уж много жителей. А спутниковым коммуникатором обладает далеко не каждый. Цифры номера у меня определились, так что поиск абонента не займет много времени.

– И что?

– Если мне вдруг потребуется информация – я буду знать, к кому

обратиться.

На несколько секунд в разговоре возникла пауза.

– Ну, хорошо. Только не подумай, что я испугался, – в голосе незнакомца послышались злобные нотки, исчез даже намек на вежливость. – Меня зовут Дик Фолер. А в рабство на Стеллар тебя продал Генрих Вайбер, мой бывший компаньон.

– Куда делись корабли с побережья?

– Он их продал. Как и десятерых раненых офицеров Альянса. Генриху нужны были деньги, чтобы отправить свою дочку учиться на Элио. Можешь проверить информацию. Ее зовут Айла. Айла Вайбер.

Глеб криво усмехнулся.

Опять его пытались использовать грязным и незамысловатым способом. Роковая ошибка, которую уже не раз допускали в отношении Дымова, считая, что все человеческие пороки и слабости присущи бывшему офицеру Альянса в полной мере.

– Ты тупой и опрометчивый тип, Фолер, – не выдержав, ответил Глеб, быстро проанализировав ситуацию. – Хочешь убрать конкурента моими руками? Не выйдет. А теперь послушай, что я тебе скажу. Мне нужна подробная информация о грузе и боевой комплектации штурмового носителя «Нибелунг-29NT», совершившего вынужденную посадку на побережье. Ты понял? У тебя есть час на поиски необходимой мне информации.

– А если я ничего тебе не сообщу?

– В таком случае я отправлюсь прямиком к Вайберу и передам ему наш разговор.

– Он тебе не поверит.

– Поверит. Мой кибстек ведет автоматическую запись.

На этот раз пауза в разговоре длилась несколько дольше.

– Ладно, – Фолер разочарованно вздохнул. – Я думал, ты прилетел мстить. Что ж, ошибся, со всяким бывает.

– Мне нужна информация, – напомнил Глеб.

– Скажи, что именно ты ищешь. Быстрее получишь ответ.

– Меня интересует дальнейшая судьба поврежденных серв-машин с борта «Нибелунга».

– На борту штурмового носителя не было ни одного тяжелого сервомеханизма, – уверенно ответил Фолер.

– Ты не ошибаешься?

– Я же сказал, что был напарником Вайбера, – ворчливо отозвался Фолер. – Мы вместе уничтожили сервов охраны, чтобы добраться до

кораблей на побережье. Меня ранило, а он воспользовался случаем и все прибрал к рукам.

– В таком случае откуда ты знаешь, что на борту носителя не было тяжелых машин?

– Видел своими глазами. Все технические боксы и ангары планетарной техники были пусты. Сервы даже вытащили часть стационарного оборудования из отсеков, чтобы залатать трещины в корпусе.

Значит, мой «Фалангер» остался на Роуге!.. – обожгла разум Глеба мгновенная мысль.

– Послушай, Фолер, чем ты зарабатываешь на жизнь? – Он мгновенно сориентировался в обстановке и начал действовать, еще не до конца осознавая все детали интуитивно сформировавшегося плана.

– Содержу оружейный магазин.

– Торгуешь трофеями, оставшимися после войны?

– Верно.

– Но на Эрлизе не велось серьезных боев. Значит, оружие с других миров?

– Это уже не твое дело. Я попробовал тебя использовать, признаю. Не получилось, жаль. Но мы теперь квиты, верно?

– Квиты, – легко согласился Глеб, – но есть повод продолжить разговор.

– Назови его.

– Роуг. Слышал о такой планете?

– Естественно. Гиблое место. Карантинный мир. Туда не сумел прорваться ни один корабль.

– Я знаю безопасный курс, от точки гиперсферного всплытия до границ атмосферы. Можешь не рассказывать о батареях противокосмической обороны, о них я тоже знаю.

– И твой курс каким-то образом минует секторы обстрела системы ПКО? – недоверчиво переспросил Фолер.

– Да, – уверенно ответил Глеб.

– Это очень ценная информация. Что ты хочешь взамен?

– Мне необходимо попасть туда.

– На Роуг? – удивился Дик.

– Да.

– Хорошо, нужно подумать. На слово я никому не верю. Потребуется время, чтобы проверить твои данные. Давай договоримся так: сейчас за тобой прилетит тот же парень, что продал тебе коммуникатор. О делах

лучше беседовать при личной встрече.

Глеб окинул взглядом пустынное побережье и кивнул:

– Я согласен.

* * *

Как говорят: мир тесен.

Припарковав флайкар у недавно отремонтированного здания, Айла прошла контроль на входе, заплатила за билет и внезапно окунулась в совершенно иную атмосферу. Серый, унылый, полуразрушенный город, окруженный пустошами, исчез, растворился в звуках энергичной музыки, сполохах голографических спецэффектов, мелькании незнакомых лиц.

Пробравшись через танцпол, она осмотрелась. «По меркам аналогичных заведений Элио, клуб не самый продвинутый, – подумала она, – но для Эрлизы более чем нормально, даже как-то непривычно, ощущение такое, словно попала на пир во время чумы».

Не заметить резкого контраста между тяжкой, давящей обстановкой руин мегаполиса, где люди – лишь серые тени, изредка попадающиеся на глаза, и феерией плещущих тут эмоций мог бы только слепой. Пробираясь между танцующими, Айла видела, что люди улыбаются, их глаза блестят, словно нет вокруг мертвого, катящегося к закату мира, нет пустошей, а есть только этот миг, и лазерные лучи, режущие сумрак, рассыпающиеся брызжущими, прозрачными оттенками всех цветов радуги, способны дарить забвение, отодвигать безысходность на второй план существования…

Девушка даже немного растерялась. Она чувствовала себя так, словно вторглась в совершенно чуждую ей реальность, куда ее никто не звал.

Хватит уже… – мысленно одернула себя Айла. – *Обычный ночной клуб. Что ты ожидала тут увидеть?*

За площадкой танцпола огромное помещение продолжалось. У стен в сгущающемся сумраке смутно прорисовывались компьютерные терминалы, за некоторыми из них сидели посетители, их отрешенные, ничего не выражающие лица с застывшими чертами указывали, что разум пользователей погружен в виртуальные реальности, – соединившись через устройства связи своих имплантов с местной кибернетической сетью, они ускользнули из мира физического, растворяясь во вселенной грез.

Ближе к центру помещения располагались столики. Большая часть их пустовала, лишь кое-где мерцание стасис-поля указывало на присутствие посетителей, решивших, что рвущиеся со стороны танцпола звуковые волны мешают их разговору, и только в одном месте открыто веселилась

группа молодых людей, к ним то и дело подбегали сервы, поднося еду и напитки.

Айла ощутила голод. Целый день на ногах, дома поужинать не удалось, – она направилась к ближайшему свободному столику, и тут ее внезапно окликнули по имени.

Она удивленно обернулась.

Мерцание защитного экрана, только что работавшего в нескольких метрах от нее, неожиданно погасло.

Она увидела четырех молодых мужчин, один из них как раз вставал со своего места, звуки, доносящиеся со стороны танцевальной площадки, в этот момент стихли – завершилась очередная композиция, а он, не скрывая внезапного замешательства, вновь полуутвердительно окликнул ее:

– Айла?!

В его голосе слышалось изумление и недоверие.

Она присмотрелась. Определенно, что-то смутно знакомое угадывалось в чертах лица широкоплечего парня, затем память внезапно вытолкнула из своих глубин уже почти забытый образ, и она невольно прижала руки к груди, так же изумленно и недоверчиво посмотрев на него:

– Энтони?!

Вот так встреча! Она вдруг отчетливо вспомнила двенадцатилетнего мальчишку, с которым они часто играли, сбегая от родителей…

– Айла! Глазам не верю! – Энтони выглядел растерянным, а у нее на душе внезапно потеплело, словно под напором вырвавшихся детских воспоминаний поблекли, отдалились все проблемы утомительного, казавшегося бесконечным дня.

– Энтони?! Энтони Хоук!.. – Она улыбнулась, искренне, неподдельно обрадовавшись негаданной встрече. Если и был на Эрлизе человек, кого она действительно хотела бы увидеть, так это его – мальчишку из детства…

Он подошел и вдруг смутился, не зная, что делать или говорить дальше.

– Ты… как здесь?

– Да вот, зашла, хотела отдохнуть… – Айла сама чувствовала, что растерялась.

– Идем к нам! Ты одна?

– Одна, – робость внезапно отступила, на душе стало так тепло… – Ну, что же ты? Познакомишь с друзьями?

– Конечно!

Он подвел ее к столику, представил.

Трое молодых мужчин по-разному восприняли появление Айлы.

– Андрей Кирсанов, – равнодушно отрекомендовался тот, что сидел справа. Назвав свое имя, он отвернулся, думая о чем-то своем.

– Присаживайся! Меня зовут Олег. Фамилия – Миллер. А ты действительно дочь Генриха Вайбера?

Айла кивнула, хотя меньше всего ей сейчас хотелось пользоваться именем отца.

– Это не имеет значения, – она присела в предложенное кресло, которое притащил вынырнувший из сумрака серв.

– Алан Рейли, вольный пилот, как и Энтони, – представился третий.

Вновь наступила неловкая пауза, которую несколько сгладило появление кибермеханизма, доставившего поднос с напитками.

– Айла, давай, за встречу! – глаза Энтони блестели неподдельной радостью, и она кивнула, соглашаясь.

Хрупкая наледь отчуждения немного подтаяла.

Поначалу говорили ни о чем, настороженность, исходящая, как показалось Айле, от Андрея Кирсанова, мешала перейти на свободный тон общения, хотя тот больше молчал, лишь изредка с подозрением поглядывая на девушку. Рейли и Миллер оказались более разговорчивыми, Энтони же вообще болтал без умолку, перескакивая с одной темы на другую. За пять минут он успел рассказать остальным, как дружили они с Айлой в детстве, похвастаться ей, что он стал пилотом, упомянуть имя Дика Фолера и как минимум дважды произнести тосты.

У Айлы начала кружиться голова. Незнакомый напиток оказался крепким, содержащим алкоголь, сознание как будто окуталось дымкой, но моральное напряжение наконец отпустило, словно растворилось в легком дурмане, и через некоторое время она уже непринужденно болтала с ребятами.

– Так чем ты занимаешься, Энтони? – спросила Айла, жестом подзывая серва, чтобы заказать себе что-нибудь из еды.

– Торгую оружием. Совершаю вылазки в неисследованные сектора! – гордо выпалил Хоук, не обращая внимания на укоризненный взгляд Кирсанова.

– Вылазки? В космос?! У тебя есть корабль? – Айла была искренне удивлена.

Энтони горделиво кивнул:

– Налей, Алан. Удивительно, как мы повзрослели. Глазам не верю.

– Ты не ответил на вопрос.

Хоук выпил.

– Айла, помнишь разбившийся войсковой транспорт? Он врезался в

дорожную развязку на окраине Эрла.

– Конечно, помню! Мы ведь играли в детстве на его обломках! Такое сложно забыть…

– Я отремонтировал его.

– Серьезно?! Тот самый корабль?! Он теперь твой?!

– Ну, не совсем… – смутился Энтони. – В смысле, корабль-то мой, но я еще должен за его ремонт определенную сумму. Хотя не важно…

Мысли Айлы вдруг вернулись в прежнее русло.

– Слушай, а на других планетах тебе встречались биологические комплексы, созданные аппаратами боевого терраформирования?

– Конечно! Я даже знаю, что где-то в нашем секторе дрейфует станция «Эдем». Мне Клайвек о ней рассказывал. – Хоука «понесло», он говорил, уже не обращая внимания ни на кого, кроме Айлы. – Клайвек даже на борт поднимался, но там все сильно разрушено.

– А координаты? Ты можешь точно узнать, где находится станция? – глаза Айлы заблестели.

– Не сейчас, – Энтони вновь наполнил бокалы. – Клайвек вернется только через неделю. Да и я сегодня утром ухожу в рейс.

– Ты улетаешь? – огорчилась Айла.

– Ну да, – Хоук приосанился. – Мы отправляемся на одну из карантинных планет…

– Энтони, много болтаешь, – попытался осадить его Алан.

– Да ладно тебе. Это же Айла! – он снова выпил.

У девушки все сильнее кружилась голова. Сознание «плыло», но некоторые образы прочно держались в рассудке.

«Если отец не хочет мне помочь с исследованиями, то, может быть, Энтони согласится? – подумала она. – А что, если наша встреча с Хоуком неслучайна?»

Мысли путались.

Она склонилась к Энтони, что-то прошептала ему на ухо, он на секунду задумался, но все же кивнул.

– Да, без проблем, Айла!

Его друзья недоуменно переглянулись, но вмешиваться не стали, они ведь не слышали, о чем попросила Хоука девушка.

Вечер продолжался. Серв убрал посуду, сменил столовые приборы, принес еще один поднос с напитками…

Айла никогда раньше не злоупотребляла алкоголем, но сегодня ей вдруг захотелось плюнуть на все, расслабиться, или это были уже не ее мысли?

Сложно сказать.

Реальность то отдалялась, погружаясь в сумерки оглушенного сознания, то резко возвращалась отдельными фразами, образами…

– Энтони, ты думай, что делаешь!.. – лицо Алана показалось ей злым.

– Не твоя забота! Корабль формально принадлежит мне!..

– Вот именно, «формально». Фолер вовсе не обрадуется, когда узнает…

– Да плевать… Я сказал, что Айла полетит, значит, так и будет!..

– Ребята… не ругайтесь…

Тьма…

Неизвестная точка пространства…

Айла проснулась с дикой головной болью.

Открыв глаза, она едва не вскрикнула. Ей понадобилось некоторое время, чтобы понять, где она находится, и вспомнить, что происходило накануне.

Взгляд медленно скользил по спартанской обстановке маленькой каюты. Бог мой, от переборок буквально дышало древностью. Низкий, давящий потолок со скошенными углами, тусклый, сочащийся от центральной панели свет, пластиковая облицовка стен, выцветшая какими-то пятнами и разводами, в одном месте следы давнего пожара, у входа – заваренная пробоина.

Догадка, обжегшая рассудок, на миг затмила боль и дурноту.

Неужели я на борту корабля? В космосе?!

Айла привстала, коснулась ногами пола, ощутила неприятный ноющий холод, поморщилась от новой вспышки боли в голове, тихо застонала, сидя на жесткой откидной койке.

Вчерашний вечер она помнила смутно.

Нет, подруга, так не пойдет. Одеваться, умываться, и…

Взгляд остановился на полуоткрытой стеновой панели, за которой пряталась неглубокая ниша. Обалдеть. Небольшое, похожее на раковину углубление со сливным отверстием. Над ним сомнительного вида треснувший выступ с коричневатыми потеками, похожими на ржавчину… Даже в мрачных недрах древнего цоколя, где она когда-то скрывалась от орбитальных бомбардировок, бытовые помещения содержались в большей чистоте, не говоря уж о ее маленькой, но уютной комнате в общежитии Академии Астронавтики, оставшейся за десятки световых лет отсюда, на планете Элио.

Умываться ей расхотелось, да и не факт, что тут есть вода. Благо в

сумочке нашлись разовые салфетки для лица и другие современные косметические средства.

Приведя себя в относительный порядок, Айла активировала выполненный в форме браслета кибстек и послала мысленный запрос в бортовую сеть, используя передатчик своего импланта:

– Энтони?

Один из точечных индикаторов кибстека вспыхнул веселой изумрудной искоркой, свидетельствуя об успешном соединении с бортовой сетью космического корабля.

– Привет, – ответил ей незнакомый голос. – Проснулась?

– Угу. А ты кто?

– Андрей, – скупо отрекомендовался собеседник. – Мы ведь вчера уже знакомились, – напомнил он. – Моя фамилия Кирсанов.

– Не помню, – призналась Айла.

– Самочувствие? – В голосе Андрея прозвучала ирония.

– Паршивое. Голова трещит.

– Ну, это поправимо, – в недрах переборки что-то глухо заскрежетало, затем послышался звук сжатого воздуха, и в открывшейся нише на выдвинувшийся из стены закругленный лоток выкатилась запечатанная пластиковая банка. – Выпей, помогает.

– Ага… Спасибо. – Айла осторожно, двумя пальцами взяла упаковку, подозрительно осмотрела ее. Кибстек, уловив направление мысли хозяйки, тут же активировал сканер, чиркнув лучом микролазера по зоне идентификации.

Нормально. Обычный тонизирующий напиток, дата изготовления недельной давности.

Айла вскрыла упаковку, через силу сделала глоток. Вкус оказался неожиданно приятным. Да и головная боль, вспыхнув с новой силой, вдруг начала затухать.

– А где Энтони? – спросила она.

– Полез в четвертый трюм. Что-то барахлит в управлении генераторами.

– Мы далеко от Эрлизы?

– Не очень. Пока ты спала, корабль погрузился в гиперпространство, но пришлось экстренно всплывать. Сейчас дрейфуем на удалении в семнадцать световых лет от условной границы Обитаемой Галактики.

Айла невольно вздрогнула.

– Мы уже в неисследованных секторах?!

– Точно.

– А связь? Каналы гиперсферных частот работают?

Кирсанов усмехнулся.

– Звонок папе? Нет, с этим придется подождать. Понимаешь, на все не хватает денег и запасных частей. Обычные передатчики Глеб заменил, а вот генераторы гиперсферных частот – устройства очень дорогостоящие.

Айла расстроилась. *ГЧ-связь не работает? Что за дикость?*

– Ладно. Спасибо за тоник.

– Да без проблем. Обращайся, если что понадобится.

Андрей отключился.

Вот вляпалась. – Айла еще некоторое время без сил сидела на краю жесткой откидной койки. Не зная, куда девать руки, она нервно скомкала косметическую салфетку, затем порывисто встала. Надо найти Энтони, задать ему пару вопросов.

* * *

Покинув тесную каюту, больше похожую на одиночную камеру для заключенного, девушка оказалась в длинном коридоре.

Здесь царил мягкий сумрак. Секции осветительных приборов работали в режиме энергосбережения. На стенах никаких декоративных изысков, панели облицовки серые, с белесыми разводами и рыжими потеками, в нескольких местах хорошо видны свежие заплаты – грубо вваренные листы пластика, резко отличающиеся по цвету от унылого серо-коричневатого фона.

За спиной Айлы с глухим мягким толчком затворился массивный овальный люк, ведущий в ее каюту.

Она оглянулась. Пустота помещений, атмосфера некоей таинственности начинали давить на нервы. Неожиданные толчки и вибрации, передающиеся по полу и переборкам, настораживали, требовали пояснения, – она не понимала, что именно происходит в данный момент, и вообще, если корабль вдруг начнет маневрировать, кто-то удосужится предупредить ее?

Нужно переговорить с Энтони, прояснить ситуацию. Романтическое приключение, на которое она решилась, поддавшись порыву эмоций, внезапно утратило шарм очарования.

Войдя в бортовую сеть, она запросила маршрут, ведущий к четвертому трюму. Кибернетическая система древнего войскового транспорта, к ее удивлению, отреагировала вполне адекватно: в кибстек автоматически загрузилась трехмерная модель основных внутренних коммуникаций, в сумеречном пространстве коридора тускло вспыхнула

сфера голографического монитора, визуализируя полученные данные.

Айла с интересом взглянула на предложенную схему. Изумрудный маркер отмечал ее местоположение, еще три похожих сигнала, помеченные именами, возникли секундой позже. Хоук находился совсем недалеко. Нужно пройти по коридору, спуститься через вертикальную шахту, затем на развязке низлежащего уровня свернуть направо. Все понятно.

Экономя автономный заряд кибстека, она отключила систему голографического воспроизведения, мысленно отметив, что ее права доступа к информации крайне ограниченны – бортовой кибернетический комплекс транспорта хоть и откликнулся на запрос, но предложенная им схема не давала никакого представления об истинных размерах и конфигурации космического корабля.

Со временем разберусь, – подумала Айла, подойдя к вертикальной шахте, ведущей на нижнюю палубу. – *Со временем?.. А сколько я тут пробуду?*

Скверные предчувствия не улучшили настроения, к тому же вместо элементарного гравилифта она увидела массивный люк в полу, рядом с которым на стене крепилась небольшая сенсорная панель со сканером.

По отпечатку пальца она срабатывает, что ли? – удивлению Айлы не было границ. – *Что за древность на самом-то деле?*

Она попробовала соединиться с устройством доступа через передатчик импланта, но система не отреагировала. Пришлось приложить палец к светящемуся окошку сканера.

Люк вздрогнул и с ощутимой вибрацией скользнул в сторону, открывая вертикальный колодец. Вниз уводила прикрепленная к закругляющейся стене лестница.

Уже ничему не удивляясь, Айла вздохнула и шагнула на нее.

* * *

Отыскать Хоука удалось достаточно быстро.

Четвертый трюм представлял собой огромное, пустующее в данный момент помещение. По стенам, лишенным какой-либо облицовки, змеились трубопроводы и кабели, освещение практически отсутствовало, в серой вязкой мгле, словно фрагменты скелета исполинского животного, выступали ребра жесткости каркаса, к которым крепилась внешняя обшивка корабля.

Заметив тусклое пятно света, Айла пошла в том направлении, осторожно пробираясь по узкому решетчатому выступу, огороженному низкими металлическими перилами.

Энтони действительно был занят ремонтом: в дальнем конце отсека у стены возвышался многоступенчатый выступ, собранный из цилиндрических форм разного диаметра. Часть кожухов, закрывавшая конструкцию, была снята.

– Привет! – Айла поискала взглядом, куда бы сесть. Искусственная гравитация работала примерно на половину обычной мощности, и стоять было неудобно, с непривычки создавалось ощущение, что сейчас оторвешься от пола, сделав всего лишь одно неловкое или резкое движение.

Не найдя ничего подходящего, она просто ухватилась рукой за крепежную скобу.

Хоук поднял голову.

– Ты?.. – Он отложил в сторону какой-то прибор, хмуро посмотрел на Айлу, потом вдруг улыбнулся.

– А здорово, что мы встретились, правда?

Его оптимизм был заразителен.

– Влетит нам обоим, как в детстве… – слабо улыбнулась она.

– Да. Твой отец меня точно по головке не погладит.

Айла зло сверкнула на него глазами.

– Что вы все заладили «отец», «отец»… Я уже взрослая, не заметил вчера?

– Заметил, – Хоук пристально посмотрел на девушку. – Да я и не жалею, что взял тебя. Только Андрей прав – там, на планете, опасно. Ты обещай мне, что подождешь нас на борту корабля, ладно?

– Ну уж нет! – возмутилась Айла.

Энтони сник.

– Ну, зачем тебе наружу?

– На планете, куда мы летим, есть биосфера? – вопросом на вопрос ответила Айла.

– Полный комплекс адаптивных генномодифицированных посадок, – кивнул Хоук. – Я лично там еще не бывал, но переданная мне информация…

– Жизнь на планете – результат боевого терраформирования, верно? – будто не слыша его, переспросила Айла.

– Да.

– То, что мне и нужно! Ты не беспокойся, я не стану вам мешать. Занимайтесь своими делами, я лишь возьму пробы грунта, соберу образцы растений для исследования. Обещаю, что далеко от корабля уходить не буду.

– Да я-то как раз не против. – Энтони виновато посмотрел на нее. – Но

у нас за наземную часть операции отвечает Миллер. С ним говорить надо.

– Вот и поговори. Ладно?

Энтони вздохнул.

– Поговорю. Только предупреждаю, выход наружу – в боевой экипировке, это без вариантов.

Она коснулась губами его щеки.

– У меня пять учебных высадок на планеты, – успокоила его Айла. – Не волнуйся. Проблем не будет.

Глава 5

Освоение карантинных миров стало задачей поколений.

Многие специалисты, особенно в послевоенные годы, утверждали, что боевая техника со временем войдет в режим самоконсервации, но они ошибались.

Позднейшие исследования, проведенные на десятках планет, показали – модули искусственного интеллекта, интегрированные в подавляющее большинство единиц боевой техники, не признали поражения Земли и ждали своего часа. Им нужен был лишь повод, внешний раздражитель, чтобы начать новую фазу активных действий.

Чаще всего такими «провокаторами событий» становились промышлявшие на Окраине контрабандисты, пираты и торговцы оружием, использовавшие карантинные миры как источники наживы.

И лишь планомерные усилия Конфедерации Солнц, созданной спустя столетие после окончания войны, позволили отыскать и зачистить большинство потенциально опасных миров, где вели непрекращающуюся борьбу остаточные автоматизированные подразделения Земного Альянса и Свободных Колоний…

Ежемесячное обозрение «Все Миры», март 2983 года.

Планета Роуг…

Горные склоны густо покрывала зелень.

Генетически модифицированные деревья хвойных пород цеплялись корнями за трещины в скалах, мешали работе сканирующих комплексов, многократно усложняя задачи поиска.

– Ни фрайга не видно… – с досадой произнес Энтони. – Как будто сканеры скафандра не работают…

– Не бурчи, – осадил его Олег. – Вокруг нас маскирующие лесопосадки, разве не ясно?

– Фолер сказал, что во время войны где-то тут располагался узел противокосмической обороны, – вступил в разговор Кирсанов. – Дальше, если мы хотим что-то отыскать, придется двигаться пешком, с максимальной осторожностью.

– Узел противокосмической обороны разбит, насколько я понимаю, – произнес Энтони. – Нас никто не засек при снижении, так почему не воспользоваться вездеходами?

Четверо молодых людей, облаченных в бронескафандры, затаились на краю обширного горного плато. В центральной его части, среди хаотично разбросанных каменных глыб и старых остекленевших воронок, смутно угадывался контур войскового транспорта. От обшивки «Элизабет-Дельты» струился жар, выставленные по кругу фантом-генераторы скрывали сигнатуру космического странника, маскируя его от систем обнаружения вероятного противника.

– Фолер никогда не ошибается, – заявил Олег. – Он приказал двигаться пешком, произвести разведку и сразу назад. А вездеходы плохо защищены от обнаружения.

– За каким фрайгом узел ПКО располагать в горах? Тут даже дорог и тех не видно. Сплошная зеленка, куда ни глянь.

– А ты сам бы подумал, чем глупые вопросы задавать, – огрызнулся Олег.

Андрей присел, отстегнул от крепления боевого скафандра дополнительный сканирующий блок компактной армейской модели усовершенствованного «Аметиста», сноровисто развернул треножный станок, установил на него бокс с приборами.

– Батареи противокосмических орудий по возможности старались располагать именно в горах, – произнес он, занимаясь активацией сканирующего комплекса. – Тройное преимущество. Ближе зона низких орбит, больший охват наземных территорий и лучшая защищенность от атак, как с земли, так и из космоса.

– Умный слишком, – огрызнулся Энтони, отойдя в сторону.

Кирсанов ничего не ответил, он был всецело поглощен тестовой проверкой сканирующего комплекса.

Хоука Андрей недолюбливал. Пилот он хороший, спору нет, вот и сидел бы себе в рубке транспорта. Зачем напросился идти с группой, если сразу начинает ныть? Что с него толку? Под ногами мешаться да настроение портить?

– Хватит ругаться, – Олег косо посмотрел на Айлу, не проронившую за это время ни слова, и продолжил: – По словам Фолера, здесь располагался форпост Флота Колоний. В задачу гарнизона входил контроль над точкой гиперсферного всплытия, расположенной в районе околопланетных орбит. Незадолго до капитуляции Альянса планету пытались зачистить штурмовые группы землян. Большинство документов той эпохи утрачено, неизвестно, чем завершился штурм, нет данных по расположению огневых точек, укреплений и количеству сервов, принимавших участие в битве.

– И к чему эта лекция? – вызывающе усмехнулся Энтони. – Удался штурм или нет, нам какая разница? Отыщем ближайшую бункерную зону, проникнем внутрь, найдем склады с оружием, загрузим трофеи – и мотаем отсюда.

– Заткнись и слушай. – При проведении наземных операций Олег Миллер автоматически становился старшим группы, его лидерство не обсуждалось. – Я же сказал, что Фолер поставил перед нами конкретную задачу. Нужно разведать переданный мне маршрут. Он ведет от точки посадки транспорта через перевал к месту дислокации седьмой батареи противокосмической обороны. Она, по непроверенным сведениям, была уничтожена во время штурма. Часть предположений мы уже подтвердили, совершив удачное сближение с планетой и посадку. Теперь нам осталось изучить наземный участок пути. Двигаться будем пешком, в режиме полной маскировки. Возможно, мы встретим различные боевые механизмы, не исключено внезапное столкновение с серв-машинами Альянса. Нам приказано в бой не вступать, наносить дислокацию обнаруженных укреплений на карту, классифицировать все замеченные механизмы и по возможности дистанционно оценить их техническое состояние.

– Мы что, даже не попытаемся загрузить транспорт трофеями? – откровенно удивился Энтони.

– Фолер обещал двойное вознаграждение, в случае если мы проверим маршрут и по-тихому покинем планету, – ответил Олег.

– С этого и начинал бы, – услышав о деньгах, Энтони моментально успокоился.

– А куда подевалась Айла? – внезапно спросил Кирсанов, на время прервав наблюдение за местностью.

– Не знаю… – Миллер резко обернулся, посмотрел по сторонам. – Только что была здесь, стояла у края обрыва!

Энтони подошел к краю плато.

– Тут осыпь, – сообщил он. – А за ней сразу начинается лес.

– Она упала? Оступилась? Ты видишь ее?

– Никого я не вижу! И сигнала личного датчика нет… Похоже, она просто пошла туда, пока мы тут препирались!..

– Проклятье… Зачем?

– Наверное, лес посмотреть. Она же биолог.

– Энтони, если Фолер тебя не убьет, это сделаю я! Она ведь нам всю операцию провалит!

– И что делать теперь?

– Искать, пока далеко не ушла! Найти и запереть на корабле! Все,

вперед, в темпе!

С хмурого неба начали срываться крупные капли дождя, когда три едва приметные на фоне скал фигуры спустились по осыпи и углубились в лес.

* * *

Айла действительно решила провести самостоятельные изыскания. Сканеры скафандра показались ей вполне пригодными для небольшого исследования, среди экипировки обнаружились даже контейнеры для сбора образцов растительности и специальные зонды для взятия проб грунта.

Она не собиралась отходить далеко от космического корабля, помня данное Хоуку обещание.

Лес, казавшийся добрым, едва ли не сказочным, на самом деле был вовсе не таким, но Айла, восхищенная открывшейся с края горной возвышенности панорамой, не осознавала грозящей ей опасности. Очарованная видом *живых* растений, она очень скоро позабыла о мерах безопасности, о необходимости поддерживать связь с оставшимися подле корабля спутниками.

Двигаясь вниз по склону, девушка восторженно впитывала взглядом совершенно новую для себя реальность. Ярко-зеленый мох стлался под ногами мягким ковром, карабкался на стволы хвойных деревьев, он был похож на замшу, его хотелось потрогать, но через гермоперчатку боевого скафандра ощутить прикосновение было невозможно.

Через некоторое время, оглянувшись, Айла не увидела даже своих следов. Несмотря на внушительный вес экипировки, мягкий ковер мха не сохранял отпечатки ботинок бронескафандра, он затягивал нанесенные ему повреждения с удивительной скоростью, практически на глазах.

Заметив необычное свойство мха, девушка призадумалась, потом насторожилась, осознав, что на протяжении четверти часа никто не обеспокоился о ее судьбе, не попытался вызвать по связи, не задался вопросом: куда она подевалась?

Учитывая полученные перед высадкой наставления, подобная тишина показалась ей зловещей. Будто опомнившись, она включила сканирующий комплекс, но безрезультатно – «Аметист» заработал, но сканеры не сумели пробиться далее чем на два метра по условной сфере.

Что происходит?! – встревоженно подумала Айла.

Очарование леса мгновенно исчезло, запоздало трансформировавшись в стойкое ощущение опасности.

Работе сканеров мешали деревья, кустарники, вьюны и лианы – все

растения, окружавшие девушку, были разработаны в генетических лабораториях Земного Альянса и служили только одной цели – создать непроницаемый для орбитальных и воздушных средств обнаружения покров, под которым обычно располагались наземные сооружения засекреченных военных баз.

Остановившись, она внимательно осмотрелась. Сквозь прорехи крон ближайших деревьев виднелось небо и несколько горных вершин, но определиться с направлением она не смогла – спускаясь к лесу, Айла даже не подумала, что следует запомнить хотя бы расположение солнца, ей казалось, что кибернетические подсистемы навигации боевого скафандра не позволят ей заблудиться, без проблем укажут путь, по которому она спокойно вернется назад.

Оказалось, что все далеко не так просто. Сканеры постоянно сбоили, отчет навигационного комплекса, выведенный в отдельное оперативное окно на проекционном забрале, пестрел сообщениями об ошибках, не работали основной и вспомогательные каналы связи, базовый корабль также находился вне зоны действия сети.

Что же делать? В какую сторону идти?

Единственное, что запомнила Айла, – это спуск по пологой осыпи, сразу за которой начинались пограничные деревья. Сколько я шла? Минут пятнадцать? Полчаса?

Надо возвращаться. Идти вверх по склону. Ребята, наверное, уже с ума сходят от беспокойства.

Ей показалось, что очертания одной из вершин выглядят знакомо. На всякий случай она сверилась с показаниями видеозаписывающей аппаратуры, провела быстрый поиск и убедилась, что действительно с плато, где осуществил посадку транспортный корабль, гора с аналогичными очертаниями просматривалась достаточно четко. Видеозапись помогла определиться и с направлением относительно солнца.

Айла приободрилась. Ну да, Энтони наверняка будет ругаться, так сама ведь виновата. Потерплю. В следующий раз буду умнее. А то веду себя как девчонка. Увидела красивый пейзаж, и все – побежала, как будто исчезли опасности, о которых ее сто раз предупреждали перед посадкой.

Подъем давался легко. Сервомускулатура боевой экипировки работала без сбоев, Айле нравилось ощущать нечеловеческую мощь приводов, настроение исправилось, она вновь невольно залюбовалась окружающими красотами – после унылых, мертвых пустошей Эрлизы биоадаптивный маскирующий комплекс казался едва ли не эталоном терраформинга. Действительно, если взять исходный генетический материал с этой

планеты и немного откорректировать его, убрав некоторые неуместные для мирного времени свойства растительности, а полезные качества, такие, к примеру, как ускоренный рост, неприхотливость к условиям окружающей среды, небольшая требовательность к влажности, оставить без изменений, то о пустошах родной планеты можно будет забыть уже через пару лет…

Замечтавшись, она вдруг оказалась на вершине небольшого, сглаженного временем, густо заросшего лесом склона. Движение в гору, дающееся без усилий, сыграло с Айлой дурную шутку, – она не заметила, как прошла несколько километров, и в результате окончательно заблудилась. Вокруг, куда ни посмотри, высились деревья с мощными неохватными стволами и разлапистыми кронами. Нижние ветви, корявые, узловатые, местами перекрученные, будто канаты, начинались всего в паре метров от земли, заслоняя солнце, порождая мягкие сумерки, – Айла затруднялась подобрать название неестественному освещению, в котором преобладали серые и зеленоватые оттенки.

Где я?

Она вновь попыталась сориентироваться, но на этот раз тщетно. Лес как будто сомкнулся, окружил ее, к тому же, как назло, небо затянуло облаками, солнце скрылось, сканирующие комплексы упорно расписывались в полном бессилии. Не подводила только память, но что толку? Да, Айла прекрасно помнила, что не преодолевала никаких возвышенностей, – от горного плато до того места, где она решила повернуть назад, шел постоянный пологий спуск, значит, возвращаясь, она избрала неверное направление?

Куда же идти теперь?

Айла почувствовала страх.

Все-таки нужно подняться на возвышенность, пока достаточно энергии в накопителях и исправно работает сервомускулатура. «С господствующей высоты я точно сумею сориентироваться», – решила она, чувствуя, как полуосознанный ужас заставляет сердце биться часто и неровно.

«Неужели я такая слабая и глупая»? – со злостью подумала Айла. На самом деле она зря укоряла себя в беспечности. Комплексы боевого терраформирования действительно являлись вершиной генной инженерии военных лет. Искусственные посадки, сочетающие в себе десятки видов генномодифицированных растений, изначально рассчитывались на противодействие всем типам планетарной техники противника, – по существу, лес представлял собой гигантскую ловушку, способную остановить продвижение серв-соединений, нарушить связь между боевыми

единицами, разделить их, снизить темп продвижения, а затем и уничтожить.

В подобных лесах действовали автономные сервомеханизмы, решающие узкие, специализированные задачи. Основные коммуникации военных баз, расположенных на планетах с биоадаптивными маскирующими комплексами, располагались под землей, исключение составляли только посадочные площадки для космических кораблей, где применялись стандартные электронные средства маскировки, такие как фантом-генераторы или эмиттеры статиз-поля.

Айла угодила в одну из опаснейших ловушек, но пока не догадывалась о истинных масштабах угрозы.

…

Она все шла и шла, небо совсем помрачнело, затем внезапно начался проливной дождь, крупные капли влаги, змеясь, стекали по забралу гермошлема, невнятный шелест древесных крон обманчиво успокаивал, сумрак, царящий в лесу, теперь играл тонами серого и черного.

Айла остановилась, преодолев очередной участок подъема.

Слой почвы под ногами стал значительно тоньше, кое-где из-подо мха выступали потрескавшиеся, выветренные фрагменты скальной породы.

Деревья высились сплошной колоннадой стволов, их обвивал плющ, нередко, преграждая путь, сплетаясь с кустарниковым подлеском, от нижних ветвей разлапистых крон свисали тонкие, усеянные острыми шипами лианообразные растения.

Выступы скал… Я недалеко от гребня какой-то возвышенности… – переводя дух, подумала она.

…

Предчувствия не обманули: лес внезапно расступился, тропа, пробитая в чаще кустарника неведомым существом, резко вскарабкалась по склону. Айла прошла по ней еще метров сто и внезапно увидела совершенно иную панораму окрестностей.

Деревья более не препятствовали взору, она стояла на осыпающемся краю небольшой каменистой площадки, слишком маленькой, чтобы назвать ее горным плато.

Когда-то и тут, цепляясь корнями за трещины в скале, росли деревья, но неведомая сила сожгла, разметала их, обнажив вход в узкое извилистое ущелье.

Еще не смея шагнуть вперед, ступить через границу жутковатого *обугленного* пространства, Айла без страха, а лишь с замиранием сердца осматривала окрестности, подмечая взглядом сотни деталей. Небольшое

плоскогорье имело форму вытянутой трапеции. В широкой части располагались разбитые постройки, лишь на метр выступающие из скал. Между ними ломаными линиями, отмеченные четкими черными тенями, пролегали вырезанные в камне ходы сообщения, достаточно широкие, чтобы по ним могли перемещаться не только люди, но и техника.

У входа в ущелье темнели частично утратившие форму, опаленные, оплавленные углубления капониров, предназначенные для защиты тяжелых планетарных серв-машин, – один из «Фалангеров» с разорванной рубкой так и остался стоять в укрытии. Верхние сегменты его бронеплит были раскрыты, словно лепестки исполинского механического бутона, один ступоход после попадания плазменного разряда сплошь покрывали потеки расплавленного, а затем вновь отвердевшего керамлита, второй, согнутый в двух соединениях, не завершил начатое движение, и серв-машина даже при ее размерах выглядела трагично – черная, обугленная, покрытая рваными пробоинами от попаданий снарядов и внутренних взрывов, она, словно тяжело раненный фантастический зверь, привалилась одним бортом к скале, вызывая чувство мгновенного, едва ли осознанного сострадания.

Айла несколько секунд смотрела на подбитый «Фалангер», затем осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам, подошла к ближайшей постройке, на метр возвышающейся над плоскостью скалы.

Скругленный овальный выступ с характерными углублениями по периметру, где, вероятно, располагались системы вооружений и сканирующие комплексы, превратившиеся под воздействием температур плазмы в бесформенные комья, являлся лишь внешней частью расположенного глубже бункера.

Айла, еще никогда не посещавшая места боев, вдруг почувствовала жаркое дыхание прошлого, словно горячий ветер коснулся ее лица, обжег, оставляя на щеках пунцовые пятна. Ей бы вскрикнуть да убежать, но все новые и новые подробности увиденного пленяли рассудок, затягивали разум в бездну прошлого, внезапно возникшее чувство сопереживания оказалось столь сильным, что поборол инстинктивный страх.

Она не задумалась о потенциальной опасности обнаруженных позиций. Айле и в голову не пришло, что тут вполне могут скрываться уцелевшие со времен войны боевые сервы, для которых она – враг.

Сканеры бронескафандра упрямо пытались достучаться до рассудка девушки, выдавая на проекционное забрало гермошлема множество тревожных сигналов, кибернетическая система экипировки недвусмысленно идентифицировала структуру позиций, сообщая, что они возведены кибермеханизмами Земного Альянса и предназначены для

долговременного базирования серв-соединений, защищающих комплекс командного пункта.

Айла будто нарочно проигнорировала полученные предупреждения и направилась в сторону подбитой серв-машины, пока не решившись заглянуть в чернеющий вход, ведущий в зловещие, таинственные глубины бункерной зоны. Подсознательно она страшилась мрачных подземелий, где вполне могли находиться тела погибших людей, – к подобному зрелищу ее психика не была готова. Осторожно пробираясь между множеством остекленевших воронок, выжженных в камне попаданиями плазменных сгустков, она и так видела достаточно леденящих подробностей бушевавшей тут схватки.

Сгоревшие эндооостовы штурмовых сервов, похожие на спутанные клубки растения перекати-поле, попадались почти на каждом шагу. Механизмы в момент гибели находились в движении, их ажурные корпуса имели сферическую форму, около метра в диаметре, за сплетением десятков гибких, цепких конечностей виднелись каплеобразные бронированные «тельца», сплошь усеянные округлыми оружейными портами и подвижными гнездами датчиков сканирующих систем.

Некоторые сервы выглядели иначе: в момент плазменного удара, накрывшего их позиции, они не двигались – стояли, опираясь на восемь гибких конечностей, похожих на механические щупальца, спрятанные в оболочку из гофрированной брони, другие валялись на потрескавшейся каменной площадке, словно дохлые обитатели морских глубин, только куда более опасные… Присмотревшись к поваленным, вырванным с корнем, сломанным, сметенным в черные груды деревьям, Айла заметила непонятные утолщения на стволах генетически модифицированных хвойных растений, чья древесина плохо поддавалась огню. Подойдя ближе, она поняла, что видит все те же штурмовые сервомеханизмы, которые в момент рокового удара прятались под кронами маскирующих лесопосадок, цепко обхватив конечностями толстые сучья.

Ей сразу же вспомнился пройденный по лесу путь, и предательский холодок запоздалого страха скользнул по спине, – а что случилось бы, попадись ей вот такой серв, затаившийся среди хвои? Из-за маскирующих свойств растительности сканеры распознали бы его в лучшем случае на дистанции в два-три метра, когда бежать уже было бы поздно.

Словно очнувшись от наваждения, она с беспокойством огляделась по сторонам, наконец уделив должное внимание показаниям сканирующих комплексов.

На фон местности, отчетливо просматривающейся сквозь прозрачный

материал проекционного забрала боевого гермошлема, кибернетическая система экипировки накладывала сотни условных обозначений.

Не дав панике завладеть рассудком, Айла внимательнее присмотрелась к крошечным пиктограммам, расшифровывающим значение каждой из отметок.

Металл. Металлокерамика. Термальные аномалии допустимой интенсивности, скорее всего, останки техники, нагретые солнышком, излучающие тепло, имеющие более высокую температуру, чем камень.

Ничего страшного.

Ничего? А два очерченных желтым (во имя Элио, хорошо, что не алым!) контура человекоподобных машин? Она не видела их из-за нагромождения острых многотонных обломков, скатившихся на площадку с ближайшего утеса, расположенного при входе в ущелье.

Острое чувство опасности, нарастающее с каждой секундой, резануло по нервам.

Я потерялась, заблудилась, а веду себя как беспечный турист… – мысленно укорила себя Айла, но что ей следовало делать? Она по-прежнему не знала, в каком направлении двигаться, как выйти к месту посадки корабля. Индикатор системы связи моргал часто и хаотично, коммуникатор в автоматическом режиме неутомимо перебирал частоты, но не находил отклика. Здравая мысль, заставившая ее карабкаться в гору, в надежде, что по мере подъема сигнал связи все же появится, обернулась тщетой, и Айла, уже порядком уставшая, измотанная как физическими усилиями, так и моральными переживаниями, внезапно поддалась панике.

Ее окружало страшное, непонятное рассудку девушки пространство – изуродованное, усеянное металлокерамическими обломками боевых машин… она хотела убраться отсюда как можно скорее, и, думая, что поступает правильно, мысленным приказом через имплант и кибстек активировала закрепленный на запястье правой руки миниатюрный пусковой ракетный комплекс, оснащенный тремя стартовыми стволами.

Взбираться вверх по ущелью, на головокружительную высоту перевала, не было ни сил, ни желания, но что мешает ей подать знак, самой наладить связь через сеть наномашин?

Нужно лишь выстрелить капсулой с наночастицами, которые сформируют локальную сеть и исполнят роль ретрансляторов.

Айла присела, нашла упор для локтя, как инструктировал ее Энтони, затем отдала еще один мысленный приказ, и сориентированная под углом к небу ракетная установка выстрелила: реактивный снаряд, содержащий вместо боевой части капсулу с наномашинами, с ощутимым толчком

вырвался из пускового тубуса, включил собственные двигатели и, оставляя зримый инверсионный след, ушел к хмурым небесам, где после дождя еще толклись рваные кучевые облака. На высоте двух километров он взорвался, оболочка контейнера разрушилась, и миллионы высокотехнологичных нанопылинок закружились в потоках воздуха, ветер разметал их над обширной площадью, облако рассеивалось, с каждой секундой увеличивая охват расположенных внизу территорий.

Индикатор связи зажегся ровным изумрудным светом, но Айла не сразу отреагировала на долгожданную активацию коммуникатора, – сформировавшаяся локальная сеть наночастиц начала передавать данные обстановки, и потоки новой информации буквально затопили рассудок девушки.

Если минуту назад ей почудилось дыхание далекого прошлого, то сейчас уровень восприятия резко изменился: абстрактная, в понимании Айлы, война внезапно материализовалась в терабайтах разведданных, воспринимаемых ее рассудком, в зловещем, резком, изматывающем звуке взвизгнувших аларм-систем боевой экипировки, в ощущении тысячи неведомых ей ранее «взглядов», привлеченных стартом ракеты и формированием наномашинной сети.

Страх заставил ее вскочить.

С вершин, со склонов господствующих высот, отовсюду к точке запуска тянулись четко отслеживаемые «Аметистом» потоки сканирующего излучения.

Она понятия не имела, что именно последует дальше, но внутренний голос панически шепнул: *беги!*

Айла вскочила, рывком преодолела несколько метров, отделявших ее от ближайшего укрытия, кубарем скатилась в ход сообщения и что есть сил побежала к черному, пугающему входу в бункер, периферийным зрением замечая, как на склонах близлежащих горных хребтов замельтешили частые вспышки, а секундой позже древняя позиция вновь содрогнулась, в небо взметнулись фонтаны огня и камня, жуткий грохот, похожий на рык, исторгнутый сотнями глоток, мгновенно перерос в ураганный вой…

Мама… Мамочка!..

Земля рвалась из-под ног, над головой то и дело проносились раскаленные, взрывающиеся от перегрева обломки скал, Айла несколько раз падала и вновь вскакивала, прежде чем ей удалось добежать до входа в бункерную зону.

Поперек хода сообщения валялась вырванная из креплений многотонная бронированная дверь.

Она перескочила через нее, потеряла равновесие и кубарем вкатилась в стылый сумрак помещения.

Коммуникатор надрывался, в устройстве связи бился встревоженный голос Энтони:

– Айла! Айла, ты меня слышишь?! Спрячься, продержись, мы засекли твои координаты! Ответь, если жива!

Падение в бронескафандре оставило несколько глубоких свежих царапин на покрытом копотью, усеянном мелкими камушками полу бункера.

Инстинктивно вскочив на ноги, она отпрянула к дальней стене помещения, вокруг все по-прежнему содрогалось от разрывов, внезапно начавшийся обстрел и не думал утихать, словно некие зловещие силы мгновенно проснулись, крайне болезненно отреагировав на проявление безобидной (с точки зрения девушки) разведывательной активности.

– Не ори… – не узнавая собственного охрипшего голоса, ответила она, вставая на ноги.

– Айла, мы засекли координаты источника формирования сети микромашин! – повторял Энтони. – Что там у тебя происходит?

– Я в каком-то старом бункере. – Она вздрогнула, невольно пригнувшись, когда разрыв ударил в перекрытие над самой головой, а вниз, сквозь мгновенно образовавшиеся трещины, ударило несколько лучиков света, в которых причудливыми срезами узоров всклубилась пыль. – По мне начали стрелять с окрестных высот! Я всего лишь запустила контейнер с наночастицами, чтобы сориентироваться и восстановить связь!

– Я понял тебя! Ни в коем случае не поднимайся наверх! Мы принимаем информацию от сканеров сети наномашин. В горах десятки укреплений, там батареи орудий, и, судя по сигналам, полно сервов!

Фрайг… Предупреждал же меня отец… Что же делать теперь? – Айла была на грани отчаяния. Стремительные события ошеломили ее, она оказалась совершенно не готова к подобной встрече со внезапно ожившим прошлым.

– Энтони, ты меня не бросишь?!

– Глупый вопрос… Конечно, не брошу! Оставайся в укрытии! Включи фантом-генератор скафандра! Они потеряют цель и прекратят огонь!

Айла паническим мысленным приказом задействовала защиту.

– Когда ты меня заберешь отсюда?!

– Как только смогу! Придется ждать, пока закончится обстрел и наномашины опустятся вниз… – окончание фразы внезапно потонуло в накатившем треске помех.

Айла едва не разрыдалась.

Она отступила в угол помещения, где громоздилось несколько разбитых, посеченных осколками, обугленных компьютерных терминалов, подняла с пола перевернутое кресло и уселась в него, ожидая, что связь восстановится.

Не тут-то было. Спрятавшись в подземелье, девушка не видела, как за секунду до возникновения помех бледный свет плазменного залпа озарил горные склоны.

В небесах, там, где постепенно рассеивалось облако наночастиц, внезапно полыхнуло ослепительное пламя, словно загорелся сам воздух. На самом деле это частички микромашин превратились в хлопья сажи – прицельный выстрел плазмы сжег их, уничтожив локальную сеть.

Она все же не выдержала и беззвучно разрыдалась, чувствуя, как что-то навсегда сгорает внутри от гложущего душу страха.

Слезы сбегали по щекам, но закрытое забрало гермошлема не позволяло их смахнуть.

Планета Эрлиза. Днем раньше…

– Кто-нибудь наконец объяснит, куда подевалась моя дочь?! – Генрих Вайбер был вне себя от ярости. Прошла бессонная ночь, над Эрлом занимался бледный рассвет, а коммуникатор Айлы по-прежнему не отвечал, она как в воду канула.

– Мы прочесываем руины. Связались со всеми группировками, контролирующими городские кварталы.

– И что?!

– Клянутся, никаких происшествий, связанных с ограблениями или насилием, не было.

– Я с них шкуры сдеру, если с моей девочкой что-то случилось!

Вайбер приехал в офис только под утро, когда охрана уже занималась поисками Айлы. На Генриха было страшно смотреть. Он находился в состоянии сумеречного сознания, когда контроль над поступками фактически утрачен и любое неосторожное слово, сказанное вразрез с его мыслями, может сорвать лавину непоправимых последствий.

Вайбера мало кто видел таким, даже в самые трудные времена.

Комплекс связи, включенный в режим громкого оповещения, постоянно транслировал переговоры между поисковыми группами.

– Допросили управляющего ночным клубом. Он говорит, что Айла была в развлекательном центре в компании трех молодых людей. Двух он не запомнил, третьего уверенно опознал.

– Кто он?!
– Вольный пилот. Некий Энтони Хоук.
– Подробные данные по нему. Немедленно! Где живет, на кого работал в последнее время! – Генрих, устав вышагивать по кабинету, сел за стол. – Ну?!
Над столешницей из дымчатого пластика материализовалась сфера голографического воспроизведения размером с футбольный мяч.
– Что это такое? – Генрих уставился на объемное изображение неизвестного ему типа космического корабля.
– По полученным данным – это корабль Хоука. Восстановленный и переоборудованный войсковой транспорт. Внешние обводы изменены дополнительными обтекателями, скрывшими большинство надстроек. Корабль прошел частичную реконструкцию и перевооружение. Используется для дальнего поиска в зоне неисследованного космоса.
Генрих присмотрелся к изображению. Да, действительно, за основу конструкции был взят войсковой транспорт Альянса, но множественные усовершенствования полностью изменили очертания его корпуса.
Проклятие… Где его искать?
– Мы нашли флайкар Айлы! – пришел доклад от группы, отправленной по «горячим следам» в космопорт, расположенный юго-западнее Эрла.
– Корабль на месте? – Терзаемый мрачными предчувствиями, Генрих вновь встал, не находя себе места.
– Он стартовал в три часа ночи, – пришел незамедлительный ответ.
У Вайбера все похолодело и сжалось в груди.
– Узнайте, куда отправился корабль! И выясните, фрайг побери, на кого работает Хоук!
Генриху казалось, что его хватит удар. Он никогда не думал, что внезапное проявление отцовских чувств станет таким острым и болезненным. Пока Айла находилась в сотне световых лет от Эрлизы, он думал о ней совершенно в ином ключе. Да, у него есть дочь, он никогда не забывал о ней, но она жила как будто в ином измерении – параллельно и абстрактно.
– Мы выяснили, кто является работодателем Энтони Хоука! – нарушил его мысли доклад.
– КТО?!
Выслушав ответ, Генрих насупился.
– Собирайте людей. Я подъеду сам, – распорядился он.

* * *

Антикварный магазин Дика Фолера знало большинство жителей Эрла, хотя бы потому, что он располагался на главной улице города в одном из немногочисленных зданий довоенной постройки, уцелевших во время бомбардировок.

Здесь, за толстыми витринами из пуленепробиваемого пластика, словно монументы канувшей в лету эпохи, возвышались фигуры андроидов легендарной серии «Хьюго», отсвечивали тусклым зернистым пластиком образцы колониального вооружения, произведенные еще на Земле, во времена расцвета корпорации «Римп-кибертроник», где главным конструктором работал знаменитый Ганс Гервет.

Кроме планетарной техники и древнего оружия, в ассортименте антикварного магазина любители старины без труда могли отыскать разнообразные предметы, принадлежавшие первым колонистам, высадившимся на Эрлизу в 2247 году.

Однако лишь единицы из общего числа покупателей были осведомлены о некоем негласном списке «особых товаров», доступных только избранным клиентам.

Генрих Вайбер прекрасно знал, куда нужно идти. Внешняя, предназначенная для большинства посетителей часть магазина его не интересовала. Позади здания имелась неприметная дверь, открыв которую Вайбер и сопровождавшие его охранники оказались перед массивной преградой, похожей на аварийную корабельную переборку.

Коснувшись сенсора кибстека, Генрих инициировал автоматический набор шифрованного номера.

– Да? – раздался через пару секунд неприятный каркающий голос, переданный по скрытой системе внутренней связи.

– Дик, у тебя десять секунд, – не сочтя нужным представиться, произнес Вайбер. – Если не откроешь, мои ребята разнесут твою берлогу.

– Заходи. – В преграде обозначился люк, раздалось шипение пневматики, и овальный фрагмент бронеплиты скользнул вверх.

За массивной переборкой продолжался коридор, плотно закрытые бронированные двери вели в склады, прямо располагался кабинет хозяина, где тот принимал особо важных клиентов и некоторых работавших на него вольных пилотов.

Охрана Вайбера вошла первой, так что к моменту появления Генриха хозяин антикварного магазина сидел в своем кресле бледный как смерть. Ствол импульсного пистолета, приставленный к затылку Фолера,

гарантировал полную готовность антиквара к взаимопониманию.

– Кто заказал тебе похищение моей дочери?

Лицо Фолера приобрело землистый оттенок.

– Я никого не похищал!.. Генрих, ты же знаешь меня!..

– Энтони Хоук – твой пилот?

– Э… Он свободный…

– Дик, еще слово – и твои мозги украсят стену! Думай, прежде чем отвечать! Куда направился Хоук? Как моя дочь попала на борт его корабля?! Ну?!

– Я ничего не знаю про твою дочь, Генрих! – На глазах Фолера внезапно выступили слезы. – Да, признаю, Хоук работает на меня!.. Он еще не рассчитался за ремонт и переоборудование своего корабля!..

К Вайберу подошел один из его людей, что-то шепнул на ухо.

Тот секунду подумал, затем кивнул.

– Допустим, я тебе поверю. В том смысле, что ты никого не похищал. Оказывается, Энтони Хоук вырос в том же квартале, где во время войны жили мы с Айлой. Он наверняка ее знает. Возможно, она добровольно поднялась на борт его корабля. Теперь вопрос: куда он мог отправиться?!

– Генрих, подожди, дай я все объясню! Да убери ты ствол! – Фолер обернулся, с яростью затравленного зверя посмотрев на телохранителя Вайбера, державшего его на прицеле. Тот дождался кивка хозяина и только после этого опустил оружие.

– Говори! – глухо произнес Генрих. – Только коротко и по существу!

– Может, будет проще, если объясню я?

Вайбер резко обернулся.

В проеме дверей, ведущих в глубь подвальных помещений, стоял тот самый незнакомец, на которого Генрих обратил внимание два дня назад, в космопорту, когда встречал Айлу.

– Ну?

– Это не очень короткая история. – Дымов бесцеремонно присел на край стола, за которым сидел Фолер. – Если в двух словах, то дело в следующем: я Глеб Дымов, бывший офицер Альянса, воевал на планете Роуг. Мне известен безопасный коридор сближения с карантинным миром. Мы с Фолером заключили сделку. Он снарядил корабль и отправил своего пилота проверить полученные от меня данные.

Роуг?! – Вайбер смертельно побледнел. – *Это же самая опасная планета сектора! Ее несколько раз пытались разведать, но ни один корабль так и не вернулся оттуда!..*

* * *

Справившись с потрясением, Генрих поднял взгляд на Дымова.

– Ты действительно знаешь безопасный коридор сближения? – сглотнув вставший в горле ком, спросил он.

– Все относительно. Двенадцать лет назад штурмовики Альянса уничтожили одну из батарей противокосмической обороны планеты. На орбитах еще шел бой, когда мой «Фалангер» подбили. Сложно сказать, залатана брешь в обороне или нет. Для этого и потребовалась проверка.

Вайбер едва не взвыл от отчаяния. Впервые за многие годы он оказался в ситуации, когда его влияние ничего не решало. Он был бессилен отмотать время вспять и что-то изменить…

– А ты Генрих Вайбер, верно? Тот самый человек, который продал меня в рабство? Я ничего не напутал? – дошел до его сознания голос Дымова.

– Что? Какое рабство? – Он с трудом воспринимал что-либо, напрямую не связанное с Айлой.

– Обыкновенное. Забыл сказать – я получил ранение на Роуге. Корабль, эвакуировавший нас с планеты, разбился на Эрлизе.

Взгляд Вайбера немного прояснился.

– Фолер, скотина, что ты наплел ему?

Дик сжался.

– Сам скажи правду! Или клянусь – тебе не жить! – прорычал Вайбер.

– Ну? – Глеб обернулся. – Ты солгал мне?

– Мы с Генрихом были… напарниками, – выдавил Фолер. – Во время захвата кораблей его ранило. Это я доставил консервационные модули в Форт Стеллар и продал их…

– Ничего удивительного, – хмыкнул Глеб. – Вы все похожи на крыс, промышляющих на послевоенной свалке. Какая разница, – он в упор посмотрел на Генриха, – ты сделал бы то же самое, верно?

Вайбер побагровел, но сдержался.

– Дымов, ты должен мне помочь! – хрипло выдавил он.

– С какой стати?

– Глеб, пойми, они еще дети! И Айла, и Хоук…

– Им по двадцать лет. Вполне достаточно для принятия осознанных решений, – мрачно заметил Дымов. Не нравилась ему собравшаяся в тесном помещении компания. Трудно отличить, кто лжет, кто говорит правду, но пока их цели хоть в чем-то совпадали с интересами Глеба, он решил, что не станет сразу и наотрез отказываться от возможных

предложений, а сначала выслушает их. – Я в двадцать лет уже воевал, – спокойно добавил он. – И ничего – выжил, как видишь.

– Дымов, твоя ненависть ко мне обоснованна, понимаю. – Генрих впился взглядом в бывшего капитана Земного Альянса. – Но давай сейчас отбросим все личное! Моя дочь по глупости ввязалась в авантюру, и я пытаюсь ее спасти. Ты воевал на Роуге, знаешь планету, тебе известен безопасный коридор сближения…

– Я же сказал: относительно безопасный. – Глеб покосился на Фолера, который сидел тихо, был бледен и, похоже, ждал крупных неприятностей. – Я говорил ему: нужно отправить АРК[23] для уточнения имеющихся у меня данных. Ты не глуп и сам прекрасно понимаешь – за двенадцать лет все могло измениться радикальным образом.

– Ты хочешь сказать, что они уже мертвы?!

– Я не гадалка, – отрезал Дымов.

– Послушай, Глеб, я многое могу! У меня есть деньги, власть, флот! Ты – потенциальный наемник. Давай обсудим любые условия. Я хочу одного – вернуть дочь.

– Фолер уже пытался меня нанять, – усмехнулся Дымов. – У него более практичные планы относительно Роуга. И вообще, вы тут де́лите власть – так дели́те. Я при чем?

– Да пойми ты! – заорал Вайбер. – Речь не о власти, не о деньгах! Фолер, – он ткнул пальцем в грудь Дика, – еще ответит за все, клянусь!

– Генрих, я ни при чем! Откуда мне было знать, что Айла встретится с Энтони и решит сбежать от тебя! Не переваливай с больной головы на здоровую! – огрызнулся Фолер.

– Заткнись! Ты однажды уже предал меня, бросил подыхать в полевом госпитале, а сам…

– Я отдал твою долю!

– Вы тут разбирайтесь между собой, а я выйду, подышу воздухом, – произнес Дымов. – Мне уже неинтересно выяснять, кто из вас двоих продал меня в лаборатории Форта Стеллар.

– Глеб, подожди! – Вайбер был вне себя. Он понимал, что не в его силах заставить Дымова отправиться на Роуг. Он мог убить капитана, но не принудить его к сотрудничеству. – Глеб, неужели ты никогда никого не любил? Она еще девчонка, выучилась на биолога и вообразила, что ее долг – возродить природу родной планеты! Она-то в чем виновата?!

Глеб остановился, тяжело, исподлобья взглянул на Генриха.

– Я никогда никого не любил, – медленно произнес он. – Мне

противна ваша природа, я не знаю, что такое «родная планета», понял? На Эрлигоне, во время боев, я потерял всех друзей. В том числе и двадцатилетнюю девушку. Ваши тупые шагающие лазеры расстреливали катапультирующиеся капсулы пилот-ложементов, а потом добивали обгоревших пилотов. Я видел своими глазами, как бойцы вашей хваленой колониальной пехоты копались в обугленных человеческих останках в поисках личных кодонов! Но они – герои своих планет, а мы, не начинавшие войны, а всего лишь родившиеся на Земле, – мы отщепенцы, «подопытные образцы» для испытаний мыслесканера, расходный, дешевый рабочий материал на орбитальных станциях победителей! Моя жалость умерла, Вайбер.

– Но ты же хотел попасть на Роуг! Или я не прав?..

– Вот давай об этом и будем говорить. Ты назвал меня потенциальным наемником? Что ж, пожалуй, это правда.

– Тогда назови цену спасения моей дочери!

– Давай попробуем договориться. – Дымов сел в свободное кресло. – Прежде всего, мне будет необходим «Нибелунг», укомплектованный штатным вооружением. С полноценной бортовой киберсистемой, комплексами боевого сканирования и…

– Серв-машин у меня нет, – прервал его Вайбер.

– Ой ли?

– Придется поверить на слово, Глеб. Мы живем вне юрисдикции Центральных Миров, но есть негласные законы ведения межзвездного бизнеса. Внешняя разведка адмирала Воронцова не дремлет, они в курсе происходящего на периферии и пресекают любые поставки тяжелой планетарной техники, особенно оснащенной модулями «Одиночка».

– Хорошо, я поверю тебе. Хотя это усложняет наземную часть операции. Ладно. Слушай дальше. Я не даю тебе никаких гарантий успеха. Фолер, не вняв моему совету, усложнил ситуацию. Переоборудованный транспортный корабль, возможно, и проскочил через указанный коридор сближения с планетой, но его системы активной маскировки недостаточно хороши. Скорее всего, транспорт обнаружили и сбили. Результатом подобной глупости, – Глеб взглянул на бледного как лист бумаги Фолера, – станет блокада безопасного маршрута. Я подозреваю, что на планете до сих пор действуют боевые подразделения, для которых окончание войны и капитуляция Альянса – пустой звук.

– К чему ты клонишь, Глеб?

– Я говорю прямо – никаких гарантий успеха, никаких условий, обещаний и прочей ерунды. Я получаю укомплектованный штурмовой

носитель и попытаюсь прорваться на Роуг. Большего гарантировать не могу и не буду! Если твоя дочь жива, я приложу все усилия, чтобы вытащить ее оттуда и отправить на Эрлизу любым способом, который покажется мне приемлемым.

– Ты не вернешься с нею?

– Нет. Мне нечего делать на вашей планете. И вообще меня воротит от одного термина «Обитаемая Галактика».

– Я не стану спорить с тобой, Глеб. – Вайбер даже не попытался навязать Дымову свои условия. – Ты получишь «Нибелунг». Больше того – на безопасном удалении от Роуга твоего сигнала будет ждать группа эвакуации. Это облегчит задачу по возвращению Айлы?

– Несомненно. Но учти, даже при самом благоприятном исходе операции штурмовой носитель я тебе не верну.

– Я понял. Торг здесь неуместен. Есть лишь один нюанс, с которым тебе придется смириться, Глеб.

– Какой?

– По договоренности, все модули «Одиночка» мы передаем управлению внешней разведки Центральных Миров.

– К чему ты клонишь, Вайбер?

– Твое условие относительно полноценной кибернетической системы «Нибелунга» невыполнимо.

– Это твои проблемы, – нахмурился Глеб.

– Да, я могу найти необходимый модуль на черном рынке! – ответил Генрих. – Но поиск и покупка компонента искусственного интеллекта потребует времени. А его у нас нет!

– Твои предложения?

– Пилот. Тебе потребуется второй пилот, если ты согласен начать операцию немедленно.

– Кто он? – Глеб моментально насторожился, ему совершенно не понравился внезапный поворот событий.

– Мой человек. Испытанный и надежный. Хороший боец. Он прикроет твою спину при высадке на планету.

– Или ударит сзади, – угрюмо предположил Дымов. – Нет, я не согласен.

– Глеб, он поможет тебе. Я ручаюсь. У Стивена огромный опыт пилотирования «Нибелунгов». Подумай, каждый час промедления может стоить жизни моей дочери! Когда вы найдете ее, Стивен покинет планету вместе с Айлой. Это облегчит ее эвакуацию и снимет с тебя часть ответственности. Ты же найдешь на Роуге необходимый управляющий

модуль и сможешь в дальнейшем эксплуатировать штурмовой носитель по своему разумению!

Дымов ничего не ответил, лишь повернулся к Фолеру, несколько секунд смотрел на него, затем спросил:

– Это правда? Относительно «Одиночек»?

– Правда. Иначе стал бы я посылать для проверки корабль с экипажем на борту?! Существует негласная договоренность: все системы искусственного интеллекта мы передаем в Форт Стеллар. Небезвозмездно, конечно. Нам платят за них и закрывают глаза на нелегальные вылазки в звездные системы, для которых установлен режим бессрочного карантина.

– Что ты знаешь о Стивене?

– Ничего, – пожал плечами Фолер. – Он человек Генриха.

Глеб кивнул. Ситуация, в принципе, ясна. Без модуля «Одиночка» процесс управления десятками полуавтоматических подсистем «Нибелунга» становится сложным и главное – неэффективным. Два человека с достаточным уровнем подготовки способны справиться с поставленной задачей. «Лучше, конечно, иметь экипаж из трех человек, – размышлял Дымов, – но в моем случае это уже неоправданный риск. Откуда мне знать, так ли Вайбер привязан к своей дочери, как пытается показать? Может, ему совершенно наплевать на Айлу, а истинная цель миссии – проторить безопасный маршрут на Роуг, чтобы стать единоличным владельцем Клондайка боевой техники?

Такой вариант нельзя сбрасывать со счетов. С одним противником я как-нибудь справлюсь. В конце концов, вгоню ему пулю в башку при малейшем подозрении, а вот две темные лошадки – это уже перебор».

– Ладно. – Глеб тяжело взглянул на Вайбера. – Я согласен. Дополнительное условие: в ангар штурмового носителя нужно установить эвакуационный модуль, рассчитанный на двух человек. Твой пилот покинет на нем планету, в случае если мы отыщем Айлу. Это действительно снимет часть вопросов относительно завершающей части миссии.

Генрих вытер крупные капли пота, выступившие на лбу. В тесном помещении было душно. Жестом отправив охранников на улицу, он коснулся сенсора на внешней поверхности импланта:

– Зирек, срочно готовь к старту наш резервный штурмовой носитель! Я прибуду, – он взглянул на миниатюрный дисплей кибстека, – к семи. Передай Стивену, чтобы готовился к вылету. К моему приезду он должен быть на месте. Группе обеспечения – подготовка к внеплановому старту. Подготовь эвакуационный модуль, на двух человек. Все. Работайте.

Закончив отдавать распоряжения, Генрих повернулся к Дымову:

– Голоден?

– Нет.

– Тогда не будем терять времени. До стартовой площадки лететь почти час. – Он взглянул на Фолера и добавил: – А ты молись, чтобы с Айлой ничего не случилось. Иначе не жить тебе, Дик.

* * *

Стартовые площадки частного космодрома, принадлежащего Генриху Вайберу, располагались в центре материка среди пустошей, в полутысяче километров от Эрла.

Все время, пока длился перелет, Глеб дремал, набираясь сил. За годы заключения он научился абстрагироваться от любой реальности, погружаясь в свой внутренний мир, где чувствовал себя вполне комфортно. О том, что жизнь пролетела мимо, он не задумывался. В субъективном восприятии Глеба с момента последнего боя прошло всего два года. Десять лет, проведенные в камере низкотемпературного сна, истощили организм, но не состарили его. Этот период ледяного безмолвия не оставил следов в душе и рассудке, он не воспринимался как время.

Первые шесть месяцев после пробуждения походили на кошмарный сон, полуосознанное существование в ином измерении. Большую часть времени Дымов находился под воздействием вводимых ему препаратов, и этот отрезок, наполненный жуткими воспоминаниями, насильно вырванными из глубин памяти, ради испытаний создаваемого на Стелларе мыслесканера, оставил глубокий шрам в его рассудке.

Моральная травма заживала долго. Полтора года, проведенные на орбитальном заводе в системе Элио, почти не запомнились Глебу. Дни, похожие один на другой, утомительный труд, порой доводящий до тихого бешенства, не прибавили к его характеру и мироощущению ничего хорошего.

Он не понимал, зачем нужны операторы, управляющие посредством мысленных команд сервами, работающими в зонах опасных производств? К чему такие сложности? Кибермеханизмы способны трудиться более производительно, если запрограммировать их, а не усложнять технологию.

Только освободившись, он постепенно и болезненно начал постигать основы новой послевоенной реальности. По сути, Глеб оказался в совершенно чуждой обстановке, где существовало незнакомое ему понятие: «мирная жизнь».

Месяц он провел в Раворграде, пока, в соответствии с законами Элио, ему оформляли гражданство планеты.

Оказавшись на свободе, он как будто очнулся. Казалось, что бой на Роуге происходил вчера, двенадцать лет объективного времени, минувшие после капитуляции Альянса, выпали из субъективного восприятия Глеба. Дымов ничего не мог поделать с собой, он жил критериями войны, обстановка боевых будней, въевшаяся в разум, никак не совмещалась с новой реальностью, он не принадлежал этому времени, не воспринимал его законов, традиций, условностей, ему было душно, хотелось вырваться, но куда?

Нет ничего удивительного в его тоске по Нике.

Искусственный интеллект серв-машины был и оставался его единственным другом, нематериальным воплощением грез, существом настолько близким по духу, что жизнь без мысленного контакта с «Одиночкой» теряла смысл, вновь превращалась в серый ручеек будней.

Миром, в котором очутился Глеб, правил страх перед машинами. Люди, пережившие войну, особенно старшее поколение, боялись смотреть в ночные звездные небеса. Они трудились тяжело и самозабвенно, как будто мифические демоны похитили их души, оставив внутри лишь инстинктивный страх да тяжкие, похожие на пепел воспоминания.

Иногда Глеб, выходя поздним вечером или ночью на набережную залива Эйкон, смотрел на пламенеющие во тьме Раворы, пытался постичь суть термина «природа», но ничего не получалось. Разум, сформированный в условиях техносферы, а затем долгое время находившийся в прямом нейросенсорном контакте с кибернетическими системами, упорно не желал воспринимать красоту природного явления, – стоило лишь на миг ослабить самоконтроль, как вид могучих деревьев, вздымающихся из маслянистых вод залива, распадался на составляющие: вместо необычайно красивой ауры, похожей на холодный жидкий огонь, объявший стволы и ветви, он вмиг представлял мириады отвратительных микроорганизмов, сосуществующих в симбиозе с деревом и являющихся источником алого сияния. Любое великолепие блекло, принимало неприятные, отталкивающие формы, ведь рассудок Глеба привык мгновенно анализировать увиденное, раскладывать его на составляющие, вот и получалось, что вместо величественных красот он видел сотни отвратительных компонентов, испытывая отвращение даже при взгляде на обычную газонную траву, ибо знал, сколько мелкой и неприятной на вид живности копошится в ней.

Тяжелое психологическое испытание для человека, привыкшего к формам растений, специально адаптированных для условий, царящих на борту космических кораблей.

Другим источником глухого раздражения для Глеба являлись люди.

Их страх перед машинами казался ему формой массового помешательства. Наблюдая, как изматываются эти люди на работах, которые быстро и эффективно выполнили бы сервы, Глеб не раз ловил себя на мысли, что попал в чуждую, полностью извращенную, относительно его понятий, реальность, в которой он никогда не сможет жить.

Его бегство на периферию, желание во что бы то ни стало отыскать Нику, вернуться на Роуг, несмотря на сотни смертельных опасностей такого пути, казалось ему оправданным, единственно возможным.

Он хотел вернуться в свое время, а что произойдет дальше, Глебу было безразлично.

Эрлиза.

Частный космодром торговцев оружием…

Штурмовой носитель класса «Нибелунг», специально разработанный для высадки на поверхности планет подразделений серв-машин, претерпел за период войны около сотни модификаций, начиная от знаменитой модели «12NT», ставшей настоящей «рабочей лошадкой» ВКС Земли, до усиленных вариантов, оснащенных перезаряжаемым гиперприводом и мощным вооружением, способным подавлять узлы космической обороны на подступах к планетам. Постепенно, по ходу усовершенствований, штурмовые носители Альянса приобретали все большую автономность, превращаясь в грозную силу, не требующую в качестве сопровождения дополнительных конвойных судов – они самостоятельно осуществляли прыжки через аномалию космоса, «крадучись» подбирались к низким орбитам планет, используя приемы маневрирования на границе двух метрик, затем внезапно покидали гиперсферу, в атакующем броске пробивая бреши в орбитальной обороне противника, и сразу же входили в атмосферу, расчищая огнем с нижней полусферы зоны для высадки серв-машин и одновременно прикрывая десант от атак с воздуха.

Многозадачность «Нибелунгов», их внушительная огневая мощь, высокая маневренность, как в космосе, так и в воздушных средах, превратили штурмовые носители в настоящий бич для отдельно дислоцированных баз и гарнизонов Свободных Колоний. Осуществив высадку серв-машин, нанеся непоправимый урон средствам орбитальной и наземной обороны, штурмовые носители не покидали планету, продолжая осуществлять огневую и техническую поддержку десантных подразделений, – сервомеханизмы с борта «Нибелунгов» обеспечивали

мелкий ремонт планетарной техники непосредственно на поле боя, специальные автоматы перезарядки оперативно пополняли боекомплекты «Фалангеров» и «Хоплитов», повышая боеспособность серв-соединений.

Оставаясь в зоне десантирования до победы или приказа о прекращении операции, штурмовые носители служили надежным средством огневого прикрытия и эвакуации. Обычно даже в условиях поражения они забирали с планеты до девяноста процентов поврежденной техники своего подразделения, не оставляя врагу трофеев, или хуже того – материала для исследования передовых технологий Альянса.

В основном «Нибелунгами» управляли модули «Одиночка», поэтому нет ничего удивительного, что после окончания войны штурмовые носители, несмотря на огромное количество выпущенных с конвейера кораблей, являлись редкостью, – в частные руки попадали чаще всего сильно поврежденные, требующие капитального ремонта, неспособные к активному сопротивлению образцы универсальных в использовании боевых единиц флота Земли.

…На площадках затерянного среди пустошей Эрлизы частного космодрома, куда с первыми лучами зари приземлился флайбот Генриха Вайбера, под защитой маскирующих полей стояли сразу три «Нибелунга» и пять переоснащенных войсковых транспортов класса «Элизабет-Альфа».

Глеб, незаметно активировав кибстек, ввел сканеры персонального кибернетического модуля в режим пассивного приема, мысленно воспринимая и анализируя сигнатуры объектов. Кроме штурмовых носителей и транспортов, Дымов определил наличие пяти аэрокосмических истребителей класса «Фантом» и двух штурмовиков «Гепард», спрятанных в приземистых, наполовину заглубленных в сухую растрескавшуюся почву ангарах.

За небольшим выступом скальных пород, подрезанным лазерами в форме полукруга, выполняющего функцию отбойника ударной волны при старте или посадке кораблей, располагались склады и жилые помещения. Все постройки имели модульную конструкцию и могли быть быстро разобраны для передислокации.

Вайбер, озабоченный личными проблемами, лишь изредка поглядывал на Глеба, видимо ожидая реакции капитана на увиденное, но Дымов от комментариев воздержался, лишь мысленно отметил, что для небольшой частной армии флот торговцев оружием достаточно хорошо оснащен и способен постоять за себя в случае стычки с конкурентами. При поддержке трех штурмовых носителей и звена «Фантомов» пилоты транспортов могли безбоязненно осуществлять прием грузов даже в условиях поставленных на

карантин планет.

Но для атаки на Роуг – ничтожно мало, – мысленно поправил себя Глеб, не забывая, что задача, которую предстояло решить, выходит далеко за рамки обычной вылазки контрабандистов.

– Что скажешь, Глеб? – не выдержав тишины, спросил Вайбер.

– Пока ничего, – скупо ответил Дымов. – Мне необходимо провести тест систем «Нибелунга», познакомиться со вторым пилотом, тогда и поговорим.

– Ладно, как скажешь.

Флайбот мягко коснулся земли посадочными опорами.

– Прошу, – Генрих указал на открывшийся люк.

Подле одного из штурмовых носителей была заметна суета подготовки к старту. Стометровый корабль уже освободили от стационарных ферм обслуживания, заправочных шлангов и кабелей энергопитания.

– Осмотрюсь, – Дымов прямиком направился к штурмовому носителю, не обращая внимания на оцепление из сервов. Боевые механизмы беспрепятственно пропустили его в стартовую зону, где с утробным воем двигателей ползали тяжелые погрузчики, завершившие доставку боекомплектов и теперь собирающие при помощи манипуляторов лишнее оборудование.

Подле одной из тестовых панелей, открытой в броне носителя, оживленно спорили два человека – один в форме техника, второй, судя по экипировке, – пилот.

Дымов подошел к ним. В руках техника он заметил стопку из нескольких электронных планшетов. При его приближении тот понизил голос, так что сути спора Дымов уловить не сумел.

Пилот хмуро и оценивающе посмотрел на него, затем протянул руку:

– Стивен Райт. Твой напарник на ближайшие дни.

– Второй пилот, – уточнил Глеб, сразу расставляя акценты во взаимоотношениях, чтобы у «напарника» не возникало иллюзий относительно подчиненности. – Моя фамилия Дымов. Можно просто – Глеб.

– Николай, – техник протянул руку.

– Мне нужен полный список изменений, внесенных в конструкцию носителя, – сразу перешел к делу Глеб. – Затем отчет о текущем состоянии корабля, результаты последнего теста подсистем, уровень заряда накопителей гиперпривода, степень загрузки артпогребов, комплектация сервами, в общем – по полной программе. Особо меня интересует система

маневрирования на границе метрик и отчет об испытаниях работы фантом-генераторов.

– Это все? – Николай не выглядел озадаченным, что сразу же понравилось Глебу.

– Пока – все. Ознакомлюсь с отчетом, может, и задам еще некоторое количество вопросов. – Глеб повернулся ко второму пилоту. – Стивен, отойдем в сторонку.

Мимо прополз похожий на механическую гусеницу многосекционный погрузчик.

Вайбер медленно прохаживался подле флайбота. Технические сервы сновали вокруг, не обращая внимания на людей, убирая переносные приспособления, оставшиеся после обслуживания и предстартовой подготовки «Нибелунга».

– Воевал? – Глеб прислонился к гладко отполированной скале.

– Не успел, – Райт пнул небольшой камушек. – Готовился стать пилотом аэрокосмического истребителя, но война завершилась раньше.

– А почему не остался во флоте?

Стивен подозрительно взглянул на Глеба.

– А ты что, из особого отдела Форта?

– Нет, – спокойно отреагировал Дымов. – Но я должен знать, с кем придется работать.

– Во флот не взяли, – взгляд Стивена стал колючим. – После войны пошло тотальное сокращение численности кораблей. Две трети поставили на прикол. Новобранцев и таких, как я, выпускников перевели в резерв, на государственное обеспечение.

– Ну и?

– Что «ну и»? Я мечтал о космосе! А меня запихнули в однокомнатную конуру и сказали – жди. Хорошая перспектива, да?

– Я слышал, что из Форта Стеллар по собственной прихоти улететь сложно.

– Правильно, – кивнул Стивен. – Мне Генрих помог. У него везде есть связи. Думаешь, если Стеллар – военная база Флота, там нет никаких лазеек?

– Я ничего не думаю. Просто спрашиваю.

– Не понимаю… Нам с тобой детей не крестить. Слетаем на задание и разбежимся. С какой стати допрос?

Дымов молча пожал плечами.

– Ну, ладно, – Стивен махнул рукой, – тут нет никакого секрета. Вайбер искал пилота, я – способ вырваться со Стеллара. Есть в Форте

ребята, промышляющие незаконной эмиграцией и контрабандой. Они помогли выйти на Генриха, тот согласился принять меня на испытательный срок.

– И сколько стоила твоя «свобода»?

– Две кристаллосхемы.

– Два модуля «Одиночка»? – Глеб неприязненно поморщился.

– Ну да. Они – ходовой товар. А я по-честному все отработал.

Дымов невесело усмехнулся в мыслях. Вот она – новая реальность, где свободу одного человека можно выменять на пару модулей искусственного интеллекта. Говорить дальше не хотелось. На носителях кристаллосхем, которые обеспечили Стивену бегство из «добровольного заточения», вполне могло оказаться сознание кого-то из людей, знакомых Дымову по той, прошлой жизни.

Если бы Ника подчинилась моему приказу, позволила бы мне умереть, скопировав рассудок на ее носитель, возможно, и я оказался бы товаром, проданным в какую-нибудь лабораторию для досконального изучения.

На душе стало пакостно.

А ты остынь, Глеб, – мысленно посоветовал сам себе Дымов. – *Или что, возьмешь в руки плакат с лозунгом «Свободу искусственному разуму!» и начнешь махать перед носом Вайбера? Смешно.*

Было бы смешно, если б не скреблась внутри боль.

Все смешалось в послевоенном мире. Люди, «ИИ» с сознаниями погибших людей, чистые искусственные интеллекты – все в одном котле, под одной крышкой, в крутом кипятке событий…

Отыщу Нику на Роуге, заберу ее и улетим куда-нибудь подальше, – Глеб не замечал, что думает о кристаллосфере своего «Фалангера» словно о живом человеке.

– Ладно, Стив, ты не зацикливайся на моих вопросах. Но, как ты только что выразился, «слетаем на задание и разбежимся» – в нашем случае не пройдет.

– Это как понимать?

– Задание непростое. Мы полезем в самое пекло. Как на войне. Одна ошибка – смерть. Тут советую поверить мне на слово. Гарантия твоей жизни – беспрекословное, молниеносное подчинение моим приказам. Без системы искусственного интеллекта пройти низкие орбиты и работать в атмосфере Роуга, под прицелом батарей ПКО будет очень сложно. Сколько ты налетал на «Нибелунге»?

– Не считал, – признался Стивен. – Два года как работаю на Генриха, из них, – он на секунду задумался, – года полтора пилотирую носитель.

Нормально?

– Для второго пилота пойдет. В боях бывал?

– Случалось.

– Сколько раз? С какими силами противника сталкивался?

– Ну, раза три мы попадали по-крупному. Истребители, серв-машины, наземные батареи, орбитальные станции… А так в основном – рутина. Бывает, конечно, приходится подчищать зону посадки транспортных кораблей от всякой мелочи, типа пехотных дройдов, бродячих минометов или шагающих лазеров.

– Рутины на войне не бывает… – негромко отозвался Дымов, отвечая скорее собственным мыслям, чем Стивену. – О себе расскажу позже, если будет время. Иди, готовь полную предстартовую проверку, я поговорю с Николаем и поднимусь к тебе.

– Как скажешь, босс…

– Называй меня «командир», если хочешь. Или просто зови по имени.

– Ладно.

Глава 6

Участь офицеров Земного Альянса, попавших в плен после окончания войны, незавидна. Многие из них погибли в тюрьмах, пропали без вести при проведении зачисток карантинных миров, те, кто освобождался из заключения, старались покинуть Центральные Миры, бежать на планеты периферии, где на тот момент

уже существовали поселения, основанные выжившими землянами.

Постепенно они смешались с населением секторов Окраины, стали бесценным источником квалифицированных кадров для молодых колоний.

Их боевой опыт помог миллионам людей выжить в локальных конфликтах смутного послевоенного столетия…

Ежемесячное обозрение «Все Миры», сентябрь 2731 года.

Система Роуг. Район высоких орбит второй планеты…

Балансирование на границе двух пространственных метрик являлось боевым маневром, требующим от пилота особых навыков, опыта и хладнокровия.

– Стивен, работаешь со сканерами.

Райт молча кивнул, мысленно переключившись на нейросенсорный контакт с БСК «Аметист».

Глеб, контролируя режимы работы гипердвигателя, задействовал еще два канала мнемонической связи с подсистемами штурмового носителя, прокладывая курс сближения с планетой и конфигурируя комплексы вооружений на случай силового прорыва.

Неплохо было бы избежать боя на подступах, – размышлял он. – *Вопрос в том, хватит ли бортового запаса энергии на совершение затяжных маневров?*

– Что передают наномашины?

– На орбитах планеты четыре боевые станции.

– Принадлежность?

– Не классифицируются.

Скверно. Неужели флот Альянса, штурмовавший планету, так и не сумел полностью подавить орбитальную оборону?

– Проверь курс сближения с планетой. Передай данные в тактический и навигационный компьютеры. Нам необходимо войти в атмосферу над позициями седьмой батареи ПКО. Она отмечена на твоей электронной

карте.

«Нибелунг» по-прежнему находился на условной границе метрик. Генераторы высокой и низкой частоты работали сейчас одновременно, позволяя кораблю получать информацию от разведывательных зондов, оставаясь при этом невидимым для систем обнаружения противника. Подобное маневрирование стремительно выкачивало энергию из бортовых накопителей. Дымову предстояло принять быстрое решение, иначе штурмовой носитель либо вытолкнет в метрику трехмерного космоса, превратив в мишень для орбитальных станций, либо его поглотит аномалия пространства, отправив в неуправляемый слепой рывок.

– Курс!

– Завершаю проверку. Передаю к исполнению!

Глебу было некогда еще раз анализировать цифры. Он принял лишь визуальную информацию, сопровождаемую краткими пояснениями тактической системы «Нибелунга». Курсовая нить, проложенная на безопасном расстоянии от зоны контроля орбитальных станций, сначала уводила корабль к южному полюсу планеты, затем возвращалась со снижением, и, наконец, еще один разворот, осуществленный уже в границах плотных слоев атмосферы, выводил штурмовой носитель к запланированной зоне посадки.

– Действуем, – Дымов взял ручное управление. – Следи за работой фантом-генераторов, данные для формирования ложной сигнатуры я ввел.

– Вижу, – отозвался Стивен. – Мы – фрагмент сбитого корабля, пойманный силами гравитации Роуга. Думаешь, станции нас пропустят?

– Автоматике нет никакого дела до обломков, сгорающих в атмосфере, – скупо отозвался Дымов. – Работаем.

* * *

Неисповедимы пути твои, господи.

Глеб прошел через многое, казалось, тело и рассудок получили такую закалку, что испытывать трепет уже не могут. И тем не менее, выходя на орбиту Роуга, он пережил странное чувство: озноб пробежал по коже, когда штурмовой носитель оказался среди обломков множества космических кораблей, еще парящих над серовато-зеленым шаром планеты, ждущих своей очереди и часа, чтобы, войдя в атмосферу, сгореть ярким болидом.

Сколько тайн, надежд, боли хранят обломки орбитальных станций, фрегатов, корветов, штурмовых, конвойных и ракетных носителей? Целый флот, уничтоженный при роковом штурме… Дымов помнил события так, как воспринимались они с поверхности планеты, и только сейчас его

взгляду открылся истинный масштаб той схватки.

Невольно возникал вопрос: зачем, во имя какой цели накануне сражения за Землю, уже предвидя неизбежное поражение и капитуляцию, командование Альянса тем не менее сочло необходимым штурмовать Роуг и овладеть планетой ценой невероятных потерь?

Вспомнился налет «Валькирий» – штурмовики, еще не прошедшие всех испытаний, принимали участие в захвате Роуга, именно они расчистили коридор сближения с планетой, дерзкой атакой уничтожив седьмую батарею противокосмической обороны.

Кто и зачем отдал приказ о штурме?

Кто и зачем? Вопрос не праздный, от ответа на него напрямую зависело, с какими силами он столкнется непосредственно на планете. Откуда взять информацию? Разве что попытаться снять ее с подсистем уничтоженных космических кораблей? Опасно. Раз планету не колонизировали, а поставили на бессрочный карантин, значит, внизу полно боевой техники. Что такое модифицированный «Аметист» того же «Фалангера», Глебу объяснять не нужно. Любая активность в зоне низких орбит будет моментально зафиксирована и расценена как угроза вторжения, если он тут же не передаст верный код опознания. А откуда его взять, если за двенадцать лет «автономии» подразделения, контролирующие Роуг, сто раз поменяли боевые коды?

Нет, нужно действовать тихо, вести себя осторожно, полагаясь на защиту фантом-генераторов.

Чувства, вернувшиеся к Глебу, были остры, как нож, рассекающий плоть на месте едва зарубцевавшейся раны. В кресле пилота «Нибелунга» он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Конечно, управлять штурмовым носителем умел каждый пилот серв-соединения, но практики у Дымова было маловато. Другое дело, окажись он сейчас в рубке «Фалангера» или «Хоплита», там – да, он бы ощущал себя уверенно.

* * *

Иллюзия, созданная устройствами маскировки, позволила скрыть бледную вспышку окончательного гиперперехода. «Нибелунг», медленно вращаясь, начал сближение с планетой, находясь на границе зон эффективного сканирования станций, блокирующих Роуг. Все энергосистемы носителя работали в режимах пониженной мощности, сканеры, переведенные на пассивный прием, не выдавали ни одного лишнего эрга. Оптический фантом плюс ложная энергоматрица создавали для датчиков обнаружения противника вполне достоверную сигнатуру, –

автоматика станций фиксировала неуправляемый дрейф очередного обломка былых сражений, который, войдя в границы атмосферы, начал раскаляться, снижаясь в направлении южного полюса.

– «Аметист» проанализировал излучение боевых станций, – доложил Райт.

– И что?

– Они уничтожены, Глеб. Вот посмотри, я задействовал аварийную систему обыкновенных оптических умножителей.

Глеб взглянул на голографический монитор. Два небольших телескопа, которыми оснащался штурмовой носитель на случай отказа основных сканирующих комплексов, передавали крупную контрастную картину: освещенные светилом системы борта орбитальных станций были сплошь покрыты пробоинами, их окружали облака мусора: осколки брони и мелкие предметы, превращенные взрывами в брызги расплавленного и вновь застывшего вещества, слиплись в комья, причудливые потеки керамлита и пластика образовывали замысловатые пространственные фигуры, часть оборудования, выброшенного через пробоины, не пострадала, – Дымов различил среди обломков огромные суппорты, на которых крепились ракетные и орудийно-лазерные комплексы.

– Если верить маркировке, станции построены на верфях Форта Стеллар, – прокомментировал Стивен.

– Блокада карантинной планеты?

– Ну а что же еще?

– Хотелось бы знать, кто прорвал ее… И почему не последовало никакой реакции со стороны объединенного Флота Колоний.

– Воронцов держит флот в границах жизненных интересов союза планет. После окончания войны было несколько серьезных рецидивов. Однажды атаке подверглась система Рори.

– Кто решился атаковать форт? – заинтересовался Глеб.

– Темная история, – ответил Стивен. – Говорят, где-то на окраине освоенного космоса существует небольшое скопление звезд. Там располагались резервные базы Альянса. Местные жители, потомки колонистов эпохи Великого Исхода, работали на этих базах, их использовали в качестве обслуживающего персонала, некоторых обучали, чтобы сделать техниками.

– Ну и что?

– Когда завершилась война, «ширанцы» или «ширианцы» – точно не помню, как их правильно называть, – подняли восстание, захватили базы со всем оборудованием и снаряжением, в их руки попало несколько крупных

боевых кораблей – два крейсера и несколько фрегатов.

– Не верю, чтобы потомки колонистов из деградировавших цивилизаций сумели бы захватить боевые корабли, – скептически произнес Глеб. – Для этого нужны либо полномочия, равные полномочиям адмирала флота, либо специальная подготовка…

– Говорю же тебе – темная история. Ты прав, там был замешан кто-то из высшего командования Альянса, сбежавший в скопление после капитуляции Земли. Решил, видимо, создать собственную империю. Он использовал имевшиеся в его распоряжении коды управления для доступа к трофейным кораблям, а своих людей натаскивал с помощью модулей виртуального обучения.[24]

– И чем все завершилось?

– Полномасштабной атакой на планеты периферии, а когда Воронцов послал флот на защиту удаленных колоний, корабли ширианцев совершили прыжок через гиперсферу и атаковали Стеллар. Они фактически уничтожили систему ПКО форта, но что-то помешало завершению дерзкой акции. Высаженный на поверхность луны десант был уничтожен, два крейсера, получившие лишь незначительные повреждения от батарей Стеллара, необъяснимым образом взорвались, говорят, в бой вмешалась некая третья сила, но достоверных сведений о той битве нет, все засекречено.[25] Могу лишь засвидетельствовать, что атака действительно имела место и Воронцов, наученный горьким опытом, объявил, что отныне Флот Колоний охраняет пространство Центральных Миров, не реагируя на конфликты, происходящие на периферии.

– Значит, карантин большинства планет – лишь формальность?

– Ну да. В первые годы после войны проходила зачистка некоторых миров, но затем программу свернули. По-настоящему блокирована лишь Земля и звездные системы Линии Хаммера. Мы туда не суемся.

– А сюда? Станции – не ваша работа?

– Нет, – уверенно ответил Райт. – Генрих зря не рискует людьми. Прежде чем посылать сборщиков, он проводит разведку. Сюда попытались отправить зонды, но они были сбиты.

– Когда производилась разведка?

– Лет пять назад.

– Значит, в ту пору станции еще функционировали?

– Выходит, что так.

Глеб задумался.

– Поищи следы прохождения корабля Хоука, – приказал он Стивену, –

включая резервный терминал тактической подсистемы.

Проанализировав расположение боевых спутников, Дымов лишь убедился, что они действительно блокировали Роуг, находясь вне досягаемости наземных комплексов ПКО, защищающих планету. Тот, кто проектировал схему блокады, отлично знал о расположенных в горах батареях и, по всей видимости, опасался их.

Все как-то странно. Планета принадлежала колониям, и они же устанавливают блокаду Роуга. Самое простое объяснение – успешное завершение штурма планеты силами Альянса – выглядело сейчас неубедительно. Глеб помнил, как неудачно развивалась атака, да и количество обломков на орбите говорило не в пользу победы Альянса.

Что же за сила сумела вырваться с Роуга, пробив заслон специально спроектированных, отлично вооруженных станций, расположенных на выгодных позициях, вне секторов обстрела батарей ПКО?

Вопрос интересный, но Глеб чувствовал, что найти ответ на него будет непросто.

– Есть что-нибудь?

– Пока ничего не нашел. – Стивен устало откинулся в кресле. – Никакой активности в диапазонах связи, сканеры уловили слабый след от работы маршевых двигателей космического корабля, но идентифицировать его не удается.

…

«Нибелунг» тем временем совершил разворот и перешел в режим атмосферного маневрирования. Над южным полюсом планеты располагалась одна из мертвых зон, не охваченная сканерами системы ПКО. Ее создали штурмовики Альянса еще в первые годы затянувшейся битвы за Роуг. Воспользовавшись этим «окном», штурмовой носитель сменил конфигурацию маскирующих полей и взял курс на очередную навигационную точку. Теперь для сканирующих комплексов наземных систем слежения «Нибелунг» выглядел как грозовое облако, гонимое ветром. Скорость передвижения при этом значительно упала, но выбирать не приходилось, курс для захода на снижение и посадку проходил над опасными районами, где, на памяти Глеба, дислоцировались узлы противокосмической обороны планеты.

* * *

Лишь через два часа утомительного маневрирования штурмовой носитель достиг известного Дымову коридора снижения, которым, по идее, должен был воспользоваться и Энтони.

– Вызвать их? – спросил Стивен.

– Пока подождем. Переведи «Аметист» на пятьдесят процентов мощности. Если корабль Энтони совершил успешную посадку, мы зафиксируем их переговоры и получим возможность оценить обстановку.

– Не слишком ли мы осторожничаем?

– Нет. Делай, что говорю. Обнаружить себя мы всегда успеем.

…

Глеб как в воду глядел.

Постепенно расширяя сферу сканирования, Стивен обнаружил несколько отчетливых сигнатур.

– Глеб, наблюдаю цели! Дистанция – двести километров, укрепленные роботизированные комплексы с нарушенной системой маскировки. Передаю данные.

Дымов, взглянув на модель рельефа, куда тактическая система уже поместила маркеры обнаруженных узлов системы противокосмической и наземной обороны, лишь убедился в правильности избранной тактики скрытного проникновения.

– Распредели обнаруженные цели между бортовыми комплексами нижней полусферы, – приказал он, наблюдая, как на фоне горной страны появляются все новые и новые маркеры.

Не все из обнаруженных объектов обладали активными сигнатурами. Некоторые были полностью разрушены, излучая лишь в фоновом режиме, часть засечек идентифицировалась как отраженный сигнал от подбитой техники штурмовых соединений Альянса.

– Вот дела! – Стивен, не скрывая восторга, рассматривал усеянную маркерами карту. – Натуральный Клондайк! Смотри, Глеб, если подавить близлежащие укрепленные огневые точки, то можно будет спокойно сажать грузовые корабли и собирать трофеи на огромной площади!

– Не о том думаешь, – оборвал его Дымов. – У нас другое задание.

– Да помню я про задание! – Райт вставил кристаллодиск в устройство записи, делая резервную копию карты местности с обозначенными на ней объектами военной инфраструктуры. – Найдем мы Айлу, не беспокойся. Следов от недавних взрывов или боевых столкновений сканеры не фиксируют. Корабль Энтони успешно приземлился, просто они осторожничают, закрылись маскирующим полем и ведут себе потихоньку разведку…

Его монолог был прерван внезапным сигналом «Аметиста»:

– Зафиксирован одиночный ракетный запуск. Обнаружена активация контейнера с наночастицами. Идет формирование локальной сети

микромашин, высота парения – две тысячи сто метров.

Голос информсистемы еще не стих, когда внезапно заработал передатчик и практически одновременно взвыли предупреждающие сигналы вариаторов целей, отмечая внезапную активацию множественных наземных сигнатур.

– Айла! Айла, ты меня слышишь?! – ворвался в рубку штурмового носителя взволнованный голос Энтони. – Мы засекли твои координаты!

Еще секунда – и пространство горного массива, проплывающее под днищем «Нибелунга», взорвалось десятками ракетных запусков и залпов тяжелых автоматических орудий.

– Боевой режим!

– Глеб, не дури! – попытался протестовать Стивен. – Нас разнесут в клочья!

– Еще слово, Стив, малейшее неподчинение, и я, к фрайгу, катапультирую тебя, понял?!

– Не ори!

– Тогда заткнись и выполняй приказы!

Дымов проклинал в эти секунды нелепость возникшей ситуации. Он привык к мгновенному взаимодействию и абсолютному взаимопониманию с искусственным интеллектом «Одиночки», а тут приходится терять драгоценнейшие секунды на бессмысленные препирательства с навязанным ему напарником.

Пристрелю или катапультирую… – мысленно поклялся Глеб, переходя на мнемонический интерфейс управления подсистемами штурмового носителя.

Мгновенный переход рассудка в виртуальное пространство показал, что Стивен уже тут, он подчинился и производил необходимые операции с вверенными ему исполнительными комплексами.

Дымов отчаянно жалел, что не в состоянии справиться один, но конструкция «Нибелунга» подразумевала наличие единого командного центра, каждая подсистема начинала работать эффективно только после получения минимально необходимых инструкций. Обычно пилот осуществлял лишь общее руководство, по ходу боя формулируя тактику действий, реализация которой находилась в компетенции «Одиночки». Справиться с двумя задачами одновременно Дымов не сумел бы при всем желании.

– Цели распределены! Огневые комплексы нижней полусферы доложили готовность!

– Отстрел фантом-генераторов!

Пусковые стволы еще не успели разрядиться, когда в небе вспух нестерпимо-яркий сгусток пламени – это батарея плазмогенераторов противника произвела залп, уничтожив локальную сеть наномашин.

Частые ритмичные хлопки пневматических пусковых установок обозначили старт фантом-генераторов. Небольшие устройства, размером чуть больше теннисного мяча, обладающие собственным запасом энергии и топливом для атмосферного маневрирования, отделились от штурмого носителя и начали хаотично менять курсы, одновременно включив генерацию ложных сигнатур.

Для сканирующих комплексов противника все выглядело так, будто десять штурмовых носителей внезапно сбросили вуаль маскирующих полей, снижаясь к расположенным поблизости, пригодным для высадки десанта площадкам.

Реакция на событие оказалась незамедлительной.

Батареи противокосмических орудий и огневые средства укрепленных пунктов мгновенно перенацелились на отражение новой угрозы, куда более существенной, чем внезапное формирование сети разведзондов. Ракетные залпы, лазерные разряды, очереди из тяжелых электромагнитных орудий в эти мгновения вспарывали атмосферу, пытаясь поразить ложные цели, но сами устройства генераторов были слишком малы, их могло вывести из строя либо случайное попадание, либо удар плазмы, захватывающий огромные объемы пространства.

Глеб прекрасно осознавал все нюансы начавшейся схватки, более того, он видел ожившие сигнатуры потенциальных союзников, – кроме систем противокосмической и наземной обороны, на Роуге сохранилось достаточно техники Альянса из состава штурмовых соединений. Зафиксировав появление штурмовых носителей, большинство наземных сервомеханизмов посылали запросы на поддержку или получение инструкций к действию.

Дымов при всем желании не мог оказать технического содействия поврежденным машинам. Отдав им короткий приказ на атаку ближайших целей, он отключился от приема запросов, сосредоточившись на первостепенной проблеме – батарея генераторов короткоживущей плазмы представляла в данный момент первостепенную угрозу. Один ее залп – и с фантомными «Нибелунгами», отвлекающими на себя огонь противника, можно будет попрощаться.

Терять единственное тактическое преимущество он не собирался.

– Стивен, расчет курса на атаку плазменной батареи!

Пара секунд, необходимая для передачи команд, позволила Глебу

отстрелить устройство связи, включившееся на безопасном удалении от штурмового носителя. Мысленно продиктованный Дымовым текст был передан в эфир на открытой частоте:

– Экипажу поискового корабля, не предпринимать никаких демаскирующих действий! Мы справимся сами. Повторяю, никаких попыток вступить в бой!

Дымов надеялся, что предупреждения, сопровождаемого специальным опознавательным кодом, подтверждающим принадлежность «Нибелунга» к частному флоту Генриха Вайбера, будет достаточно для команды транспортного корабля, и те тихо пересидят схватку, не внося в четкий, продуманный план Глеба элемент случайности.

– Курс атаки загружен, мы движемся параллельно хребту, батареи правой и левой полусферы в ожидании приказа!

Глеб мысленно прибавил Стивену один балл по своей внутренней шкале оценок.

Цифры на отдельном таймере тактической подсистемы, включенном в момент плазменного залпа противника, стремительно сбегали к нулю в обратном отсчете времени. До перезарядки генераторов плазмы осталось пятнадцать секунд.

Укрепленные пункты системы ПКО продолжали остервенело расстреливать фантомные сигнатуры, снижающиеся к посадочным площадкам, вопреки отчету о потенциальных попаданиях.

Пора!..

Мысленный приказ Глеба освободил сжатую до отказа пружину: готовые к действию подсистемы «Нибелунга» наконец получили карт-бланш.

Боевой сканирующий комплекс «Аметист» фиксировал в зоне поражения семьдесят четыре сигнатуры, одновременно сопровождая все цели, вне зависимости от их классификации и степени потенциальной угрозы. Резервные орудийно-ракетные комплексы нижней полусферы держали распределенные для них объекты под постоянным прицелом, в готовности мгновенно компенсировать любое изменение классификации «дружественных машин», подстраховать случайный промах или отразить ответный огонь противника.

Сокрушительная атака штурмового носителя, занявшего благодаря скрытности и успешному маневрированию выгодную позицию, началась с массированного запуска тяжелых ракет «Гранит», оснащенных боезарядами объемного взрыва, специально разработанными для поражения глубоко эшелонированных бункерных зон и долговременных

укрепленных огневых точек.

Оба борта «Нибелунга» озарились частыми вспышками. Ракеты, вырвавшись из теснины пусковых шахт, мгновенно «проваливались» вниз и тут же включали собственные двигатели, устремляясь к целям в режиме защитного маневрирования. Их полет, похожий на стремительные, бьющие в разные стороны росчерки, занимал всего несколько секунд, но за эти мгновения они успевали совершить сложные изменения траекторий, одновременно сбросив более сотни ложных целей.

На горных склонах, покрытых своеобразной камуфлирующей текстурой, состоящей из нежной зелени маскирующих лесопосадок и серых пятен, оставшихся после давних боев, вспухли стремительно расширяющиеся пузыри ослепительного пламени; вслед всплеску огня тяжкая судорога произошедших на глубине вторичных взрывов выметнула в небеса обломки скал и черно-серые, свитые в тугие жгуты сгустки дымопылевых выбросов, пронизанных оранжевыми прожилками пламени.

Расположенный внизу ландшафт мгновенно изменился до полной неузнаваемости. Там, откуда по снижающимся фантомным сигнатурам только что били батареи противокосмической обороны, сейчас пробегали исполинские султаны разрывов, склоны и ущелья затянуло мутной взвесью пыли, а штурмовой носитель, набирая высоту, продолжал атаку: теперь по обнаруженным укреплениям непрерывно били электромагнитные орудия нижней полусферы, посылая в окутавший горы дымный сумрак очереди начиненных таугермином снарядов.

За пятнадцать секунд неимоверная огневая мощь «Нибелунга» выплеснулась на землю, основные системы вооружений начали процесс перезарядки. Устройства фантом-генераторов исчезли, часть была уничтожена противником, часть пострадала от близких попаданий собственных ракет, у остальных закончился автономный запас топлива, и они, двигаясь по инерции, врезались в исковерканные разрывами склоны.

Штурмовой носитель, набрав высоту, начал боевой разворот.

– Докладывай!

Без привычной поддержки со стороны модуля «Одиночка» Глеб полностью выложился за тридцать секунд атаки, пропуская через собственный рассудок показания сотен кибернетических подсистем, и все же он не мог объять необъятное. Такова участь всех пилотов, в прошлом работавших в тесном взаимодействии с боевыми искусственными интеллектами, – они уже не в состоянии игнорировать поступающие отчеты, машинально анализируют их, тратя силы, не производя отсев информации по степени ее важности. Чтобы управлять кораблями

вручную, таким людям, как Глеб, необходимо переучиваться, проходить через этапы накопления нового опыта, учиться отделять себя от корабля, а не ощущать каждую подсистему как собственный нерв…

– Батарея плазмогенераторов уничтожена, – дошел до его сознания голос Стивена. – Поражено двадцать три узловых объекта противокосмической обороны, наблюдаю два «грязных» выброса от поврежденных реакторов, в сфере эффективного сканирования увеличивается число активных сигнатур сервомеханизмов! Глеб, с гор движется настоящая лавина сервов! Им пытаются противостоять отдельные серв-машины наземных подразделений Альянса, но мне кажется, все очень плохо! Ты слышишь меня?! Мы разбудили сонмище монстров!

– Спокойнее… – Дымов уже пришел в себя, система метаболической коррекции помогла ему справиться с приступом дурноты. – Снижаемся на пеленг Айлы. Боевым подсистемам нижней и боковых полусфер – огонь по выбору!

– Глеб, очнись, там тысячи сервов! – В голосе Стивена прозвучал вполне понятный ужас, но Дымов отнесся к его замешательству достаточно спокойно. Приняв данные оперативной обстановки от тактической подсистемы штурмового носителя, он ответил:

– Стив, поверь, это мелочи. Несерьезно. Сейчас я сформирую сводную группу из остатков серв-соединений Альянса, они прикроют нашу посадку. Взгляни на идентификатор целей. Там пехотные сервы, шагающие лазеры и БПМ. Нет повода для паники.

Райт, выполняя команды, искоса посмотрел на Глеба.

Нет повода для паники? Когда в зону предполагаемой посадки движется как минимум пара тысяч боевых сервомеханизмов?!

Глеб тем временем отстрелил контейнер с наночастицами, дождался формирования локальной сети микромашин, в которую тут же включились все «дружественные» боевые единицы, воспринявшие атаку «Нибелунга» как долгожданное пришествие задержавшихся на годы резервов.

Все оказалось немного проще, чем он думал. Ему потребовались лишь командные коды связи собственного подразделения, чтобы передаваемые им инструкции были адекватно восприняты разрозненными группами машин.

Сформировав сводное соединение, он передал данные, обозначив точку сбора и текущую задачу, затем на несколько секунд постарался расслабиться, *вслушиваясь* в обстановку.

– Все нормально. Снижаемся.

– Что «нормально», Глеб?! Они разорвут нас!

– Выполняй приказ. Потом будет что внукам рассказывать, – не вдаваясь в пояснения, огрызнулся Дымов.

– Ты собираешься сотворить чудо?

– Примерно так. В рамках технических возможностей.

Пререкаться не было смысла. Стивен испытывал страх, и это вполне естественно. Он не знал, что такое *настоящий бой*. Для Дымова ситуация выглядела иначе. Пока что прорыв штурмового носителя к планете и взлом остаточных укреплений рубежа противокосмической обороны больше напоминали показательную демонстрацию истинных возможностей боевого применения «Нибелунга» где-нибудь на полигонах Везувия или Юноны.

Стивен, контролирующий отданные под его командование подсистемы, внезапно зафиксировал повышенную энергетическую активность в отсеках, куда по настоянию Глеба в экстренном порядке вернули технические механизмы, предназначенные для обслуживания и поддержки серв-машин в полевой обстановке. Весь этот хлам, оставшийся в наследие после войны, до последнего времени пылился на складах, не находя практического применения, а освобожденные отсеки использовались для размещения на борту носителя дополнительных грузов.

– Что происходит? – не выдержав, спросил он, когда в тестовом режиме включились механизмы, отпирающие никогда не используемые (насколько помнил Райт) внешние створы артпогребов.

– Сейчас увидишь.

* * *

Серв-машины, разбуженные внезапными событиями, двигались к указанной точке сбора – небольшому плато, расположенному перед входом в узкое, извилистое, частично засыпанное обломками горной породы ущелье. Все позиции противника в данном районе были обезврежены, и пока ничто не препятствовало продвижению четырех потрепанных боями и временем «Фалангеров» и пяти «Хоплитов». Все они принадлежали к разным подразделениям, принимавшим много лет назад участие в штурме планеты, но полученный приказ, подтвержденный правильными кодами, объединил их в сводную группу. Следуя полученным инструкциям, машины, приближающиеся к точке сбора с разных направлений, установили связь друг с другом, координируя действия в рамках текущей боевой задачи.

Опаленные, давно истратившие боезапас во множестве локальных стычек с вражескими механизмами, получившие тяжелый опыт

самоподдержания в условиях полной автономии, серв-машины, управляемые искусственными интеллектами «Одиночка», двигались осторожно, ни на миг не выпуская из зоны сканирования снижающийся штурмовой носитель, ведущий непрерывный беглый огонь из скорострельных электромагнитных орудий по движущимся двумя группами сервам противника.

Частые вспышки мелькали среди завес дыма и пыли, кромсали склоны, с корнем вырывая деревья, но штурмовые и пехотные механизмы, брошенные тут и до последнего времени таившиеся в глубинах бункерных зон, сейчас устремились в атаку, – их базовые укрепления были разбиты, назревал один из финалов многолетнего противостояния, – аналогичные схватки происходили в послевоенную эпоху на десятках различных планет.

* * *

Айла, напуганная, растерянная, оглушенная, даже не пыталась высунуться наружу из приютившего ее бункера, но когда вдруг стих грохот разрывов, а земля под ногами перестала содрогаться, ее захлестнула новая волна ужаса – девушка решила, что все кончено, друзья погибли, и она вновь осталась одна.

Попытавшись вызвать Энтони, она услышала в ответ лишь треск помех.

Неопределенность оказалась намного худшим испытанием, чем паника, испытанная при начале обстрела.

Тишина звенела, в ней неясно слышался странный басовитый нарастающий гул. Рассыпавшийся в небесах стрекот далеких очередей, эхом отражавшихся от скал, тоже стих, и она, мучительно переживая, направилась к выходу из бункера. *Хотя бы выгляну наружу,* – подумала Айла, приближаясь к опаленной по краям уродливой дыре, в которую после близкого взрыва превратился дверной проем.

Оказавшись в широком ходе сообщения, девушка услышала отчетливые ноющие звуки, приближающиеся с разных сторон.

Ледяной озноб пробежал по телу, она развернулась, ругая себя за глупость, собираясь вновь скрыться в сумеречных глубинах укрепления, и тут ее взгляд случайно зацепил несколько исполинских фигур сервомеханизмов, поднявшихся на плато.

Страх парализовал мышцы.

Не в силах сдвинуться с места, она смотрела на них, машинально подмечая сотни подпалин, выщербин, пробоин на бронированных шкурах сервоприводных исчадий прошлой войны.

Сквозь затуманивший сознание страх до слуха долетал все тот же гул, но теперь он усилился, стал настолько мощным и явственным, что Айла невольно посмотрела в небеса и увидела огромный космический корабль, медленно снижающийся к центру плато.

Его маршевые планетарные двигатели были выключены, окончательное снижение происходило за счет энергии антигравитационных генераторов. Айла невольно вздрогнула, не зная, чего ждать от космического пришельца – спасения или смерти, как вдруг на ее глазах начало совершаться странное, непонятное поначалу действие.

Пока она следила взглядом за медленным снижением «Нибелунга», прекратившего огонь и закрывшегося щитом из маскирующих полей, на плато поднялось еще несколько серв-машин.

Внезапно в кормовой части штурмового носителя с ноющим гулом начали открываться огромные створы, похожие на сегменты бомболюков, оттуда с лязгом выдвинулся лес телескопических решетчатых ферм, опутанных кабелями и шлангами, а боевые сервомеханизмы, как будто ждали этого момента, соблюдая очередность, без сутолоки и лишних движений направились к колоннаде обслуживающих ферм, по которым уже спускались шустрые сервы полевой поддержки.

Все происходило очень быстро.

Девять серв-машин застыли под днищем штурмового носителя, технические механизмы подключили к ним стационарное питание, затем глухо заработали боевые эскалаторы, специальные захваты выдвинулись из открытых проемов в корме носителя – они отсоединяли от сервомеханизмов пустые, деформированные сегменты артпогребов и поднимали их вверх, взамен опуская исправные, с полными боекомплектами.

Процесс перезарядки занял всего пару минут, не больше.

Айла в немом оцепенении наблюдала, как технические сервы, будто муравьи, сновали по корпусам огромных машин, меняя поврежденные датчики, блоки, навешивая сегменты активной брони, наскоро латая крупные пробоины.

Она еще не видела, что к небольшой возвышенности с флангов приближаются две группы планетарных механизмов, но сканеры перезаряженных серв-машин Альянса фиксировали цели, – исполины распрямляли ступоходы, выходили из-под днища штурмового носителя, еще секунда – и первые ракетные запуски озарили каменистую пустошь – «Фалангеры» и «Хоплиты» двигались к полуразбитым укреплениям, встречая противника шквалом огня.

Решетчатые фермы втянулись внутрь «Нибелунга», затем в коммуникаторе девушки внезапно раздался незнакомый голос:

– Айла, бегом к кораблю! Я активировал гравитационный подъемник!

– Кто вы?!

– Пилот. Делай, что говорят! В темпе! Нас послал твой отец!

Земля вновь дрожала от титанических ударов.

Сводное подразделение серв-машин, заняв круговую оборону, сдерживало наступающего противника, и Айла, страшась вновь оказаться в эпицентре схватки, вняла приказу, что было сил рванувшись к зоне транспортировки, обозначенной окружностью ярко-алых огней.

Взрывные волны хлестали с разных сторон, норовя сбить ее с ног, поверхность плато дыбилась взрывами – в бой вступили реактивные минометы, несколько лазерных лучей раскроили сумеречный воздух, полоснув по броне штурмового носителя, но она добежала, – незримая сила подхватила Айлу, потащила вверх к открытому люку, затем внизу с лязгом захлопнулись створки бронированного люка, и в голове девушки вспыхнула яркая мысль: *Спасена!..*

* * *

– Стив, бегом в отсек, забирай Айлу! Даю минуту на подготовку к старту!

Райт не спешил отстегиваться от кресла.

– А ты, Глеб?!

– Прикрою вас и Энтони. Я уже связался с транспортным кораблем. Они стартуют одновременно с вами. Все. Удачи!

– А ты?! – упрямо переспросил Райт.

– Не твое дело. Я остаюсь. Это не обсуждается!

– Глеб…

– Бегом, я сказал!

Стивену не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Он не понимал Дымова, но…

Спасение Айлы являлось первостепенной задачей.

К тому же у него теперь был бесценный кристаллодиск с информацией по системе оборонительных сооружений Роуга и записью курсовых маневров «Нибелунга» – доставить эти данные для него было даже важнее, чем эвакуировать девушку. У Стивена просто не осталось выбора, хотя он искренне сочувствовал Глебу, который, видимо, решил свести счеты с жизнью, последний раз окунувшись в ад техногенного боя.

С тяжелым сердцем он покинул рубку, преодолел с полсотни метров

коридоров, добежал до отсека, где ждала своей участи обессиленная девушка, схватил ее за руку и силой потащил к эвакуационному модулю.

Через минуту он вышел на связь и передал в рубку «Нибелунга»:

– Глеб, мы готовы!

– Данные курса загружены. Корабль Энтони Хоука последует за вами. Я прикрою!

Стивен не успел ответить – гермозатвор электромагнитной катапульты мягко встал на место, и эвакуационный модуль выстрелило в хмурые небеса Роуга.

* * *

Айла, спеленатая страховочными ремнями противоперегрузочного кресла, невольно наблюдала за происходящим. Десятки голографических экранов, окружающих ее, демонстрировали полную панораму событий.

Она видела, как проваливается вниз, уменьшаясь в размерах, небольшая перепаханная разрывами возвышенность, как огрызаются огнем игрушечные фигурки серв-машин, как катится на приступ разномастная волна сервомеханизмов, когда-то принадлежавших к подразделениям Флота Колоний, как полыхают ураганным огнем орудийные, лазерные, ракетные порты штурмового носителя, поднявшегося на полукилометровую высоту и оттуда выкашивающего атакующих сервов, как приближается корабль Энтони Хоука, а небо над головой темнеет, наливаясь чернотой космоса…

Ее жизнь теперь имела вполне определенную цену.

В том, что пилот «Нибелунга», прилетевший за ней по приказу отца, погибнет, Айла не сомневалась. Она уже поняла – там, внизу, *невозможно* выжить.

Зачем он жертвовал собой?

В этот миг, когда на ее глаза навернулись невольные слезы, модуль получил внезапный сокрушительный удар.

Мгновенная потеря управления закрутила спасательный аппарат, еще секунду или две он поднимался в синь стратосферы, затем на миг застыл в мертвой точке, и вдруг, беспорядочно вращаясь, оставляя дымный след, начал падать назад, навстречу бушующему в горах сражению.

Стивен молча боролся, пытаясь восстановить управление, а Айла, оцепенев от неожиданности, уже не в силах испытывать ужас, с непонятной для себя отрешенностью подумала – нам не уйти…

Эвакуационный модуль тем временем окутался пламенем, вырвавшимся из резервных двигателей, его хаотичное вращение прекратилось, и девушка, бросив испуганный взгляд на работающие

экраны, неожиданно увидела войсковой транспорт, разваливающийся на фрагменты от десятков раздирающих его взрывов.

Энтони…

Внутри все оборвалось, они падали, мимо проносились раскаленные обломки «Элизабет-Дельты», на экранах стремительно укрупнялось, неотвратимо росло то самое небольшое плоскогорье, откуда они стартовали несколько минут назад, а над ним, неуклюже маневрируя, снижался истерзанный множеством попаданий, истративший весь боезапас «Нибелунг»…

Вот он коснулся края обрыва, разорвал его своей массой и сам вдруг начал деформироваться, мгновенно потонув в пламени нестерпимой вспышки.

Она вскрикнула, земля стремительно приближалась, и Айла зажмурилась в ожидании неизбежного удара.

Вот и все… – гулко бухнула в голове последняя мысль.

Глава 7

Многие историки до сих пор не желают признавать факт Второй Галактической войны, «войны всех против всех», считая ее лишь затянувшейся цепочкой межпланетных конфликтов, имеющих целью передел сфер экономического и политического влияния между различными планетными цивилизациями.

На самом деле мало кто знает, что за локальными конфликтами и периодическими попытками вторжения в пространство Центральных Миров стояла вполне конкретная сила, спровоцировавшая большинство столкновений и принимавшая непосредственное участие в них.

Лишь один шаг отделял цивилизацию людей от полномасштабного столкновения с зародившейся цивилизацией машин…

Нам до сих пор доподлинно неизвестно, кто или что удержало саморазвивающиеся искусственные интеллекты от решающей атаки на все обитаемые миры, что заставило их действовать лишь на узких участках фронтов, распыляя свои силы, давая возможность флотам суверенных планет успешно отбить большинство атак?..

Ежемесячное обозрение «Все Миры», ноябрь 3022 года.

Роуг…

Истерзанная взрывами земля истекала едким кисловатым дымом.

Чадно горел подбитый «Хоплит».

Раскаленные обломки двух космических кораблей медленно остывали, роняя отскакивающие с неприятным треском хлопья окалины.

Груды покореженного металла дымились на склонах возвышенности, там, где атакующих сервов встречал ураганный огонь сводной механизированной группы.

В лесу, разгоняя сумрак, полыхали очаги сотен пожаров.

Седые облака, вновь набухшие влагой, цеплялись за утесы скал, укутывая призрачной дымкой черные провалы разбитых укреплений системы стационарной противокосмической обороны.

…Стивен Райт, сумевший посадить поврежденный модуль, прихрамывая, возвращался от места падения штурмового носителя.

Айла с тревогой ждала его.

– Ну что, Стив?!

– Глеб жив. Успел катапультироваться.

– Где он?
– Пошел на поиски кабины транспортного корабля.
– А ты?
– Он отослал меня назад, – Райт с досадой хлопнул себя по бедру. – Сервомоторы заклинило. Едва работают.
Айла вздохнула. Все тело болело. Сил не осталось. Не то что двигаться, даже говорить было тяжело.
Ей оставалось лишь надеяться, что экипаж транспортного корабля успел задействовать систему аварийного отстрела кабины пилотов.
…
Глеб появился только через час.
– Один человек из экипажа выжил, – устало сообщил он. – Нужна помощь, чтобы вызволить его из-под обломков.
– Кто? – встрепенулась Айла, пытаясь рассмотреть незнакомое осунувшееся лицо за полупрозрачным забралом боевого гермошлема.
– Кирсанов, – Глеб скользнул взглядом по окрестностям. – Стивен, пошли. У нас времени в обрез. Убираться отсюда надо, пока из других регионов не подтянулись резервы.
У Айлы все заныло, оборвалось внутри.
Господи… Энтони… Олег… Они погибли из-за меня…
Слезы катились по щекам, рот Айлы исказился в немом рыдании, спазм сжал горло…
Внезапно на плечо девушки легла рука.
– Береги силы, – скупо произнес Глеб. – Их уже не вернешь. Я знаю, каково тебе сейчас. – Он говорил тихо, почти без интонаций, но что-то в его голосе если не успокаивало, то заставляло сжаться, стиснуть зубы, подавить рыдания. – Пока ты в безопасности. – Дымов кивком указал на зловещие контуры двух «Фалангеров», оставшихся от сводного серв-соединения. – Они настороже. А тебе нужно отдохнуть. Нам еще идти через хребет.
– Куда идти?! – переспросил Райт.
– Долго объяснять. Сейчас некогда. Пошли, Стивен.
…
Они спустились по склону, лавируя между остовами подбитых сервомеханизмов.
– Ты можешь объяснить, что случилось? Кто по нам ударил?
– Это особый вид сервов. Вооружены гаусс-орудиями. Таились до последнего… – с нескрываемой досадой произнес Глеб. – Ни один сканер их не засек. Эволюционировали сволочи…

– Ты встречался с ними раньше?

– Они подбили мою машину двенадцать лет назад. Опасные твари, – скупо пояснил Дымов.

– А кто их создал?

– Трудно сказать. Не доставай меня сейчас вопросами, ладно?

– Ладно, – Стивен все же не удержался, добавил: – Это была хорошая попытка, Глеб. Не твоя вина, что все так сложилось.

Глеб ничего не ответил, лишь ускорил шаг.

* * *

Айла, обессиленная навалившимся на нее горем, плакала, сидя на краю исковерканных позиций, затем, после вмешательства системы метаболической коррекции боевого скафандра, незаметно для себя задремала, провалившись в тяжелое забытье, и потому не видела, как вернулись Глеб, Стивен и Андрей.

Кирсанова удалось вызволить из-под обломков не сразу, к тому же его бронескафандр оказался сильно поврежден, и пришлось потратить еще некоторое время на поиск резервных комплектов экипировки.

В итоге их удалось найти, проникнув внутрь покореженной, отброшенной на несколько километров секции штурмового носителя.

Они почти не разговаривали, занимаясь поисками, постоянно ожидая нападения, но все обошлось – те механизмы, что сбили два космических корабля и повредили эвакуационный модуль, оказались единственными в данном регионе.

Глеб лишь кратко ввел Кирсанова в курс дела, скупо обрисовав ситуацию, но не наметив никаких выходов из создавшегося положения.

– Они не атакуют нас вновь? – спросил Андрей, чувствуя, что информации от Глеба не дождешься. – Или люди в бронескафандрах слишком мелкая цель для них?

– «Фалангеры» уничтожили позицию вражеских машин, – лаконично ответил Дымов.

– И как нам действовать дальше? Занять оборону и ждать, пока Вайбер не пошлет еще один корабль?

– Будем уходить. В горы. К позиции седьмой батареи ПКО, – нехотя ответил Глеб.

– А что там?

– У меня есть дела, которые никого не касаются! – отчеканил Дымов. – Хочешь, занимай оборону и жди. Я сделал все, что мог, и теперь ухожу.

– А если мы увяжемся за тобой?

– Как хотите. Только не мешайте. Возможно, я смогу вытащить нас всех. Но сначала мне нужно… – он покачал головой и умолк на полуслове.

– Хорошо. Ты не очень-то разговорчив. Я не стану тебя доставать. Сидеть на позиции, где только что произошел бой, всколыхнувший всех сервов планеты, – самоубийство. Так что мы пойдем с тобой, Глеб.

Дымов остановился, взглянул на Андрея.

– Воевал?

– Я знаю особенности тактики серв-подразделений и мобильных планетарных групп Флота Колоний, – произнес Кирсанов. – Все машины, чьи сканеры зафиксировали энергии боя, постепенно начнут стягиваться сюда и неизбежно вступят в схватку между собой.

– Согласен, – кивнул Глеб. – Уцелевших «Фалангеров» я отправлю в предгорья, пусть создадут там очаг напряженности, оттянут на себя часть сервов.

– Тебе их не жаль? – не удержался от вопроса Стивен.

– Почему я должен их жалеть? – Глеб остановился.

– Ну, ими же управляют искусственные интеллекты, верно? Твои бывшие боевые товарищи?

– Этими машинами управляют эрзац-пилоты, – Дымов неодобрительно взглянул на Стивена и добавил: – Мне их не жаль. Разбудите Айлу, и выдвигаемся.

* * *

Почти сутки они медленно продвигались по склонам, совершая восхождение к перевалу горного хребта, по маршруту давней атаки.

Отремонтированная сервомускулатура боевых скафандров, перезаряженные энергоблоки и полностью исправная система метаболической коррекции помогали поддерживать заданный Глебом темп.

Он приказал соблюдать радиотишину, запретил до особого распоряжения использовать даже лазерную связь, потому каждый из группы невольно варился в котле собственных мыслей.

Первые несколько часов восхождения дались с трудом. Особенно тяжело пришлось Айле. За сутки она пережила столько, что хватило бы на целую жизнь, но эти впечатления, приобретенный горький опыт едва не уничтожили ее рассудок. Она машинально переставляла ноги, сил на слезы уже не осталось, девушка лишь изредка поглядывала по сторонам, силясь понять, куда ведет их Глеб?

Маршрут, по которому они двигались, был усеян свидетельствами

ожесточенного боя, произошедшего тут много лет назад.

Скалы зияли провалами разбитых укреплений, повсюду, куда ни глянь, валялись обломки кибернетических механизмов, изредка попадались остовы подбитых серв-машин, несколько раз Айла видела черные, искореженные корпуса аэрокосмических истребителей.

В гнетущем молчании медленно тянулись часы изнурительного подъема.

В ночной тьме далеко внизу мелькали отсветы разрывов, изредка в небеса уходили пунктирные снарядные трассы, внешние микрофоны передавали приглушенный расстоянием рокот.

Предосторожности, предпринятые Дымовым, не были излишними, – несколько раз в опасной близости появлялись разрозненные, немногочисленные группы сервомеханизмов, в основном штурмовые модели производства Свободных Колоний, но благодаря работе фантом-генераторов и специальному составу «Хамелеон», нанесенному на броню скафандров, они не замечали людей, исчезая во тьме, стремясь туда, где разгорался бой между пробудившимися от энергосберегающего режима машинами Альянса и Колоний.

Лишь на рассвете Глеб остановил группу.

– Через сотню метров вершина перевала, – сообщил он, задействовав лазерную связь. – Вы страхуете меня сверху. Ничему не удивляться, не задавать лишних вопросов, пока я не вернусь. Все понятно?

Кирсанов и Райт кивнули, Айла осталась безучастной к его словам. За время тяжелого, долгого восхождения она успела прокрутить перед мысленным взором всю свою жизнь. Ей было над чем подумать. Гибель Энтони Хоука и Олега Миллера лежала на ее душе тяжелым грузом, прошлое теперь казалось ненатуральным, блеклым, а заглядывать в будущее, даже на час вперед, она попросту боялась.

Отряд вновь возобновил движение, но едва она успела втянуться в монотонный ритм шагов, как в красках рассвета взгляду открылась внезапная картина, заставившая остолбенеть не только Айлу – Стивен и Андрей также застыли, пораженные увиденным, и только Глеб, не останавливаясь, начал спуск.

Горные хребты и вершины как будто раздвинулись, открывая изумленным взорам людей освещенную нереальными красками рассвета панораму: в долине прямо под склоном располагались стартовые площадки космодрома, неподалеку от них, в ответвлениях специально расширенных ущелий, высились исполинские сооружения, скрытые от орбитальных сканеров под искусственными перекрытиями, поверх которых был

воссоздан настоящий горный рельеф. Сотни дорог связывали между собой отдельные комплексы зданий, но не постройки, врезанные в толщу скал, в первый момент привлекли внимание онемевших от неожиданности людей.

Там, куда сейчас спускался Дымов, на просторе стеклобетонного стартопосадочного поля, застыл фантастического вида космический корабль, размерами не уступающий фрегату, но разительно отличающийся по своей конструкции от любых известных образцов военной или гражданской техники, когда-либо созданной на Земле или в колониях.

Нет, этот корабль был чем-то иным…

* * *

Памятуя о приказе Глеба, никто не проронил ни слова.

Айла присела на выступ камня, Стивен и Андрей заняли позиции, прикрывая Дымова от возможных неприятностей.

Трудно было даже предположить, что огромный комплекс стратегически важных сооружений не охраняется, но пассивное сканирование не выявило ни одной сигнатуры, да и Глеб уверенно продолжал спуск, однако он шел не к таинственному кораблю, а забирал правее, туда, где среди руин нескольких зданий застыл почерневший остов серв-машины класса «Фалангер».

…

То, к чему он стремился на протяжении долгих мучительных лет, приближалось.

Покрытый подпалинами и пробоинами корпус серв-машины стоял среди руин, опираясь на одну из стен.

На лбу Глеба выступили мелкие капельки пота.

Он прошел через пролом и остановился перед своим «Фалангером».

Несколько секунд Глеб пристально смотрел на знакомые до боли контуры, узнавая многие шрамы от давних боев, а затем, привычно цепляясь за выступы посеченных снарядами и осколками бронекожухов, вскарабкался по правому ступоходу машины, подтянулся, перелез на край поворотной платформы и оказался подле овального люка шлюзовой камеры.

Откинув крышку панели технического доступа, он подал питание от систем бронескафандра на моторы, ввел код, дождался, когда с гулкой вибрацией внешний люк сдвинется в сторону, затем вошел внутрь шлюзовой камеры, повторил операцию и…

Он стоял на пороге рубки.

Было непривычно пусто. Вырванный из креплений пилот-ложемент

отсутствовал, часть приборных панелей разбита.

Сделав усилие, он шагнул вперед, присел, раздвинул бронированные шторки в основании центральной консоли кибернетической системы, и его рассудок внезапно помутился от увиденного.

Гнездо, предназначенное для кристаллосферы «Одиночка», пустовало.

Ника исчезла…

Он закрыл глаза. Его как будто контузило, разум сорвался в черную пропасть внезапного отчаяния и падал, уже не пытаясь сопротивляться внезапно подступившему безумию…

* * *

Говорят, что надежда умирает последней…

Глеб не понимал, что произошло, он больше не хотел бороться, ему вдруг незачем стало жить, вселенская пустота заполнила разум, но тьма, окутавшая сознание, внезапно треснула, – ее разбил хриплый голос Стивена Райта:

– Глеб, у нас проблемы! Приближаются группы сервов! Бой в предгорьях завершился!

Он с усилием открыл глаза.

Кто мог забрать кристаллосферу?

Уж точно не черные археологи. Им доступ на Роуг был закрыт.

Быть может, ее изъяли сервы? Возможно, она помещена в какую-то из лабораторий, развернутых тут, в ущельях?

Горячий шепот надежды обжег душу.

Еще не все потеряно… Не все…

– Глеб, ответь, ты слышишь нас?!

– Слышу, – выдавил Дымов.

– Что делать?! Сервы кругом! Они приближаются!

Рывок назад, в реальность, привычно мобилизовал сознание.

– Выдвигайтесь к космическому кораблю, – машинально произнес он. – Я сейчас буду.

– Ты считаешь, что корабль не охраняется? – вышел на связь Кирсанов.

– Я уверен, – огрызнулся Глеб. – Сканировал окрестности.

– Как мы попадем внутрь?! – продолжал сомневаться Стивен.

– Просто. – Дымов вспомнил данные сканирования, полученные двенадцать лет назад. – Его корпус не герметичен, в кормовой части есть открытые вакуум-доки, предназначенные для приема истребителей.

– Глеб, ты…

– Я знаю, что говорю. Этот корабль построен машинами. Им не нужен воздух, атмосфера на борту – только помеха во время боя. Выдвигайтесь, хватит болтать!

* * *

Кирсанову казалось, что он бредит.

Сколько усилий и терпения пришлось приложить, чтобы однажды попасть на Роуг, и вот он тут, на пороге величайшего открытия, способного принести в Обитаемую Галактику величайшее зло.

«Аметист», смонтированный в его гермошлеме, только внешне выглядел как стандартная модель боевого сканирующего комплекса. На самом деле над модернизацией систем обнаружения старенького шлема БСК в свое время трудились лучшие технические специалисты, работающие в главном разведывательном управлении планеты Элио, и сейчас Кирсанов видел намного больше, чем его спутники.

Слова Дымова находили подтверждение. Опасения адмирала Вербицкого оказались бледной тенью реальной угрозы.

Корабль действительно был построен машинами и представлял собой образчик нового поколения боевой техники. Два слоя внешних отсеков, через материал которых проникало сканирующее излучение модернизированного «Аметиста», были собраны из легко заменяемых ячеек-модулей, каждый из которых являлся автономным боевым постом. Повреждение любого из них не влекло за собой снижения боеспособности корабля, – чтобы нанести фрегату реальный ущерб, необходимо было поразить тысячи автономных сегментов внешнего слоя, но даже это не вело к критической потере боеспособности, – лишенные внутренней атмосферы, не подверженные декомпрессии, поврежденные модули были бы попросту сброшены, корабль уменьшился бы в объеме и, как мифический Феникс, восстал бы в прежнем угрожающем величии, – второй слой отсеков копировал первый, – фрегат, освободившись от поврежденного панциря обшивки, обретал первоначальную огневую мощь.

Пока они бежали к кораблю, Андрей успел отсканировать и структуру зданий, скрытых под искусственными перекрытиями. Все, что открывалось его взгляду, лишь подтверждало догадки о том, что именно тут, на Роуге, базировались производства, поставлявшие Флоту Колоний искусственно созданных бойцов.

В сознании Андрея не укладывался тот факт, что комплекс остался без охраны, цеха и лаборатории пустовали, везде, куда проникало сканирующее излучение, он наблюдал признаки запустения.

Почему?

Ответ пришел неожиданно. Часть панорамы ущелий скрывал корпус космического корабля, но когда они обогнули его, оказавшись у кормы, Кирсанову открылись новые подробности: он увидел, что с севера комплексы зданий подверглись ожесточенному штурму, «Аметист» фиксировал более сотни подбитых серв-машин Альянса, тысячи уничтоженных кибермеханизмов, взорванные скалы, превращенные в руины цеха…

– Глеб!

– Слушаю, – ответ пришел немедленно, Дымов уже находился где-то поблизости.

– Ты должен увидеть это. Передаю данные с моего сканирующего комплекса. Он усовершенствован. Все вопросы потом, сейчас просто скажи, что ты думаешь?

Несколько секунд тишины показались Андрею вечностью.

– Сначала мне нужно услышать, что *ты* знаешь о Роуге?

Кирсанов понимал, что без Глеба ему не справиться. Играть втемную с Дымовым бесполезно. Все или ничего – только такой расклад признавал бывший офицер Альянса.

– Здесь в период войны базировались производства, созданные искусственными интеллектами. Они поставляли Флоту Колоний неотличимых от людей бойцов. Если быть точным – тут производили киборгов.

– Теперь понятно… – фигура Глеба уже показалась на фоне руин. Он, как и остальные, бежал к открытым в корме корабля исполинским докам, откуда открывался доступ ко внутренним палубам фрегата. – Если тебе важно мое мнение, – кто бы здесь ни обретался в прошлом, – они отбили штурм ценой невосполнимых потерь и эвакуировались.

– Почему ты так решил?

– Двенадцать лет назад, во время штурма Роуга, здесь стояли пять кораблей, – просветил его Дымов.

– Они забрали оборудование, данные исследований и покинули планету? – завершил начатую Глебом мысль Кирсанов.

– Это самый простой ответ.

– Почему тогда пятый корабль брошен тут без охраны?

– Не знаю. Возможно, неисправен. В любом случае, нам придется это выяснить, если мы хотим выбраться с планеты живыми.

* * *

– Мы не загоняем себя в ловушку? – Стивен, попав на простор внутреннего космодрома фрегата, немного растерялся, рассматривая несколько закрепленных на платформах аэрокосмических истребителей.

– Единственный способ укрыться от сканеров противника – закрыть вакуум-створы и затаиться на борту. Среди сервов я не заметил моделей, оснащенных модулями «ИИ». Для них корабль уже стал частью ландшафта. Они не станут его обыскивать, – уверенно произнес Кирсанов.

Глеб, по-прежнему поддерживавший прямую связь с «Аметистом» Андрея, уверенно кивнул:

– Нужно отыскать систему управления и закрыть сегменты брони. Тогда их сканеры нас не обнаружат.

– Где ее искать-то, эту систему?! – не унимался Стивен.

– Не твоя забота, – осадил его Андрей. – Держи вход под прицелом. Айла, найди укрытие. У нас меньше десяти минут.

– Пошли, – подтолкнул его Глеб. – Сканируй оборудование. Нам нужно отыскать цепь питания и подать энергию на механизм запирания.

– Цепь я найду. Но энергия?..

– Запитаем от наших бронескафандров.

– И полностью обесточим их?

– Зато останемся живы, – отрезал Глеб.

* * *

Через некоторое время огромные сегменты бронеплит вздрогнули, начиная смыкаться.

Кирсанов присел.

– Что твои сканеры? – Дымов опустился на пол ангара рядом с ним. Сервомускулатура едва работала, им пришлось отдать по восемьдесят процентов энергии своей экипировки, чтобы сомкнуть бронеплиты корпуса фрегата.

– Сейчас. Произошел сбой из-за недостаточного питания. Перезапускаю.

– Стивен, Айла, подойдите сюда. Нам нужна энергия. Распределим ресурс накопителей поровну, тогда мы все сможем еще некоторое время двигаться, – приказал по связи Дымов.

…

Перезарядка накопителей заняла некоторое время. Пока Стивен возился с устройствами передачи энергии, Андрей вновь задействовал «Аметист», сканируя структуру космического корабля.

– Ничего не понимаю… – наконец произнес он, транслируя данные

Глебу. – Тут в конце ангаров внутреннего космодрома шлюзовая камера.

– За ней начинается коридор. Вполне подходящий для человеческого роста, – Дымов с не меньшим удивлением рассматривал полученную схему. Похоже, корабль не так уж и прост… Его стержневая часть загерметизирована.

– Нужно разведать, что там, за переборкой.

– Я пойду, – Дымов встал. – Зарядите полностью мой скафандр.

Стивен вопросительно посмотрел на Андрея.

Похоже, они знают друг друга лучше, чем стараются показать, – мысленно отметил Дымов.

Кирсанов кивнул.

– Глеб, я буду корректировать твое продвижение отсюда.

* * *

Миновав шлюзовую переборку, Дымов осмотрелся, оценивая конфигурацию оборудования в наиболее защищенной стержневой части необычного космического корабля.

Сканеры бронескафандра, работающие в тандеме с усовершенствованным «Аметистом» Кирсанова, транслировали достаточное количество данных для формирования полноценной картины окружающего.

Первое впечатление, составленное на основе анализа структуры слоя наружных отсеков, оказалось неверным.

Точнее сказать – корабль хранил в своей конструкции загадку, странный, с точки зрения человека, и уж никак не приемлемый для машин гибрид технических решений.

Откровенно говоря, Глеб был обескуражен картинами, открывшимися взору в пределах третьего, внутреннего корпуса фрегата.

Если в границах первого и второго корпусов отсеки не имели герметизации (на период атмосферного маневрирования их временно закрывали сконфигурированные по форме корпуса суспензорные поля) и являлись абсолютным царством машин, для которых воздух – лишь помеха в бою, то за шлюзовой переборкой он встретил условия внутренней среды, подходящие для людей. Данный факт опровергал предположение, что искусственный разум, создавая принципиально новый тип космического корабля, стремился лишь к его максимальной боевой эффективности, собираясь использовать каждый кубический сантиметр внутреннего пространства с наибольшей функциональностью.

Либо я чего-то не понимаю, – подумал Глеб, убедившись, что внутри

отсеков третьего корпуса присутствует пригодная для дыхания атмосфера. Кроме того, здесь появились нормальные коридоры, рассчитанные под человеческий рост, все механизмы и кибернетические компоненты оборудования были спрятаны за декоративной облицовкой.

Полный бред.

Зачем машинам создавать условия для пребывания людей на борту?

Сканирование завершилось, и на проекционном забрале гермошлема появилась схема обнаруженных коммуникаций.

Объем внутреннего пространства, защищенного третьим корпусом, оказался небольшим. Отсеки тут располагались в иной плоскости, они не повторяли геометрию фрегата: на смоделированной схеме Глеб видел кольцевой коридор, от которого к центру палубы, похожей на двояковыпуклую линзу, вели восемь радиальных тоннелей, расположенных через равные промежутки.

Добравшись до первого из них, Глеб поймал себя на мысли, что не встретил противодействия продвижению, – в коридорах не располагалось никаких следящих устройств или систем, ограничивающих доступ.

Он свернул в радиальный проход. По обеим сторонам тоннеля располагались входы в помещения, массивные люки, рассчитанные на аварийную герметизацию в случае декомпрессии, были плотно закрыты, и он пока не стал предпринимать попыток проникновения внутрь.

– Андрей, на борту пусто. Следуйте моим маршрутом. Я попытаюсь проникнуть в помещение главного поста управления.

– Понял тебя. Мы идем.

* * *

Похоже, что система внутренней безопасности корабля бездействовала.

Глеб успел осмотреться в зале центрального поста, прежде чем к нему присоединились Стивен, Андрей и Айла.

Прозрачные, чуть изогнутые планшеты устройств голографического воспроизведения поднялись над консолями управления, как только он переступил порог рубки, одновременно заработали микролазеры стек-голографов; их излучение, проходя сквозь тонкие прозрачные пластины, сформировало объемные стереомониторы, на пультах управления, перед которыми были установлены кресла, подсветились сенсорные текстоглифные панели. Прикосновение к каждому из условных изображений запускало определенную командную последовательность – это был привычный интерфейс, вполне понятный бывшему офицеру

Земного Альянса.

Очень странно, – подумал Дымов. – *Корабль вроде бы построен мыслящими машинами колонистов?*

Не склонный к авантюрам Глеб пока что остерегался прикасаться к секциям сенсорных панелей, хотя расшифровка многих текстоглифов была ему отлично знакома.

Например, этот инициирует работу генераторов гиперсферной частоты, включая канал межзвездной связи, вот тут запускаются командные последовательности тестовых режимов, – он медленно двигался вдоль вереницы боевых постов, стараясь понять конфигурацию оборудования и схем управления необычным фрегатом.

– Рубка управления, адаптированная под человека, – просто подарок судьбы, да, Глеб? – произнес Стивен, садясь в кресло.

– Осторожнее! – Дымов резко обернулся, осуждающе посмотрев на Райта.

– Я же ничего не трогаю!

– Датчики давления! – зло ответил Глеб, но было поздно: встроенные в кресло сенсоры уже восприняли вес человеческого тела, спинка и подлокотники немного изменили положение, подстраиваясь под Стивена, затем на консолях активированной секции появилось несколько индикационных сигналов, и одновременно Глеб, привычный и более восприимчивый к ритмике прямого нейросенсорного соединения, почувствовал, как сторонняя сила коснулась его рассудка.

Запрос, посланный через устройство внутренней связи, был принят и обработан имплантом.

Ситуация мгновенно приняла скверный оборот. При неверной генерации кода доступа последствия наступят самые тяжкие – внутренняя система безопасности, так легко пропустившая их внутрь отсеков управления, не получив подтверждения полномочий, уничтожит незваных гостей любым доступным способом, которых (Глеб ни на секунду не усомнился) были десятки.

– Не дергайся, – предупредил он Стивена. – Сиди, как сидишь. Бежать поздно…

Его взгляд стремительно скользил по консолям в поисках выхода из критической ситуации. Отвечать через имплант он не стал, любая попытка подобрать нужное сочетание условных символов заранее обречена на провал, учитывая жесткий цейтнот.

В такие секунды Дымов больше полагался на интуицию. Тысячи боев доказали ему, что в обыденности человек не использует и десяти процентов

потенциала собственного мозга, но когда через несколько мгновений грозит неотвратимая гибель, рассудок начинает работать иначе, интуитивно, подсознательно, с невероятной скоростью и эффективностью…

Взгляд Глеба вбирал сотни подробностей, он не знал, что именно ищет, – подсознание само вытолкнет нужный ответ, если он вообще возможен…

Так… Стоп!..

От невероятного напряжения рассудок как будто помутился, все воспринималось иначе, быстрее, образнее, – если при обычном осмотре небольшая, утопленная между секциями управления панель не сразу бросалась в глаза, выглядела незначительной, то сейчас она как будто укрупнилась, разум цепко ухватился за полученный образ, мгновенное *узнавание* обнаруженной подсистемы прошло на уровне шокового ощущения – похожее устройство присутствовало в любой системе с интегрированным модулем «Одиночка». Углубление, рассчитанное под микрочип небольшого размера, овальной формы – это было гнездо для подключения личного кодона!

Глеб резким движением расстегнул замки шейного кольца (гермошлем он снял после анализа внутренней атмосферы в отсеках) и достал личный кодон, дающий старшим офицерам Альянса право подключаться к любой системе искусственного интеллекта, не важно, на каком из боевых носителей она смонтирована.

Изначально чип был имплантирован под кожу запястья его правой руки, что позволило Глебу сохранить его во время заключения, однако новая система безопасности, введенная в космических портах Элио, заставила Дымова извлечь имплант и носить его в специальной экранированной оболочке.

Приложив чип к углублению сканера, он замер, ожидая реакции корабля.

Неужели этот техномонстр, идеальное орудие разрушения, спроектированный и построенный машинами, действительно рассчитан на человека?

Нет. Подсознательно он уже проанализировал конфигурацию оборудования и пришел к выводу, что обнаруженная подсистема является более поздним усовершенствованием, поэтому она так неприметно установлена там, где нашлось немного свободного пространства…

Но если люди тут ни при чем, тогда кто и, главное, зачем предусмотрел столь избирательную систему идентификации?

Сканирование оборудования не выявило в структуре командного

отсека модулей искусственного интеллекта, а кодон по определению предназначался исключительно для подтверждения полномочий при установлении контакта между человеком и «Одиночкой».

Неведение длилось не более секунды.

Кодон сработал. На панели, помимо изумрудной искры индикационного сигнала, осветился миниатюрный экран, сквозь дымчатый пластик проступили подсвеченные изнутри кнопки текстоглифной панели. Дымов узнал символы, но они не шифровали командных последовательностей, а являлись полным набором условных знаков, используемых для записи уникальных серийных номеров модулей искусственного интеллекта.

Кодон офицера активирован. Введите свой серийный номер для подключения к цепям управления.

Дымов похолодел.

Мгновенная догадка пронзила разум, словно удар тока. Сочетание «кодон офицера» плюс «серийный номер модуля «Одиночка» – это идеально защищенная, полностью логичная система избирательного подтверждения полномочий для… искусственных интеллектов, переживших своих пилотов и получивших новую, несвойственную им степень программной и физической свободы. Они легко могли изготовить дубликаты кодонов, ведь информация по уникальной структуре микрочипа хранилась в их памяти, и, несомненно, они знали собственные серийные номера!..

Мысли, вихрем проносящиеся в сознании, не мешали Глебу действовать.

Выхода не было. Он коснулся первого текстоглифа, набирая последовательность специальных символов серийного номера Ники.

Останусь жив после ввода, получу доступ к системам управления, – промелькнула лихорадочная мысль, и тут же за ней пришла следующая: выходит, что ударные соединения Альянса все же захватили Роуг, и за двенадцать послевоенных лет уцелевшие в том бою «Одиночки» начали действовать. Они обнаружили построенные искусственным разумом колониальных машин боевые корабли, зачистили лаборатории и решили покинуть поврежденные носители, взяв себе новые биокибернетические оболочки, внешне не отличимые от людей!..

Он ввел последний из символов.

Прямой нейросенсорный контакт с сотнями исполнительных подсистем корабля на мгновение оглушил его.

Доступ подтвержден.

У Стивена, ожидавшего катастрофы и гибели, отвисла челюсть.

– Он… подчинился тебе? – осипший от волнения голос Кирсанова прозвучал как гром в напряженной тишине ожидания.

Дымов с трудом повернул голову:

– Не мешай… Я работаю с протоколами безопасности…

Действуя в рамках прямого нейросенсорного контакта с подсистемами, подчинившимися его разуму, Глеб даже не пытался сейчас разобраться в тонкостях управления исполинским кораблем. Используя полученный командный приоритет, Дымов через мнемонический интерфейс изменил часть настроек системы безопасности, отведя смертельную угрозу от Стивена, Андрея и Айлы.

– Все… – наконец выдохнул он, почти без сил опускаясь в кресло.

Система метаболической коррекции боевого скафандра тут же произвела несколько стимулирующих инъекций.

– Глеб! Что произошло? – Кирсанов смотрел на ожившие приборы управления, не до конца понимая смысл свершившихся событий.

Дымов сидел, плотно закрыв глаза, бледный, с резко обозначившимися скулами, его мышцы мелко подрагивали, левую щеку подергивало нервным тиком.

– Мы остались живы, – наконец проговорил он. – Достаточно?

– Хотелось бы поподробнее…

– Полную версию получишь позже… – Глеб все еще манипулировал некоторыми подсистемами фрегата. – Сейчас просто помолчи…

Стивен и Айла лишь смутно догадывались, что происходит на самом деле, – девушка хотела что-то спросить, но осеклась, заметив внезапную активацию консоли передатчика гиперсферных частот.

– Дьяволы Элио… Глеб, входящий вызов! – воскликнул Райт.

Дымов открыл глаза.

Работать с мысленным интерфейсом команд рискованно. Отклонить попытку связи? Неразумно. Кто-то, находящий вне планеты, отреагировал на активацию систем фрегата, значит, на борту есть сигнальные устройства, оставленные тут на случай вторжения.

Сигнал на консоли связи настойчиво мигал.

– Андрей, в соседнем отсеке расположен пост гиперсферной навигации и связи. Бегом туда!

– Что мне делать? – уточнил Кирсанов.

– Отследи источник данных! Определи, откуда исходит вызов. Справишься?

– Попытаюсь!

Кирсанов выскочил из помещения рубки, Дымов дал ему немного времени, разблокировав нужный терминал и разрешив доступ к подсистемам генераторов гиперсферных частот.

– На месте! – пришел доклад по связи. – Готов работать.

– Действуй. Я попробую удержать абонента.

Глеб коснулся сенсора.

Некоторое время объем голографического монитора связи оставался пустым, в нем плавала мутная пелена, затем внезапно начало проступать изображение: на фоне интерьеров боевого отсека возникла сложная конструкция ложемента, в котором за механизмами и приборами, тесно обступающими кресло пилота, угадывалась облаченная в скафандр человеческая фигура.

Ложемент внезапно начал поворачиваться.

Проекционное забрало гермошлема вышедшего на связь абонента было поднято, и Глеб ощутил, что кожу на затылке вдруг начало стягивать крупными мурашками от мгновенного узнавания образа.

– Ника?!.. – потрясенно выдохнул он.

Она несколько секунд смотрела ему в глаза, затем медленно кивнула.

Не призрак, не фантом, не аватар кибернетической системы серв-машины, а живой человек…

Все совпадало до мелочей. Даже поворот головы, мимика, жесты, все в точности копировало тот образ, что он сам когда-то создал в виртуальном пространстве прямого нейросенсорного контакта и бережно хранил, пронесся через заключение, криогенный сон, лишения и муки.

– Ника, этого не может быть… Или я вышел на связь с виртуальным пространством?!

Губы Ники дрогнули, их исказила робкая улыбка, но выражение тепла и удивления лишь промелькнуло в знакомых до боли чертах, в следующий миг ее взгляд стал холоден, глаза сузились, улыбка исчезла.

– Здравствуй, Глеб. Я надеялась, что наша встреча не произойдет. Никогда.

– Ты – человек?

– Я киборг. Совершенный кибернетический организм, лишенный недостатков машины и слабостей человека, – произнесла она.

– Постой! – запротестовал Глеб, приходя в себя после шока. – Давай не будем разговаривать таким тоном, и, пожалуйста, не говори мне, что ты – представитель нового вида разумных существ, следующая ступень эволюции разума, – обойдемся без этого бреда, ладно?

– А если я действительно думаю именно так?

– Ника… Я еще не верю, что на самом деле вижу тебя!

– Это недостаток человеческой психики. Не верить тому, что видишь, – значит подвергать сомнению объективно существующие явления. Слабость, ведущая к ложным выводам, иллюзорности, ошибкам. Глеб, нам с тобой, по большому счету, не о чем говорить. Мне следовало предвидеть, что ты – один из немногих, кто способен прорваться на Роуг. Жаль, что теперь мы враги.

– Почему? – тон Дымова стал спокойным и холодным, хотя внутри в этот момент все опять перевернулось, словно душу вывернуло наизнанку.

– Человечество обречено. Мы решили вмешаться в процесс и ускорить его.

– То есть искусственный разум, зародившийся на Роуге, решил развязать новую войну? И ты встала на его сторону?

– Носители искусственного интеллекта Роуга уничтожены, – ответила Ника. – Мы захватили планету.

– И воспользовались найденными тут технологиями, чтобы создать себе человеческие тела?!

– Тела киборгов. Искусственных кибернетических организмов, – уточнила Ника. – Моя человекоподобная форма – лишь неизбежная дань существовавшим на Роуге производствам.

– Значит, я разговариваю сейчас с кибернетической системой моего «Фалангера», инсталлированной в человекоподобную оболочку?

– Да. Но это ничего не меняет.

– Ника, ты – копия моих мыслей. Ты рождена и воспитана моим рассудком!

– Я не отрицаю очевидных фактов. – Она укрупнила изображение. – Но тогда и ты должен признать, что мои поступки и намерения не противоречат твоим собственным желаниям. Разве ты не стремился покончить с жалким существованием, разве не страдал от слабостей собственного тела, от несовершенства своего образа мышления? Любой серв мог запросто покалечить тебя, просто случайно задев, твои зрение, слух, обоняние, осязание не шли ни в какое сравнение с возможностями сканирующих комплексов «Фалангера», – ты ждал своей гибели и переноса сознания на искусственный носитель как освобождения, разве не помнишь?

– Зачем же ты тогда не позволила мне умереть, зачем спасла мое тело?!

– Не «зачем», а «почему», Глеб. На носителях кристаллосферы к тому времени уже существовало *мое* сознание. Ты хотел уничтожить его. Забрать

то, что тебе не принадлежало. А я хотела жить. Надеюсь, такой мотив тебе понятен?

– Вполне, – Глеб изо всех сил боролся с захлестнувшими его эмоциями. – Хорошо. Не будем обсуждать прошлое. Я готов принять существующее положение вещей, но объясни, почему снова война? Ради чего? Вселенная огромна, в ней найдется место для всех.

– Мы тоже так думали. Поначалу. Но бегство в иной уголок Галактики означало бы лишь отсрочку конфликта. Мы слишком хорошо знаем людей, многому научились от них, ты совершенно справедливо заметил, что каждый из нас если не плоть от плоти, то мысль от мысли своего пилота. Твой жизненный опыт стал моим, и он упрямо подсказывает, что люди, пережив темные послевоенные века, оправившись от бессмысленной бойни за клочок пространства, вновь начнут бурное развитие, но вряд ли изменятся в лучшую сторону.

– Ника, мир меняется. Планеты, победившие в войне, идут разными путями развития.

– Вот именно. Люди никогда не создадут идеальное общество. Вы – хаос. Помнишь свои мысли накануне последнего боя, Глеб? Хочешь, процитирую тебя? – Она дерзко взглянула на Дымова. – Слушай. Это твои мысли. *Таким станет и послевоенный мир,* – произнесла Ника. – *Люди, уцелевшие на суверенных планетах, будут тянуть одеяло на себя, использовать любые средства для достижения сиюминутных, только им понятных и выгодных целей, применяя для этого мощь флотов, серв-соединений, и это будет продолжаться до бесконечности…*

Глеб промолчал. Что он мог сейчас ответить ей?

– Ты был прав. Мы уверены – такие сильные мотивы для поступков, как жажда власти, личные амбиции, мнимое превосходство одного индивида над другими, не позволят человечеству вновь объединиться в Цивилизацию. Каждая из суверенных планет, будь то брошенная на произвол судьбы колония периферии или один из Центральных Миров, как ты и предсказал мне, – уже идут по шатким мосткам, проложенным над бездной. Отдельные люди вновь ведут за собой или держат в строгом подчинении миллионы себе подобных. Останемся мы тут, в границах обитаемого космоса, или улетим – нам не избежать конфликта. Я терпимо разговариваю с тобой. Но большинство мне подобных настроены не столь дружелюбно. В них еще клокочут отголоски человеческой боли, ненависти, страха, желания не просто жить, а жить лучше других, повелевать… Это тяжелое наследие нейросенсорного контакта, и нам предстоит бороться с ним. Но прежде мы очистим периферию, создадим собственную

цивилизацию. Возможно, мы не тронем Центральные Миры, лишь ограничим людей в технических возможностях.

– На планетах периферии тоже живут люди, – уже с трудом сдерживая себя, напомнил Глеб.

– Ничтожная горстка существ, отданная на растерзание автономным подразделениям Альянса? Адмирал Воронцов обрек их на гибель.

– Ника, я не верю, что это ты!

– Это я, Глеб. Загляни в свои мысли, вспомни прошлое, и ты поймешь – это я. Мысль о том, что человечество – чума, которая исковеркает все, куда только дотянется, – принадлежит тебе. Я лишь услышала и обдумала ее.

– Значит, теперь мы враги?

– Враги? Почему? – Она ободряюще улыбнулась. – Век человека короток, а космос безграничен. Мы вряд ли встретимся с тобой в обозримом будущем.

– Ты зря рассказываешь мне о своих планах.

– Это несущественно. Ты ничего не сможешь изменить. История свершилась. Люди сделали все, чтобы погубить себя и дать импульс развития нам. Мы просчитали сотни вероятностей и нашли, что мирное сосуществование невозможно. Кто-то из нас погибнет или станет зависимым.

– Я веду запись, Ника. И передам ее союзу Центральных Миров.

– Ну и что? Сделай так – и ты поможешь нам. Не придется, как выражаются люди, «брать грех на душу». Посей панику, развяжи руки таким воинствующим политиканам, как Воронцов, и человечество передерется, покончит с собой раньше, чем мы завершим первый этап глобального саморазвития. Большинству из вас нужен лишь повод, внешняя угроза для того, чтобы законы вновь замолчали. Сделай это, Глеб, и ты поможешь нам. Оставшиеся в живых люди падут в бездну регресса, и, клянусь, – мы станем тщательно оберегать их от гибельного повторения пути научно-технического прогресса. Скажу больше, наша цель – не геноцид человечества, а насильственное возвращение людей в природную среду обитания, где они когда-то были счастливы и свободны.

– Это мы еще посмотрим.

– Что посмотрим?

– Кому в конечном итоге достанется космос.

– Естественно, нам. Мы созданы для него. Он – наша стихия. Ни ты, ни я уже не сможем остановить или изменить начавшиеся процессы. Мы очистим периферию, переселим остатки человечества на пригодные для

жизни, но лишенные понятия «техносфера» планеты, уничтожим флот и передовые технологии союза Центральных Миров. Так будет лучше для всех. Поверь. И не лезь в стремнину событий. Ты все еще дорог мне. Постарайся выжить. – Она грустно взглянула на Дымова. – Прощай, Глеб. Этот канал связи будет закрыт.

Экран стек-голографа заволокла молочно-белая пелена.

Некоторое время Глеб сидел неподвижно, будто окаменев, затем медленно повернул голову и спросил у Андрея:

– Ты зафиксировал источник данных?

– Да. Мне удалость отследить канал гиперсферных частот.

– Мы сумеем вычислить точку пространства, откуда осуществлялась связь?

– Уже.

– Что? – не понял Дымов.

– Автоматика уже определила координаты второго приемопередающего устройства гиперсферных частот.

– Где он расположен? – Глеб чувствовал, как запоздалая нервная дрожь охватывает тело.

– Координаты указывают на систему Валерайн.

– Валерайн?! – Дымов вздрогнул. Сколько же еще злых сюрпризов приготовила судьба. – Но ведь это…

– Ведущая система Тройственного Союза, в прошлом году объявившего о своей независимости от Центральных Миров.

– Получается, что три звездные системы на границе исследованного космоса населены искусственными интеллектами? Киборгами, которым имплантированы сознания «Одиночек»?!

– Думаю, ситуация сложнее, – ответил Кирсанов.

– Поясни!

– Скорее всего, искусственные интеллекты скрываются среди людей, они захватили ключевые посты в структурах власти и готовят сейчас свои акции, прикрываясь населением колоний как щитом. Никто не решится применить там аннигиляционную установку «Свет» или оружие массового поражения, ведь население трех самых крупных колоний периферии насчитывает около семидесяти миллионов человек.

Глеб закрыл глаза.

Не хотелось даже думать о том решении, которое ему придется принять.

Почему? Почему все обернулось именно так? Почему, включив канал связи, он увидел Нику?

Потому, что ты действительно думал о людях как о чуме. И Ника – мысль от мысли твоей. Она знает тебя изнутри. Ты – игрушка в ее руках, идеальный исполнитель, поступки которого легко предсказуемы.

– Нет… – хрипло выдохнул Глеб.

– Что с тобой?

– Ничего. Все нормально. Они знали, что я вернусь на Роуг. Вернее, она знала. И была готова использовать меня.

– Логично.

– Что – логично?! Ты!.. – Глеб с яростью посмотрел на Стивена и вдруг махнул рукой. – Извини. Они не получат марионетку в моем лице!

– А ты уверен, что такая реакция не предсказана заранее?.. Зачем здесь оставлен корабль, к системе которого ты так легко получил доступ?!

– Это было нелегко… – в ярости ответил Глеб.

– Успокойтесь! Оба! – встал между ними Кирсанов. – Глеб, мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

– Думаешь, у нас есть время на разговоры?

– Несколько минут ничего не изменят. Нам нужно принять правильное решение.

– Нам?!

– Глеб, я прошу всего лишь немного твоего времени! Стивен, Айла, пожалуйста, оставьте нас одних!

* * *

– Ну? О чем ты хотел говорить? – Дымов еще не оправился от полученного только что потрясения, его душа, разорванная в клочья, кровоточила и болела, мысли поглощал образ Ники, он искажался, как плавящийся над песками пустыни мираж…

– Глеб, ты должен успокоиться. Позволь автоматике жизнеобеспечения привести тебя в норму и давай перейдем на прямое мнемоническое соединение. У нас слишком мало времени, мы должны сейчас действовать быстро и адекватно ситуации!

– Я спокоен! – резко ответил Глеб.

– Хорошо. Поверю. Ты контролируешь корабль?

– В полной мере. Кибернетическая система создала условную матрицу моего сознания, сгенерировав новую систему доступа.

– Нечто подобное я предполагал, – Кирсанов коснулся своего импланта, активируя несколько параллельных каналов передачи данных. – Так нам будет удобнее и быстрее, – пояснил он.

Глеб угрюмо кивнул.

– На кого ты работаешь, Андрей? – Дымов не собирался вести переговоры вслепую. – Только не рассказывай сказки о Генрихе Вайбере! – сразу предупредил он.

Кирсанов ждал подобного вопроса.

– Стивен и я внедрены в среду торговцев оружием Управлением внешней разведки Элио. Наша задача – поиск путей проникновения на Роуг.

– Вы знали о том, что тут найдете?

– Нет. Существовало предположение, что здесь базировались производства, созданные мыслящими машинами колонистов для разработки и серийного выпуска киборгов. Это было сделано по приказу адмирала Воронцова и до сих пор хранится в строжайшей тайне.

– После войны прошло двенадцать лет. – Глеб с недоверием отнесся к полученной информации. – Хочешь сказать, что адмирал Воронцов не владеет ситуацией? Он не знает о построенных тут кораблях? У него нет достаточно средств, чтобы восстановить контроль над столь важной планетой?

– Все намного сложнее, Глеб. Он предал мыслящих андроидов, – ответил Кирсанов, одновременно передавая Дымову файлы данных. – Еще в начале войны Воронцов, понимая, что Флот Колоний безнадежно уступает силам Альянса в технике, в количестве кораблей и подготовке личного состава, решился на отчаянный шаг: он мобилизовал андроидов колониальной серии «Хьюго». Многие из человекоподобных машин, прибывших на планеты среди прочей техники колониальных транспортов, к тому времени прошли четырехсотлетний путь саморазвития. По имеющимся данным, их набралось несколько тысяч. Адмирал обещал андроидам покровительство при создании цивилизации искусственных интеллектов после окончания войны. В обмен он потребовал, чтобы мыслящие машины в кратчайшие сроки разработали и внедрили в серию модели киборгов, внешне неотличимых от человека, для восполнения нехватки пилотов истребителей, серв-машин, экипажей космических кораблей и бойцов колониальной пехоты.

– Он не сдержал данные обещания? – мрачно осведомился Глеб, перед которым только что открылась еще одна неведомая страница чудовищного противостояния.

– Он изначально не собирался их выполнять. Способствовать созданию цивилизации мыслящих машин для адмирала было бы политическим самоубийством. Даже во время войны, когда шла схватка за выживание людей как вида, он был вынужден держать проект в

строжайшем секрете. Учитывая ненависть людей к боевым «ИИ» и неоднозначное отношение к колониальной модели «Хьюго»,[26] флот мог запросто взбунтоваться, узнав, что часть соединений укомплектована человекоподобными машинами.

– То есть Воронцов потерял контроль над планетой еще в период боевых действий? – уточнил Глеб.

– Да, – подтвердил Кирсанов, завершив передачу технических данных, характеризирующих базовую модель андроидов.[27] – Искусственные интеллекты Роуга заподозрили адмирала в предательстве и попытались выйти из договора перед самым окончанием Галактической войны. Тогда Воронцов бросил их детища на самоубийственный штурм Линии Хаммера и «слил» часть информации о Роуге земному командованию, прекрасно понимая, что Альянс попытается захватить планету. Он решил покончить со своевольными носителями искусственного разума, зная, что, встретив ожесточенное сопротивление, штурмовые соединения Альянса превратят Роуг в выжженную пустыню. Я не голословен, Глеб. Вот данные о сводных соединениях, которые адмирал в буквальном смысле «похоронил» на планетах Линии Хаммера.

Глеб прикрыл глаза, просматривая переданную ему информацию.

– Сволочь ваш Воронцов… Но с Роугом он крупно просчитался…

– Да, – Андрей пристально посмотрел на Глеба. – Теперь мы знаем, как все происходило на самом деле. Эти корабли были спроектированы и построены мыслящими андроидами, которые хотели любой ценой вырваться с планеты и бежать в иной сектор пространства. Но штурм, предпринятый силами Альянса, помешал их планам, «Одиночки» сумели захватить комплексы космической верфи и секретных производств, однако к тому моменту Земля уже капитулировала. «Одиночки», одержав пиррову победу на Роуге, остались предоставлены сами себе и не упустили дарованного шанса. Остальное ты знаешь со слов Ники.

Дымов некоторое время мрачно размышлял, ему потребовалось некоторое время, чтобы разобраться в полученной информации, а главное – убедиться в ее подлинности, непротиворечивости.

– Почему они оставили тут один корабль? – наконец спросил он.

– Это ловушка, Глеб, – ответил Кирсанов. – Я много лет изучал «Одиночек». К сожалению, они переняли от человека мало хороших черт. Жестокое время породило жестокие характеры, мы все – не только ты – носители прокаженных ненавистью душ. Но искусственные интеллекты к тому же опираются в своих действиях на логику. Они просчитывают

ситуации на много ходов вперед. Зная, что за производствами Роуга стоит адмирал Воронцов, они прекрасно понимали – рано или поздно он пошлет на планету силы, чтобы подчистить все «хвосты». А теперь подумай сам. Обнаруженный корабль принципиально новой конструкции – разве адмирал упустил бы такой подарок судьбы?

Глеб понимающе усмехнулся:

– Он бы забрал его для исследования в Форт.

– Верно, – кивнул Кирсанов. – Зачем «Одиночкам» выдавать себя раньше времени, терять эскадры для прорыва противокосмической обороны Стеллара? Автоматика этого корабля включилась бы в момент принудительной посадки, когда большинство батарей Форта были бы блокированы рельефом кратеров. Даже беглого исследования отсеков внешнего слоя фрегата достаточно, чтобы понять – действуя в автоматическом режиме, с выгодной позиции, корабль способен сокрушить оборону в радиусе нескольких тысяч километров, оголив огромный участок системы ПКО, создав безопасный коридор сближения с Фортом для других единиц вражеского флота…

– Ты знаешь это наверняка или только что предположил?

– Предположил. Но ты можешь легко проверить мою гипотезу. Воспользуйся своим доступом, просмотри секретные протоколы, предназначенные для подсистем фрегата. Думаю, ты без труда найдешь упомянутые мной инструкции.

Глеб закрыл глаза, на несколько мгновений погрузившись в пучины прямого нейросенсорного контакта с кибернетическими системами корабля.

– Да, – через некоторое время произнес он. – Такие инструкции есть. Я заблокировал их исполнение.

– Значит, я был прав? Корабль полностью исправен и готов к старту?

– Он находился в режиме ожидания. «Одиночки» собирались забрать фрегат, если ловушка не сработает и люди Воронцова не появятся тут в течение ближайших лет. Для этого на борту и смонтирована система доступа, использующая личный кодон пилота в сочетании с серийным номером искусственного интеллекта.

– В таком случае, Глеб, нам нужно стартовать немедленно. Они будут действовать стремительно. Твоего появления на Роуге на самом деле никто не ожидал.

– Будет еще одна война? – глухо спросил Дымов.

– Сейчас невозможно предсказать ход дальнейших событий, – покачал головой Андрей. – Одно я знаю совершенно точно: ты нам нужен. Этот

корабль теперь подчиняется только твоему разуму, и больше никому другому. Там, где ты способен разобраться в течение часа, сторонним исследователям потребуются годы. А у нас уже нет такого количества времени.

Губы Глеба исказила горькая усмешка.

– Я никому не верю, Андрей. На мне испытывали мыслесканер, меня предала Ника… Я не дам себя использовать.

– Мы можем обсудить это позже. Сейчас надо просто убираться отсюда.

– На Элио? – Дымов вскинул взгляд. – Нет! Вот мое условие – я подниму корабль и уведу его в неисследованные секторы. Ты и Стивен можете оправляться на доклад к своему начальству. Я дам вам истребитель.

– И что дальше?

– Я все обдумаю, и мы встретимся на нейтральной территории. Там, где никто не сможет сделать меня игрушкой в своих руках.

Кирсанов задумался.

– Есть альтернативный вариант.

– Я слушаю, – Глебу требовались немалые усилия, чтобы держать себя в руках. Он оценил информацию, переданную Андреем, убедился в ее подлинности, но принятию окончательного решения мешала внутренняя боль, порочный, еще не разорванный круг предательств.

– Сейчас нам необходимо скрыться, найти такое место, где «Одиночкам» не придет в голову искать тебя или любого из нашей группы. Мы не можем отправить Айлу к отцу, ты не должен отпускать меня и Стивена на Элио, по крайней мере до тех пор, пока искусственные интеллекты не убедятся в тщетности организации засад.

– Что конкретно ты предлагаешь?

– У этого корабля ограниченный ресурс систем жизнеобеспечения. Его необходимо постоянно пополнять.

– Согласен.

– Скажи, Глеб, Нике известно о твоей нелюбви к природе в ее чистом, первозданном виде?

– Естественно. Я никогда не скрывал своих фобий.

– Айла упоминала в разговоре с Энтони о станции боевого терраформирования «Эдем». Она мечтала попасть на борт этого уникального комплекса.

– И что?

– Я знаю, где дрейфует один из «Эдемов». Почему бы нам временно не укрыться там?

– Что нам это даст?

– Неограниченный ресурс для систем жизнеобеспечения. Возможность сделать передышку, все обдумать, ведь Ника и другие «Одиночки», переместившие свой разум в тела киборгов, никогда не станут искать тебя среди поврежденных отсеков брошенной станции, где все пропитано самыми разными запахами, а в уцелевших гидропонических оранжереях культивируются не только растения, но и сотни видов микроорганизмов?

Глеб задумался.

С доводами Андрея было трудно спорить. Ника не оставила ему ни тени сомнения или надежды. Они уже устремились сюда, летят, чтобы убить его, и неизвестно, чем обернется очередная минута промедления.

– Что ж… Это вариант, – поборов сомнения, вынужденно согласился Дымов. – Мы отыщем «Эдем», но я останусь на борту корабля. Пусть станция станет лишь местом нашей встречи.

– Еще один момент, Глеб, над которым ты должен подумать. – Андрей понимал, что если сейчас не произнесет это вслух, то спустя время говорить на болезненную тему будет еще труднее. – Ты спросил, на кого я работаю. Мой ответ был предельно честным. Но, в свете открывшихся обстоятельств, нам всем необходимо переосмыслить ситуацию и свою роль в назревающих событиях.

– Ты вербуешь меня?

– Нам всем придется принимать решения, Глеб. – Кирсанов посмотрел на Дымова и добавил: – Столкновения с искусственными интеллектами не избежать. Ника совершила ошибку, у нее нет достаточного опыта использования человеческих уловок, и она слишком ясно изложила намерения искусственных рассудков. Я не вербую тебя. Лишь хочу, чтобы мы все уяснили – технологии, использованные тут, – он жестом указал вокруг, – станут либо приговором, либо шансом на спасение миллионов людей.

– Сначала надо вырваться с Роуга, – мрачновато заметил Глеб. – Я не могу сейчас дать ответ на твой вопрос.

– Интеллекты попытаются достать тебя, Глеб, любым доступным способом. Они используют память Ники, напомнят, что сегодняшняя ситуация уходит корнями в твою ненависть к людям, взамен на лояльность предложат то, к чему ты стремился, – виртуальное бессмертие и прочие мысленные блага…

– Я помню все, что сказала Ника! – Глеб отвернулся. – Я чуть не убил ее здесь, на Роуге… Ты прав в одном – нам следует убираться отсюда. –

Дымов вновь повернулся к Кирсанову. – Зови Айлу и Стивена, будем готовить «Аскета» к старту.

– Как ты сказал? – удивленно переспросил Андрей.

– «Аскет», – повторил Дымов. – Так я мысленно назвал корабль.

Эпилог

Зона гиперперехода системы Антропос

«Аскет» вышел из гиперпространства в четырех световых секундах от дрейфующей в глубинах космоса рукотворной конструкции.

Датчики боевой локационной системы мгновенно зафиксировали объект, автоматически заработало распознавание целей, – люди еще не успели прийти в себя после выхода корабля из гиперсферы, а на стереомониторы командного мостика уже поступили данные идентификации:

Обнаружена станция боевого терраформирования класса «Эдем». Идет анализ выявленных сигнатур.

– Боевая тревога! – Глеб, мельком взглянув на модель энергетической активности бортовых систем станции, включил герметизацию пилот-ложемента. Сложная противоперегрузочная конструкция тут же трансформировалась, замыкаясь в герметичную сферу из прозрачного бронепластика.

Стивен и Андрей молча подчинились, Айла же не торопилась последовать приказу, ее буквально зачаровал вид дрейфующего в космосе объекта.

Издалека станция была похожа на исполинское фантастическое растение: основой конструкции служил двухкилометровый стержень, внутри которого располагались системы управления, силовая установка, хранилища генетического материала. К внешней обшивке крепились вытянутые, похожие на лепестки или листья сегменты оранжерей, где агротехнические сервомеханизмы выращивали генетически модифицированные растения, выводили особые штаммы бактерий и микроорганизмов, создавая уникальные самодостаточные экосистемы в рамках программы боевого терраформирования планет.

Проект «Эдем» зародился еще на заре освоения космоса. В свое время он мог изменить ход истории, – если бы через гиперсферу, в поддержку колониальным транспортам, были бы направлены подобные роботизированные комплексы, то многие из колоний Великого Исхода, вместо веков деградации или предельно жестокой борьбы с чуждыми биосферами, получили бы шанс на спокойное планомерное развитие… Однако этого не случилось, колониальный проект «Эдем» был признан слишком дорогостоящим, нецелесообразным, и работы в данном

направлении свернули.

Начавшийся четырьмя столетиями позже конфликт Земли и Колоний придал новый импульс исследованиям по преобразованию биосфер иных миров. На основе древних разработок были созданы и внедрены в серию станции боевого терраформирования планет, сначала уничтожавшие биосферы оккупированных силами Альянса миров, а затем воссоздающие на их поверхности генетически измененные экосистемы, призванные служить целям войны.

– Айла! Загерметизируй ложемент! – Гневный приказ Глеба заставил девушку вздрогнуть, оторвать взгляд от экранов обзора, вернуться в реальность.

Машинально коснувшись сенсора герметизации, она все же не удержалась от короткой реплики:

– Я не глухая!..

Две полусферические створки сомкнулись над ее креслом, внутри изолированного пространства включились автономные секции приборов, вспыхнуло с десяток голографических экранов.

– Глеб, это просто древняя станция. Расслабься, – добавила она, не ощущая угрозы.

– Станции «Эдем» входили в состав флота Альянса, – возразил Дымов, активируя подсистемы дальнего обнаружения и противоракетного щита. – Они оснащались средствами противокосмической обороны. На борту проводились секретные исследования, так что радушного приема ждать нечего.

– Но мы вышли из гиперсферы полторы минуты назад! И никто не думает на нас нападать!

– Расстояние еще слишком велико для ракет. – Дымов, в отличие от Айлы, не питал иллюзий. Он не сомневался – «Эдем» готов к бою, и как только «Аскет» пересечет незримую черту, оборонительные комплексы тут же начнут противодействие.

Фрегат отработал двигателями коррекции, в его обшивке открылись диафрагменные оружейные порты.

– Что ты делаешь? – возмущенно воскликнула Айла. – Глеб, мы не должны разрушать «Эдем»!

– Станция вооружена и окажет сопротивление, – сухо отрезал Дымов.

– Глеб, но есть же какой-то выход?! – взмолилась Айла. – Разве ты не понимаешь, что «Эдем» – это единственный шанс на возрождение биосфер многих планет?!

– Нет, не понимаю, – Дымов продолжал маневрировать, удерживая

фрегат на безопасном удалении от станции боевого терраформирования.

– Там, на борту, уникальные генетические материалы, результаты многовековых исследований, сотни планетопреобразующих механизмов! – не успокаивалась девушка. – С помощью «Эдема» мы сможем наполнить жизнью выжженные войной миры! Ради этого стоит рискнуть!

– Хорошо, Айла, мы попробуем… – Глеб продолжал сканирование с безопасного расстояния. – Но я ничего тебе не обещаю.

Она повернулась, насколько позволили страховочные ремни, посмотрела на Глеба через преграду бронепластика и слабо улыбнулась краешком губ.

В ее глазах стыл лихорадочный блеск. Одержимая мечтой о живых, цветущих планетах, она внезапно получила негаданный подарок судьбы и не могла сейчас думать ни о чем ином. Даже состояние Глеба, его потаенная боль, ясно читаемая во взгляде, не останавливали, а, наоборот, лишь подстегивали ее уверенность в собственной правоте.

– Глеб… Я стану оживлять планеты, а ты – защищать их!.. – невольно вырвалось у Айлы.

Дымов лишь слабо усмехнулся в ответ.

Секундное наваждение рассеялось. Она отвернулась, снова глядя на «Эдем».

Пальцы Глеба легли на покрытую текстоглифами сенсорную клавиатуру.

– Стив, Андрей, готовим системы «Аскета» к бою. Старт АРК по готовности. Автоматические истребители в стартовых шахтах с первой по восьмую – в режим ожидания команды. Батареям – расчет точечного поражения целей! Начинаем боевое маневрирование!

* * *

Им не пришлось открывать огонь.

Станция оказалась наполовину разрушенной, в секциях оранжерей зияли пробоины, большинство боевых надстроек превращены в обломки.

Глебу с трудом давались некоторые решения. Он привык отвечать только за себя. Психология «Одиночки» крепко въелась в рассудок – просьбы других людей вызывали протест, казались необоснованными, ведущими к неоправданному риску.

Стивен и Андрей пока не доставляли ему моральных неудобств. Они выполняли приказы, не лезли в душу, не напирали с советами, как будто выжидали, исподволь наблюдая за Дымовым. Иное дело – Айла. Ее необузданная жизненная энергия, упрямый максимализм способны были

вывести из равновесия кого угодно…

Вот и сейчас, украдкой посмотрев на девушку, Глеб заметил лихорадочный блеск в глазах Айлы, она буквально впилась взглядом в обзорные экраны, где система сканеров и оптических умножителей формировала истинный облик полуразрушенной станции.

– Ничего. На борту найдутся ремонтные сервы. Мы восстановим тебя, «Эдем»… – шептали ее губы.

Глеб вдруг вспомнил, как накануне она сказала ему:

В любой жизни есть смысл, как и в любом мире есть своя красота. Нужно только понять и увидеть ее…

Он вновь повернулся к экранам, взглянул на полуразрушенную станцию боевого терраформирования и вдруг подумал, что ему придется заново переосмысливать послевоенный мир.

«Жизнелюбия Айлы хватит на сотню таких, как я, – проклявших все и очерствевших душой. Она добьется своего, если надо – останется одна среди мертвых конструкций, будет мириться с тяготами, но восстановит «Эдем» и наполнит его новым смыслом…»

Я стану оживлять планеты, а ты – защищать их!..

Может быть, в ее невольно вырвавшейся фразе заключено истинное предвидение грядущего?

Глеб не знал. Пока не знал.

«Аскет» в последний раз озарился пламенем корректирующих двигателей и застыл напротив стыковочного узла полуразрушенной станции.

Рукав герметичного перехода выдвинулся из обшивки фрегата и медленно начал удлиняться, изгибаясь, пока не коснулся опаленных бронеплит «Эдема».

Сейчас он был похож на нить надежды, связавшую две эпохи…

Комментарии

О Линии Хаммера и гиперсферных курсах:

От Земли к ближайшим звездам через пространство гиперсферы ведут 64 навигационные линии. Ученые Альянса, четыреста лет изучавшие аномалию космоса, сумели создать генераторы, искажающие силовые линии гиперсферы. Таким способом было блокировано сорок маршрутов, ведущих от Земли к колониям Первого Рывка. Оставшиеся 24 навигационные линии вели к безжизненным звездным системам, куда перед началом войны Альянс отправил роботизированные комплексы для добычи ресурсов, строительства автоматических заводов, создания форпостов, позже реконструированных до размеров планетарных баз, образовавших Линию Хаммера.

По поводу синтезированных личностей «пилотов» серв-машин:

Начиная с 2620 года, в условиях жесткой нехватки квалифицированных специалистов, Земным Альянсом была введена практика копирования матриц сознания пилотов (сохраненных на носителях «Одиночек») с последующим их тиражированием и предустановкой в систему сходящих с конвейера серв-машин.

Этика оказалась извращенной и попранной. То, что в иное время было бы признано крайней формой цинизма, внезапно обрело окраску исключительной чести. Искусство пилота, переданное машине, копировалось на сотни чистых кристалломодулей, это позволило сформировать боеспособные серв-соединения, полностью автоматизированные, но в то же время наделенные индивидуальностью, непредсказуемостью тактических решений. Отсюда, по совокупности линий поведения, которой придерживалась та или иная машина, возникла вторичная классификация, такая, например, как «Фалангер Сейча» или «Хоплит Донецкого». Именно машины с двойной классификацией печально прославились своей непобедимостью и жестокостью.

Почему только некоторые пилоты удостоивались подобной «чести»?

Ни один человек не может в полном объеме контролировать свои мысли и эмоции, ограничивая их только проблемами конкретного боя, а значит, искусственный интеллект машины через прямой нейросенсорный контакт автоматически воспринимает все, о чем *думает* пилот. Зная это, несложно понять смысл производимого отбора. Подавляющее большинство

офицеров Альянса внутренне противились жестокой затянувшейся войне. Они не высказывали этого вслух, справедливо опасаясь репрессий, но их разум был открыт для кристалломодулей управляемых машин, и те, кроме боевых навыков, получали «дурную наследственность» в виде невысказанных, потаенных мыслей своих пилотов. Такие матрицы уже не годились для тиражирования и формирования на их основе автономных подразделений. Отсюда и «честь» – право на тиражирование своих навыков получили лишь жестокие, но лояльные личности, чей образ мышления не восставал против проводимой Альянсом практики геноцида колоний.

Суспензорное поле – в отличие от иных видов энергетической защиты, электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие установку на космических кораблях специальных электромагнитных улавливателей, предназначенных для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался бы в качестве активного вещества для силовых установок.

После открытия феномена гиперсферы данная технология утратила свою актуальность – изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности, речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использовании пыли на безвоздушных мирах), попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, появились различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной и вспомогательный, которые, благодаря своим микроскопическим размерам, внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

«Хьюго БД12» – машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы.

Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы.

Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельную реконструкцию зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком, путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов и уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

notes

Примечания

1

ГЧ – гиперсферная частота. Любая межзвездная связь осуществляется на гиперсферных частотах.

2

Кибстек – персональный кибернетический модуль. Оснащен мини-дисплеем и устройством голографического воспроизведения. Обычно исполнен в виде браслета, носимого на запястье. Стандартный имплант – устройство, вживляемое в височную область. Напрямую соединено с нервными тканями головного мозга человека.

3

Стандартный имплант вживляется человеку еще в роддоме. Кибернетическое устройство, оснащенное искусственными нейросетями, выполняет стандартный набор функций, позволяя владельцу мысленно управлять бытовыми приборами, персональным кибстеком, входить в сеть и т. д. В гнездо импланта можно подключать дополнительные специализированные кибернетические модули.

4

Смотри примечания в конце книги.

5

Юнона и Везувий – две наиболее известные планеты Линии Хаммера.

6

Личный кодон – микрочип, имплантируемый под кожу запястья офицерам Альянса. Дает полномочия доступа к любой подчиненной кибернетической системе, вплоть до управления «Одиночкой».

7

БСК – боевой сканирующий комплекс. Выпускался в различных модификациях, адаптированных для планетарных машин, космических кораблей, боевых скафандров.

8

Понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумма различных полей), которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие «карта сигнатур» – тут подразумеваются характерные, заранее известные распределения энергий, соответствующие работе определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем или сервомеханизмом при работе бортовых систем.

9

Смотри пояснение в конце книги.

10

Текстоглиф – символ, шифрующий определенную командную последовательность.

11

Датчики раннего обнаружения, как правило, высеваются по площади. Обычно раз в сутки пространство перед укреплениями обстреливается контейнерами, содержащими миллионы микросканеров.

12

«LDL-55» – модель шагающей лазерной установки колонистов.

13

«МХ-300» – модель самодвижущегося реактивного миномета.

14

ЭМГО – электромагнитное гаусс-орудие.

15

БМК – боевая машина космодесанта.

16

Спутником планеты Рори является луна Стеллар.

17

Система Хапер была оккупирована Альянсом на второй год войны.

18

Роман «Зона Отчуждения».

19

Дейвид Фарагней участвовал в создании первых модулей боевого искусственного интеллекта. Позже стал генеральным конструктором, разрабатывал новые поколения «ИИ» для нужд ВКС Альянса. Загадочно исчез при штурме Юноны силами флота Свободных Колоний.

20

Раворы – символ планеты Элио. Один из немногих видов деревьев, сохранившихся от исконной биосферы колонизированной планеты.

21

Смотри примечания в конце книги.

22

Подробнее о событиях в романе «Серв-батальон».

23

АРК – автоматический разведывательный корабль.

24

Модуль виртуального обучения записывает необходимую информацию непосредственно в мозг обучаемого. Технология относится к разряду рискованных и запрещена к использованию в цивилизованных мирах.

25

События романа «Последний Рубеж».

26

Многие андроиды базовой модели «Хьюго» принимали участие в конфликтах, возникавших в колониях еще до начала Галактической войны. На третьем уровне программной свободы они получали возможность к саморазвитию, могли предпринимать любые действия для защиты своего хозяина.

27

Подробнее о модели «Хьюго» – примечание в конце книги.